

ВИКТОРИЯ ПОД РУЩУКОМ

К 215-летию победы русских войск под командованием
М.И. Кутузова над турецкой армией

Восьмая по счёту война между Россией и Турцией вспыхнула в 1806 году на фоне общей геополитической обстановки в Европе и роста реваншистских настроений Стамбула. В предыдущих двух войнах с турками (1768—1774 гг. и 1787—1791 гг.) Российская империя присоединила большие территории в Северном Причерноморье, включая Крым и земли между Южным Бугом и Днестром, и на Северном Кавказе. Османлы при этом отказывались от претензий на Грузию. Княжества Молдавия и Валахия возвращались Турции, но получили ряд политических преференций. В частности, Стамбул не имел права без одобрения Петербурга менять молдавских и валахских господарей (правителей). Кроме того, в Дунайских княжествах был учреждён институт российского консульства, который укреплял влияние петербургского двора в этих землях.

Турки желали взять реванш за поражение, вернуть под свой контроль Чёрное море, Крым и Северное Причерноморье, отодвинув границы России на север и восток. К новой войне османских царедворцев активно подстрекала наполеоновская Франция, против которой Россия выступала в коалиции (уже четвёртой по счёту) с Британией, Швецией, Пруссией и Саксонией. Цель Парижа была очевидной — с помощью открытия нового фронта отвлечь русские силы и ослабить их присутствие на полях борьбы с Францией.

Не последнюю роль в решении Порты снова выступить против России играл и тот фактор, что русские войска уже два года воевали с Персией за контроль над Южным Кавказом, притом что персов в этой войне активно поддерживала Великобритания — союзница Петербурга по антинаполеоновской коалиции.

В конце концов французскому посланнику в Стамбуле Себастиани удалось убедить султана Селима III спровоцировать войну. Столкновение стало неизбежным после того, как турки закрыли для русских кораблей Босфор и Дарданеллы, стянули войска в междуречье Днестра и Прута (Бессарабия), а также в нарушение Ясского договора досрочно сместили ориентировавшихся на Петербург господарей Молдавии и Валахии. А наполеоновские войска к тому времени подошли к Висле и заняли Варшаву, вплотную приблизившись к русским границам.

В ответ Петербург ввёл в Молдавию и Валахию 40-тысячное войска с целью устраниения Стамбула. Крепости Хотин, Бендеры, Аккерман, Галац и Килия сдались без боя. Корпус генерал-лейтенанта М.А. Милорадовича занял Бухарест и тем самым спас город от бойни. Но турецкий султан всё же объявил России войну.

На начальном её этапе успех сопутствовал России. Русские войска осадили Измаил, Милорадович разбил авангард турецкого визиря, шедший на Бухарест, эскадра адмирала Д.Н. Сенявина разгромила османский флот в Дарданельском сражении, а силы Черноморского флота заняли Анапу. Кроме того, Порта терпела поражения и на Кавказском фронте.

В 1807 году было заключено перемирие. Почти весь 1808 год продолжались переговоры. Стамбул, несмотря на военные неудачи, не желал идти на уступки, а Россия не активизировала боевые действия, поскольку заключила с Наполеоном Тильзитский мир и вступила в войну со Швецией за финские земли и принуждение Стокгольма к блокаде Англии. Тем временем в Стамбуле произошёл очередной переворот. К власти пришёл Махмуд III. Заручившись поддержкой Британии и Австрии, он в марте 1809 года возобновил боевые действия, кроваво подавив в Сербии восстание под руководством Георгия Карагеоргия. Однако

очень быстро османлы начали вновь терпеть поражения. Новый главнокомандующий русскими войсками князь П.И. Багратион захватил дунайские крепости Гирсов и Матчин, разгромил двигавшиеся на Бухарест войска, которыми командовал великий визирь Юсуф Зияуддин-паша, а затем взял и Измаил.

1810 год также стал триумфальным для русской Дунайской армии, которая форсировала Дунай и захватила Туртукай, Базарджик, Силистрию, Никополь, Турно, Плевну, Руцук и другие города.

Кампания следующего, 1811 года во многом определялась осознанием неизбежности масштабного столкновения с Наполеоном. Командующим Дунайской армией был назначен генерал от инфантерии М.И. Кутузов, который благодаря своему полководческому таланту должен был нанести османам решительный удар и как можно быстрее закончить войну. Вверенные ему войска насчитывали 46 тыс. человек, при этом большая часть их была рассредоточена вдоль левого берега Дуная. Русским противостояла почти 70-тысячная армия великого визиря Ахмет-паши.

В июне 1811 года турки попытались отбить Руцук, но атака была отражена. Османлы потеряли 5000 человек, русские — в десять раз меньше. Ахмет-паша приказал своим солдатам окопаться, ожидая, что Кутузов разовьёт успех и пойдёт в контрнаступление. Однако великий полководец не желал терять людей в лобовых

атаках и пошёл на хитрость: приказал уничтожить укрепления в Руцуке и отойти на левый берег Дуная. Ахмет-паша возликовал, посчитав, что русские «испугались». Турки заняли оставленный Руцук и начали готовиться к форсированию Дуная, чтобы снова атаковать войска Кутузова у Журжи.

На правом берегу Дуная остались более 20 тыс. турок. Туда по приказу Кутузова скрытно переправился на плотах и паромках русский отряд генерал-лейтенанта Е.И. Маркова (2500 всадников, 5000 пехотинцев, 38 орудий). 14 октября 1811 года марковцы нанесли внезапный удар, чем ошеломили турок, не ожидавших увидеть противника в своём тылу. Возникшая паника и дезорганизация в лагере османов были настолько сильны, что те, кто не погиб, просто разбежались. Отряд Маркова, потеряв лишь 9 человек убитыми и 40 ранеными, захватил всю брошенную артиллерию и с тыла открыл огонь по туркам на противоположном берегу Дуная. Одновременно они были атакованы с фронта войсками Кутузова и с реки подошедшими кораблями Дунайской военной флотилии.

Зажатая со всех сторон турецкая армия не могла ни вырваться, ни получить подкрепление. Вскоре в осаждённом лагере начался голод. Ахмет-паше удалось бежать. Начались переговоры. 5 декабря был подписан договор, по которому блокированная османская армия сдавала оружие и распределялась по лагерям на занятой русскими территории.

А уже в мае 1812 года, за месяц до наполеоновского вторжения в Россию, между Петербургом и Стамбулом был заключён Бухарестский мирный договор. В состав России вошла Бессарабия, Валахия получила автономию, сербская автономия была расширена, а султан признал усиление российского влияния в Закавказье. Но самым главным последствием Бухарестского мира стало крушение планов Бонапарта, рассчитывавшего, что турки продолжат оттягивать на себя значительные силы русской армии в ходе его нашествия в Россию.

Публикация Н.Л. Крыловой

Светлейший князь
М.И. Кутузов
Художник Р.М. Волков
Государственный
музей-заповедник «Гатчина»

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

10/2026

Военно-исторический журнал 2026 10 октябрь

«ТВЁРДО ВНЕДРИТЬ В КАЖДОГО — ОТСТУПАТЬ НЕКУДА!»

К 85-летию начала обороны Севастополя (1941—1942 гг.)

Оборона Севастополя 1941—1942 гг. (Вторая оборона Севастополя, Севастопольская оборона 1941—1942 гг.) — боевые действия частей Черноморского флота (ЧФ) и Красной армии при поддержке местного населения по защите Севастополя от германо-румынских войск в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., продолжавшиеся с 30 октября 1941 года по 4 июля 1942 года.

Началу обороны Севастополя предшествовали месячные оборонительные сражения в северной части Крымского полуострова, в результате которых войска Крыма (командующий — вице-адмирал Г.И. Левченко), созданные вместо 51-й Отдельной армии директивой Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) от 22 октября, включая подчинённый им в оперативном отношении ЧФ, потерпели неудачу и отступили вглубь полуострова. Это дало возможность противнику оккупировать Крым.

Приказом Г.И. Левченко от 4 ноября для обороны города с суши был создан Севастопольский оборонительный район (СОР) во главе с И.Е. Петровым. Однако директивой Ставки ВГК от 7 ноября для оперативного руководства Севастопольской обороной с суши, моря и воздуха во главе СОР был поставлен командующий ЧФ вице-адмирал Ф.С. Октябрьский (вступил в должность 10 ноября).

Для защиты Севастополя с суши в 2—15 км от городской черты гарнизоном и горожанами в июле—октябре 1941 года по дуге были возведены три рубежа фортификационных сооружений. Во второй половине мая—июне 1942 года от мыса Херсонес до Южной бухты был дополнительно устроен противодесантный рубеж с дотами, проволочными ограждениями и окопами, далее от мыса Павловский по южному побережью Северной бухты с 20 июня 1942 года создавалась линия окопов.

Численность участников Севастопольской обороны к середине ноября 1941 года достигла 55 тыс. человек, среди них: силы береговой обороны; Военно-воздушные силы ЧФ; силы противовоздушной обороны ЧФ; отступившие к Севастополю под прикрытием 184-й стрелковой дивизии пограничных войск НКВД части Приморской армии.

Противник сосредоточил вокруг города силы значительно более мощной 11-й армии вермахта в составе 54-го и 30-го армейских корпусов, а также румынского горнострелкового корпуса под общим командованием генерала Э. фон Манштейна (60 тыс. человек, 450 артиллерийских орудий и 160 единиц бронетанковой техники), поддерживавшиеся 4-м авиационным корпусом 4-го Воздушного флота люфтваффе (200 самолётов).

Началом обороны Севастополя принято считать боевые действия с 30 октября по 2 ноября 1941 года 54-й береговой батареи ЧФ (4 орудия калибра 102 мм) против передовых частей 11-й армии вермахта в районе села (ныне посёлок городского типа) Николаевка Симферопольского района Крымской АССР (ныне Республика Крым).

В ходе первого штурма 11—21 ноября главный удар нанёсился противником с юго-востока, при этом бои шли по всему периметру передового рубежа обороны. Приказом от 13 ноября, который был адресован командирам и комиссарам дивизий Приморской армии и комендантам секторов СОР, военный совет Приморской армии, стремясь предотвратить панику, установил строжайшую дисциплину среди защитников Севастополя: «Твёрдо внедрить в каждого — отступать некуда!»

Во время второго штурма 17 декабря 1941 года — 1 января 1942 года после артиллерийской и авиационной подготовки главный удар наносился вдоль обеих сторон долины реки Бельбек по грунтовым дорогам и в направлении селения Камышлы Балаклавского района (ныне село в составе Севастополя) из района гор Азис-Оба — Кымыр-Кая в целях захвата железнодорожной станции Мекензиевы Горы и выхода к Северной бухте (ныне Севастопольская). Советские войска были отгеснены к главному рубежу обороны, прорванному в районах рек Кача и Бельбек, и закрепились в районе Мекензиевых Гор.

В период третьего штурма 7 июня — 1 июля 1942 года главный удар наносился противником с севера и северо-востока. В ночь на 1 июля противник занял исторический центр Севастополя. Румынские части в тот же день рано утром захватили Балаклаву с портом, а затем подавили сопротивление ряда групп западнее города — до мыса Фиолент. Большая часть советских войск (около 70 тыс. человек, включая раненых) отступила на запад — сначала к Стрелецкой и Камышовой (1 июля), а затем и к Казачьей (2 июля) бухтам.

Общие потери ЧФ и Красной армии во время Севастопольской обороны составили около 200 тыс. человек (из них безвозвратные — около 157 тыс. человек), около 240 самолётов. Общие потери противника приблизились к 300 тыс. человек.

Севастопольская оборона стала важным этапом первого периода Великой Отечественной войны; её участники 8 месяцев сковывали крупные силы противника, не позволяя ему начать наступление на Кавказ.

Публикация Н.Л. Крыловой

Зенитчики на позиции

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

- Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
- Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
- Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
- Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
- Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
- Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
- Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: mil_hist_magazin@mail.ru или ric_vig_1@mail.ru.
- Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
- Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

- название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
- аннотацию на русском и английском языках (150—200 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы. В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- ключевые слова на русском и английском языках (15—20 слов);
- рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
- текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
- примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
- сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

- Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
- Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
- Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
- Текст набирается с соблюдением следующих правил: поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см; межстрочный интервал — полуторный; абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами); перенос слов — отключён; инициалы между собой пробелами не отделяются; при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-); кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
- Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
- Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
- Иллюстрации:
 - векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
 - растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.

Фон рисунков желательнo сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;

 - все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12 E-mail: ric_vig_1@mail.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:

- по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;

- Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
- интернет-каталогу «Пресса России», индекс ЭЗ9887 для подписчиков всех регионов;
- интернет-каталогам агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru www.akc.ru www.ppressa-rr.ru;

- заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 19.08.2026
Подписано к печати 18.09.2026
Формат 60х84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 4173-2026
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Тел.: (495) 941-23-80 E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46 E-mail: reklama@kornnet.ru
Отпечатано в АО «Красная Звезда» 117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40 Цена свободная © «Военно-исторический журнал», 2026

Отдел распространения периодической печати (495) 941-39-52 E-mail: kr_zvezda@mail.ru, Web-сервер: <http://www.redstarprint.ru> Секретариат (495) 191-15-51

РЕДАКЦИЯ
Главный редактор
ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный
журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель
главного редактора

КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАРАН,
полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат
исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;

Н.Л. КРЫЛОВА;

А.Л. КУРСОВА;

С.В. МАНИУКОВ,
полковник в отставке;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;

А.В. ПЕТРОЧИНИ;

А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

Ответственный
секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель
ответственного секретаря);

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.М. ПЕТРОВ,
полковник в отставке;

Е.Б. ШМИДТ

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка

Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ
капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера
использована картина художника
А.И. Плотнова «Защитники Сева-
стополя»

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**
УЧРЕДИТЕЛЬ:
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

октябрь
№10 (798)
2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук, профессор (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивного управления Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival department of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — научный руководитель Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

Yu.A. PETROV — Scientific Leader of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science; Белый список и Единый государственный перечень научных изданий

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2-я стр. обл.	«Твёрдо внедрить в каждого — отступать некуда!». К 85-летию начала обороны Севастополя (1941—1942 гг.) (Публикация Н.Л. Крыловой)
---------------	---

ИСТОРИЯ ВОЙН

4	Н.А. ЕВМЕНОВ, Е.Ю. СУКАЛЕНКО — «В том, что... нашими войсками была разгромлена 750-тысячная Квантунская армия, есть заслуга и моряков Амурской флотилии». Опыт применения Краснознамённой Амурской военной флотилии в Советско-японской войне 1945 года
---	--

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

16	С.А. ТАРАСОВ — «Укомплектовывать в установленном порядке части, соединения, заведения и учреждения ВВС РККА...». Развитие кадровых органов Военно-воздушных сил России в 1914—1941 гг.
----	---

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

26	В.О. ТЕРЕНТЬЕВ — «Зенитных средств было очень мало, боеприпасы к ним были малоэффективными...». Противовоздушная оборона 6-й армии Киевского особого военного округа (Юго-Западного фронта) накануне и в первые дни Великой Отечественной войны
38	В.Н. ИВАНОВ — «Появились с Урала танкисты — дивизия чёрных ножей». Особенности формирования 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса (февраль — июнь 1943 г.)
48	А.В. ЛЕБЕДЕВ, В.В. РУДОЙ — «Прежде всего придётся заниматься минами: пробивать фарватеры через минные поля...». Боевая деятельность соединений и кораблей траления Краснознамённого Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны (1942 — май 1945 г.)

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

58	И.В. КАРТАШЕВ — «...Впервые в истории медицины осуществил групповую эвакуацию больных проказой из армейского и фронтового районов». Вклад военных медиков в спасение жизней пациентов лепрозориев Абинского района в период битвы за Кавказ (1942—1943 гг.)
----	--

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

64	А.А. МИЛЮТИН — «Батарея “РС”... тремя залпами по противнику нанесла ему такие потери, что он целый день вывозил раненых и подбирал убитых...». Новые данные о действиях батареи реактивной артиллерии под командованием капитана И.А. Флёрова в Смоленском сражении 1941 года
----	--

ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

74	В.Ж. ДОРОХОВ — «Мы были первой партией военных преступников Маньчжоу-го, прибывших в Советский Союз». Оперативно-чекистская работа с интернированными и военнопленными на спецобъекте № 45 Управления НКВД/МВД по Хабаровскому краю в 1945—1950 гг.
----	--

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

84	А.Л. САМОВИЧ — «Невероятно кошунствуют немецкие офицеры и солдаты над церквями». Обстрелы и осквернение германскими войсками православных храмов на белорусских землях в 1914—1918 гг.
----	---

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

90	Е.О. НАУМОВ — «Я считаю, что мои объяснения объективно не могут быть оправданием...». Споры о виновниках захвата Народной армией Комуча г. Симбирска 22 июля 1918 года
----	---

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

100	Д.А. МЕЛЬНИКОВА, М.С. ТРЕГУБОВА — «Истинно-офицерская лошадь обязана удовлетворять не только требованиям езды манежной и фронтовой...». Офицерские скачки в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.)
-----	--

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

108	Ю.В. САДОВ — «Имею глупость не верить, что дела добрые требуют тайны». Участие генерала А.П. Ермолова в Смоленском (Несвижском) кружке
-----	---

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ

112	А.Ю. СОКЛАКОВ, Л.В. ТРУБИЦИНА — На защите исторической памяти. К 60-летию Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации
-----	---

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

116	В.Г. КИКНАДЗЕ — «Рассказ о надежде, борьбе и ежедневном подвиге». Фотоальбом о трудовом и человеческом подвиге рязанцев в годы Великой Отечественной войны
-----	---

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

4-я стр. обл.	Виктория под Рушуком. К 215-летию победы русских войск под командованием М.И. Кутузова над турецкой армией (Публикация Н.Л. Крыловой)
---------------	---

CONTENTS

MEMORABLE DATES

«Firmly instill this in everyone — there is nowhere to retreat!». On the 85th anniversary of the beginning of the defense of Sevastopol (1941–1942) (<i>Publication by N. L. Krylova</i>)	p. 2 of the cover
---	-------------------------

HISTORY OF WARS

N.A. YEVMENOV, Ye.Yu. SUKALENKO — «The victory of our troops over the 750,000-strong Kwantung Army was due in part to the efforts of the sailors from the Red Banner Amur Military Flotilla». The experience of the Red Banner Amur Military Flotilla during the Soviet-Japanese War of 1945	4
---	---

MILITARY CONSTRUCTION

S.A. TARASOV — «Staff the units, formations, establishments, and institutions of the Red Army Air Forces in a professional manner...». The development of personnel bodies in the Russian Air Force from 1914 to 1941	16
--	----

GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

V.O. TERENTYEV — «There were very few anti-aircraft weapons, and their ammunition was ineffective...». Air defense of the 6th Army of the Kyiv Special Military District (Southwestern Front) on the eve and in the early days of the Great Patriotic War	26
V.N. IVANOV — «Tankers from the Urals emerged — a division of ‘black knives’». Formation of the 30th Ural Volunteer Tank Corps (February–June 1943)	38
A.V. LEBEDEV, V.V. RUDOY — «First and foremost, we will need to deal with the mines: creating channels through minefields...». The combat activities of the mine-clearing units and ships of the Red Banner Baltic Fleet during the Great Patriotic War (from 1942 to May 1945)	48

HISTORY OF MILITARY MEDICINE

I.V. KARTASHEV — «...For the first time in medical history, performed a mass evacuation of leprosy patients from military and front-line areas». The role of military doctors in saving the lives of patients in leprosy hospitals in the Abinsk region during the Battle of the Caucasus (1942–1943)	58
--	----

POINTS OF VIEW. JUDGMENTS. VERSIONS

A.A. MILYUTIN — «The rocket artillery battery, with its three salvos, caused such heavy losses to the enemy that they spent the entire day evacuating the wounded and collecting the dead». New information about the actions of captain I.A. Flyorov’s rocket artillery battery during the Battle of Smolensk in 1941	64
---	----

PRISONERS OF WAR: PROBLEMS AND SOLUTIONS

V.Zh. DOROKHOV — «We were the first group of Manchukuo war criminals to arrive in the Soviet Union». Operational and security work with internees and prisoners of war at Special Facility No. 45 of the NKVD / Ministry of Internal Affairs Directorate for Khabarovskiy Kray from 1945 to 1950	74
---	----

FIRST WORLD WAR

A.L. SAMOVICH — «German officers and soldiers committed incredible blasphemies against churches». The shelling and desecration of Orthodox churches on Belarusian lands by German troops during the years 1914–1918	84
--	----

CIVIL WAR

Ye.O. NAUMOV — «I believe that my explanations cannot objectively serve as justification...». Disputes about the responsibility of the capture of Simbirsk by the People’s Army of Komuch on July 22, 1918	90
---	----

ARMY AND SOCIETY

D.A. MELNIKOVA, M.S. TREGUBOVA — «A true officer’s horse should meet more than the demands of the arena and frontline riding...». Officer’s races in the Russian Empire during the second half of the 19th and early 20th centuries	100
--	-----

MILITARY LEADERS AND COMMANDERS

Yu.V. SADOV — «I’m foolish enough not to believe that good deeds need to be kept secret». General Alexey P. Yermolov’s involvement in the Smolensk (Nesvizh) group	108
---	-----

HISTORY OF MILITARY SCIENCE

A.Yu. SOKLAKOV, L.V. TRUBITSINA — In defense of historical memory: celebrating the 60th Anniversary of the Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia	112
--	-----

A MILITARY HISTORIAN’S BOOKSHELF

V.G. KIKNADZE — «A Story of Hope, Struggle, and Everyday Heroism». A photo album about the labor and incredible courage of the people of Ryazan during the Great Patriotic War	116
---	-----

MEMORABLE DATES

Victory at Ruschuk: the 215th Anniversary of the triumph of Russian forces under the leadership of Mikhail I. Kutuzov over the Turkish army (<i>Published by N.L. Krylova</i>)	p. 4 of the cover
--	-------------------------

«В ТОМ, ЧТО... НАШИМИ ВОЙСКАМИ БЫЛА РАЗГРОМЛЕНА 750-ТЫСЯЧНАЯ КВАНТУНСКАЯ АРМИЯ, ЕСТЬ ЗАСЛУГА И МОРЯКОВ АМУРСКОЙ ФЛОТИЛИИ»

Опыт применения Краснознамённой Амурской военной флотилии
в Советско-японской войне 1945 года

Сведения об авторах. Евменов Николай Анатольевич — начальник Военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова», адмирал (Санкт-Петербург. E-mail: vnpc-vmf@mail.ru);

Сукаленко Евгений Юрьевич — начальник центра (научно-исследовательского, проблем развития и функционирования Военно-морского флота) Военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова», капитан 1 ранга, кандидат военных наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: vnpc-vmf-1@mail.ru).

Аннотация. В настоящее время становится особенно востребованным опыт применения речных военных флотилий в Великой Отечественной войне. Целью статьи является введение в научный оборот новых архивных данных о подготовке и применении сил (войск) Краснознамённой Амурской военной флотилии против милитаристской Японии в августе—сентябре 1945 года. В работе рассмотрены положительные аспекты и недостатки в действиях сил флотилии в Маньчжурской стратегической наступательной операции, которые могут быть учтены органами военного управления в условиях современных военных конфликтов.

Ключевые слова: Краснознамённая Амурская военная флотилия; Великая Отечественная война; Советско-японская война; военно-морская история.

В настоящее время военно-политическая обстановка в мире характеризуется ростом угроз национальной безопасности России, которые при определённых условиях могут перерасти в крупномасштабную войну. Этому способствует поддержка правительствами ряда европейских государств украинского пронацистского режима, с формированиями которого ведут борьбу группировки Вооружённых сил Российской Федерации в ходе Специальной военной операции на Украине. При этом, как и в годы Великой Отечественной войны, боевые действия ведутся

в широкой береговой полосе реки Днепр и других водных артерий Днепровского бассейна.

Несмотря на то что за прошедшие 80 лет существенно изменились условия вооружённой борьбы и используется современная военная техника, в некоторых вопросах опыт применения советских речных военных флотилий, в частности Краснознамённой Амурской военной флотилии, может быть использован и сегодня как непосредственно при выполнении боевых задач, так и в интересах развития и строительства Вооружённых сил России.

Амурская военная флотилия существовала в составе Военно-морского флота (ВМФ) почти 50 лет (1906—1955 гг.)¹. Главными задачами объединения являлись защита государственной границы между Россией (СССР) и Китаем, проложенной по рекам Аргунь, Амур и Уссури², а

также оборона речных коммуникаций Амурского бассейна. За героические и грамотные действия в ходе вооружённого конфликта на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 году флотилия в том же году была награждена Почётным революционным Красным знаменем.

На пятом, завершающем, этапе Второй мировой войны (1939—1945 гг.)³ Краснознамённая Амурская военная флотилия (КАВФл) приняла активное участие в Маньчжурской стратегической наступательной операции (СНО), которая привела к полному разгрому Квантунской армии и военных

формирований марионеточных государств на оккупированных Японией территориях Китая и Внутренней Монголии.

Опыт применения КАВФл в войне сразу после её окончания был исследован и в целом описан военными историками⁴. В дальнейшем он нашёл отражение на страницах научно-справочной, военно-патриотической и мемуарной литературы советского времени⁵. После рассекречивания архивных документов появилось значительное количество публикаций (в 1990-х⁶, 2000-х⁷, 2010-х⁸ и 2020-х⁹ гг.), в т.ч. в «Военно-историческом журнале»¹⁰, в разной степени освещающих опыт применения КАВФл в Маньчжурской СНО. Отдельные аспекты деятельности флотилии раскрыты в диссертационных исследованиях (И.В. Крюков¹¹, Д.В. Ливенцев¹²).

Однако анализ материалов из фондов Филиала Центрального архива Министерства обороны

Российской Федерации (Архив ВМФ, г. Гатчина) показал, что многие представляющие значительный интерес документы, разработанные органами управления КАВФл, её соединений и частей, до настоящего времени носили закрытый характер. Поэтому они не были доступны исследователям. В этой статье они вводятся в научный оборот впервые.

В течение всей Великой Отечественной войны народный комиссар ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов и руководство Главного морского штаба (ГМШ) ВМФ СССР уделяли значительное внимание поддержанию боеготовности соединений и частей Амурской флотилии. Это обуславливалось складывавшейся напряжённой обстановкой на границе с марионеточным государством Маньчжоу-Го — протекторатом Японии в Маньчжурии. Разведывательный отдел штаба КАВФл регулярно дово-

дил информацию о строительстве укреплений и подготовке плацдармов для нападения на СССР, сосредоточении войск (сил) вероятного противника в Маньчжурии¹³.

К августу 1945 года их общая численность достигала 900 тыс. человек, из них свыше 700 тыс. оккупационных войск Японии, сосредоточенных в основном в Приморье. На сахалинском направлении находилось до 90 тыс., на сунгарийском — до 60 тыс. и на приханкайском — до 65 тыс. человек войск противника¹⁴.

Особую опасность представляла Сунгарийская речная флотилия (СРФ) Японии в составе 4 башенных канонерских лодок (водоизмещением до 290 т), 12 бронекатеров (6—60 т, 6—30 т), 10 сторожевых катеров (10—15 т). Корабельный состав СРФ был сведён в пять боевых и восемь сторожевых отрядов по два корабля в каждом. Кро-

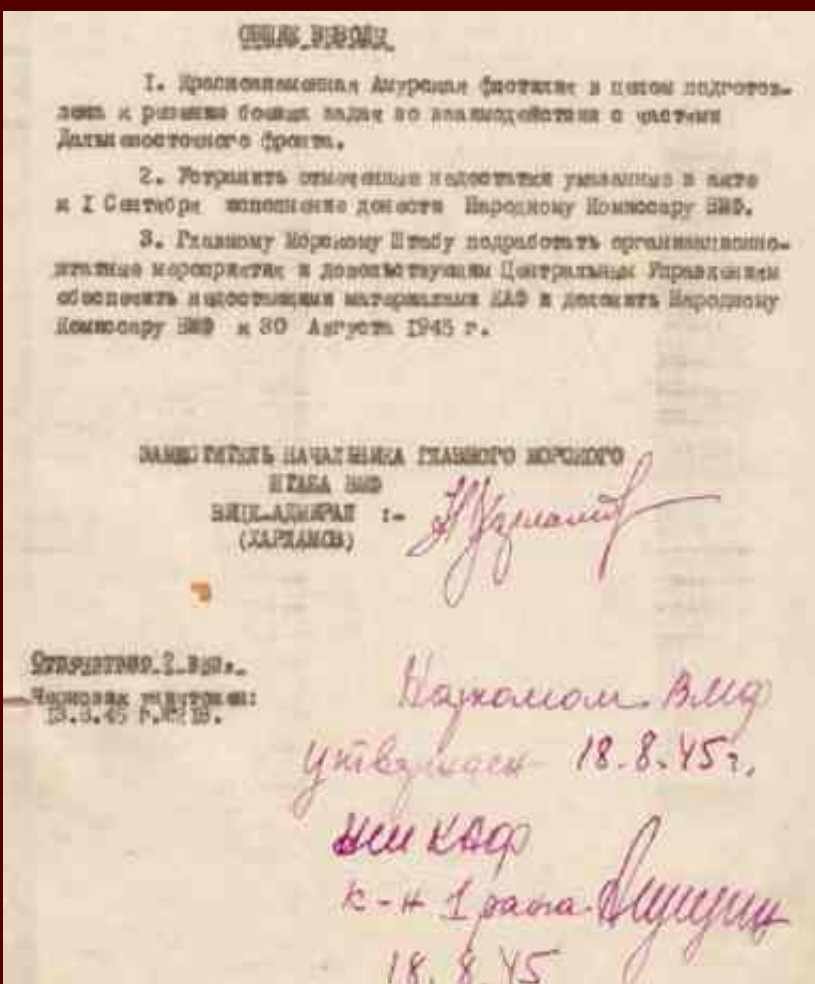
Операционная зона Краснознамённой Амурской военной флотилии

Канонерская лодка
Сунгарийской речной флотилии Японии «Ян-Минь»
Центральный военно-морской музей. ЦВММ КП ФГ О-35091/1.

Маскировка сетями монитора Краснознамённой Амурской военной
флотилии (эскиз)
Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 193. Л. 100.

Заключительная страница Акта инспекции, проведённой
4—8 августа 1945 г. Общие выводы
Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 148. Л. 111.

ме того, флотилии для ведения десантных действий были приданы три полка морской пехоты двухбатальонного состава, имевших 130 высадочных средств (50 десантных мотоботов, остальные — моторные и резиновые лодки). В составе СРФ также имелся учебный отряд с учебной канонерской лодкой (260 т). Командующий флотилией пользовался правами командующего военным округом и непосредственно подчинялся военному министру Маньчжоу-Го. Штаб СРФ включал 34 офицера и 13 унтер-офицеров¹⁵ (начальник — генерал-майор японской армии Иваи Бунго).

Несмотря на относительную малочисленность, корабли СРФ непрерывно вели разведку в пограничной системе рек с периодическим нарушением правил плавания, временами провокационно обстреливали советские приграничные селения и пограничные заставы ружейным и пулемётным огнём. В связи с частым изменением фарватера Амура японцы неоднократно предъявляли Советскому Союзу свои права на некоторые протоки и острова.

Корабли СРФ неоднократно нарушали государственную границу СССР. Наиболее часто это происходило на двух участках — на протоке Средняя (район Усть-Сунгари) и в районе группы островов, образуемых Казакевичевой протокой, рекой Усури и частью Амура между устьями протоки и Усури.

Японцы рассчитывали, что за счёт постоянного присутствия своих кораблей в этих районах им удастся отодвинуть границу вглубь советских территориальных вод, отторгнуть значительную группу островов в пользу Маньчжурии и осуществлять плавание непосредственно вблизи Хабаровска. Однако попытки подобных провокаций своевременно пресекались силами КАВФл¹⁶.

Маньчжурия в военно-экономическом отношении фактически являлась тылом Японии. Несмотря на успехи военно-мор-

ских сил (ВМС) США и Великобритании на Тихоокеанском театре военных действий (ТВД), добиться поражения Японии во Второй мировой войне было возможно только путём разгрома и вывода её войск с континента. В результате договорённостей, достигнутых лидерами союзных держав на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.), война СССР с Японией стала неизбежной, а КАВФл предстояло играть в ней важную роль.

Н.Г. Кузнецов в своих мемуарах «Курсом к победе», описывая подвиги моряков-амурцев, утверждал: «Флотилия помогла прорывать оборону противника, овладевать городами, уничтожать совместно с войсками окружённые группировки японских войск, высаживать десанты». Поэтому флотоводец с полным основанием смог заключить: «В том, что в течение нескольких дней нашими войсками была разгромлена 750-тысячная Квантунская армия, есть заслуга и моряков Амурской флотилии»¹⁷.

В 1945 году флотилией последовательно командовали вице-адмирал Ф.С. Седельников (сентябрь 1944 — июнь 1945 г.) и контр-адмирал Н.В. Антонов (июнь 1945 — октябрь 1948 г.), обладавшие значительным опытом руководства флотилиями в Великой Отечественной войне. В июне 1945 года вице-адмирал Ф.С. Седельников был назначен начальником военно-морского отдела в штабе Главнокомандующего Советскими войсками на Дальнем Востоке и оставался в этой должности до окончания военных действий в Маньчжурii в сентябре 1945 года.

Начальником штаба и членом военного совета (ЧВС) Амурской флотилии являлся капитан 1 ранга А.М. Гушин (июнь 1943 — декабрь 1948 г.). До этого назначения он воевал на Черноморском флоте, командуя крейсером «Красный Кавказ», участвовавшим в обороне Крыма и Севастополя и удостоенным звания «гвардейский». Под его руководством в начале 1945 года

Ф.С. Седельников

оперативным отделом штаба КАВФл были разработаны документы, регламентировавшие деятельность сил и служб флотилии: временные наставления по обороне Главной базы, дозорной службе, конвоированию транспортов на р. Амур, прорыву укрепленного речного рубежа, противоминной обороне, огневому содействию войскам Красной армии кораблями флотилии и многие другие¹⁸.

Кроме того, штаб флотилии принимал участие в разработке наставлений войскам Дальневосточного фронта (ДВФ) по взаимодействию с силами КАВФл. Положения этих документов опирались на «Наставление по совместным действиям сухопутных войск с Военно-Морским Флотом и военными речными флотилиями», разработанное ГМШ и введенное в действие в 1943 году¹⁹.

Начальником политотдела — членом военного совета Амурской флотилии был опытный политработник контр-адмирал М.Г. Яковенко (июнь 1943 — декабрь 1948 г.). Под его руководством политотдел флотилии, кроме военно-политической и воспитательной работы с личным составом, вёл активную агитацию и пропаганду как

среди китайского населения Маньчжоу-Го, так и среди войск противника.

В планах боевой подготовки соединений и частей КАВФл всесторонне учитывался не только опыт, полученный ВМФ СССР в ходе Великой Отечественной войны, но и опыт ВМС других государств. Так, в апреле 1945 года в ходе ожесточённых морских боёв в районе о. Окинава японцы впервые нанесли удары по кораблям ВМС США «реактивными воздушными торпедами», управлявшимися лётчиками-смертниками. В конце июня штаб КАВФл получил и выполнил указания начальника ГМШ, содержавшие перечень мероприятий по маскировке кораблей и береговых объектов, а также их прикрытие силами и средствами авиации и противовоздушной обороны (ПВО) при нападении камикадзе²⁰.

Близость мест базирования сил КАВФл к границе и высокая вероятность внезапного нападения противника обусловили значительное внимание командования и штаба флотилии к вопросам маскировки кораблей и частей в течение всей войны. При этом учитывался опыт маскировки Днепровской и Дунайской речных флотилий²¹.

Подготовка сил Тихоокеанского флота (ТОФ) и Амурской флотилии к войне проходила с непосредственным участием офицеров 5-го отдела оперативного управления ГМШ, которые под общим руководством начальника ГМШ адмирала С.Г. Кучерова в июне—июле 1945 года разработали план применения ТОФ и КАВФл в предстоявшей Маньчжурской СНО²². В соответствии с планом 21 июля 1945 года флотилия была приведена в оперативную готовность № 2 (повышенную)²³.

С 17 июля по 2 августа 1945 года Н.Г. Кузнецов находился в составе советской делегации на конференции союзников в Потсдаме. В своих мемуарах он отметил, что незадолго до отъезда в Москву получил ин-

формацию о возможном начале военных действий против Японии в ближайшие дни. Лично на него была возложена ответственность за организацию взаимодействия сил ВМФ с сухопутными войсками на Дальнем Востоке. Н.Г. Кузнецов незамедлительно направил на ТОФ и КАВФл офицеров ГМШ для проверки боевой готовности объединений и организации их взаимодействия с войсками ДВФ²⁴.

Для инспектирования Амурской флотилии в Хабаровск (главная база КАВФл) срочно вылетел первый заместитель начальника ГМШ — начальник оперативного управления вице-адмирал Н.М. Харламов. Столь высокий уровень проверяющего свидетельствует о значимой роли, отводившейся флотилии в Маньчжурской СНО.

В акте инспектирования КАВФл, подписанном Н.М. Харламовым²⁵, указано, что в период с 4 по 8 августа 1945 года проверке оперативной, боевой готовности и организации службы подверглись:

- штаб и флагманский командный пункт флотилии;
- штабы и командные пункты 1-й и 2-й бригад речных кораблей (брк), ПВО флотилии, 45-го истребительного авиационного полка;

- ряд отделов штаба и служб флотилии (отдел военных сообщений, разведывательный отдел, узел и район связи, минно-торпедное отделение тыла).

Главными вопросами являлись:

- оперативная готовность флотилии в целом;

- наличие и состояние оперативной и исполнительной документации в штабе флотилии и штабах подчинённых соединений и частей;

- организация и отработка взаимодействия флотилии с частями ДВФ;

- боевое управление;

- состояние ПВО кораблей;

- состояние соединений и частей флотилии по оперативной готовности № 2.

Н.В. Антонов

Как установила инспекция, введённые в 1945 году оперативно-тактические наставления флотилии в значительной степени облегчали отработку совместных действий брк с частями Красной армии и морскими погранчастями при выполнении типовых боевых задач на речном театре. Основными методами отработки взаимодействия являлись игры и учения. Всего в 1945 году были проведены две оперативные игры и четыре командно-штабных учения (КШУ) в масштабе флотилии, а также 9 КШУ и 26 тактических игр её соединений и частей²⁶.

Так, под руководством командующих 15-й армией²⁷ и Амурской флотилией в период с 17 по 22 июня 1945 года по плану оперативной подготовки было проведено КШУ на тему «Обеспечение форсирования крупной речной преграды и огневое содействие войскам в наступательной армейской операции». К учению привлекались: штаб 15-й армии в полном составе, штабы 19-го стрелкового корпуса, соединений и частей ДВФ, КАВФл, 1-й и 2-й бригад речных кораблей. Учение показало достаточно высокую степень готовности и слаженности привлекавшихся штабов²⁸.

В качестве основного недостатка инспекция указала, что в 1945 году флотилия (по не зависевшим от неё причинам) не имела практики в организации взаимодействия с ВВС фронта по прикрытию своих сил, в наведении авиации кораблями, в нанесении совместных ударов по противнику и в отработке взаимного опознавания. В руководящих документах не предусматривалась возможность передачи соединений (частей) армейской авиации в оперативное подчинение командирам брк для прикрытия сил при самостоятельных действиях на назначенных направлениях²⁹.

Несмотря на ряд выявленных недостатков, взаимодействие флотилии с сухопутными войсками в целом было организовано и отработано. Боевое управление в достаточной степени налажено, командование сил (войск) обеспечено надёжной связью. Инспекция сделала общий вывод о готовности КАВФл к выполнению боевых задач во взаимодействии с частями Дальневосточного фронта³⁰.

К тому времени главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А.М. Василевский уже получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 7 августа 1945 года № 11122 о начале военных действий³¹, на основании которой назначил срок начала действий фронтов на 18 ч 00 мин по московскому времени 8 августа 1945 года³².

В 23 ч 30 мин 7 августа командующий войсками 2 ДВФ³³ генерал армии М.А. Пуркаев по телефону поставил задачу командующему КАВФл контр-адмиралу Н.В. Антонову на развёртывание бригад 8 августа:

- 1 брк к 20 ч 00 мин вывести в протоку Средняя;

- 3 брк к 21 ч 00 мин сосредоточить в районе о. Виноградный;

- 2 брк к 24 ч 00 мин выйти в район Ново-Спасская для взаимодействия с 630-м стрелковым полком.

Кроме того, следовало начать от мобилизацию судов Амурского речного пароходства.

В 23 ч 40 мин вице-адмирал Н.М. Харламов, контр-адмиралы Н.В. Антонов и М.Г. Яковенко, капитан 1 ранга А.М. Гущин отправились на плавучую зенитную батарею (ПЗБ-1234) для постановки задач командирам бригад. В 23 ч 53 мин по приказанию военного совета КАВФл был дан сигнал на приведение сил и войск в оперативную готовность № 1³⁴.

Боевой состав КАВФл к началу войны с Японией представлен в таблице.

Всего в строю находились 199 кораблей и судов, из них: 6 мо-

ниторов (мн), 11 канонерских лодок (кл), 52 бронекатера (бка), 12 речных тральщиков (ртщ), 36 катерных тральщиков (катщ), 5 плавучих зенитных батарей (пзб) (в т.ч. 3 самоходные), минный заградитель, 7 минных катеров, 15 глассеров, 3 сторожевых катера, боносетевой заградитель. Авиационная группа насчитывала 71 исправный самолёт³⁵.

Силам КАВФл предстояло действовать в операционной зоне общей протяжённостью 4110 км в границах:

на р. Амур от с. Покровка в верхнем течении до с. Ново-Троицкое в нижнем течении (2712 км);

на р. Уссури от г. Лесозаводска до с. Казакевичево (480 км);

на р. Сунгача (250 км) и на оз. Ханко;

на р. Шилка от г. Сретенска до с. Покровка (400 км);

на р. Зея от с. Суражевка до г. Благовещенска (190 км);

на р. Бурей от с. Малиновка до устья (77 км)³⁶.

Основные силы флотилии дислоцировались в главной базе Хабаровск, часть кораблей 1 брк (1 мн, отряд бка, отряд катщ и 1 пзб) — в манёвренной базе Ленинское на р. Амур (устье р. Солнечной). Кроме того, КАВФл располагала манёвренными базами Сазанка и Астрахановка (р. Зея), Малиновка (р. Бурей), Падь-Давань (р. Шилка), а также

Таблица

Соединения и части КАВФл, принимавшие участие в боевых действиях в августе 1945 г.

Наименование соединения (части)	Боевой состав	Место базирования	Район деятельности, его протяжённость (км)
1-я бригада речных кораблей (1 БРК)	36 кораблей	Хабаровск, Ленинское	по р. Амур: р. Дичун — Эту (340 км)
2-я бригада речных кораблей (2 БРК)	22 корабля	Хабаровск	по р. Амур: Эту — Ново-Троицкое (1300 км)
3-я бригада речных кораблей (3 БРК)	24 корабля	Хабаровск	по р. Уссури: устье р. Хор — Тартышевка (260 км)
Зея-Бурейская бригада речных кораблей (ЗББРК)	41 корабль	Сазанка	по р. Амур: Покровка — р. Дичун (район Радде) (1345 км)
Сретенский отдельный дивизион речных кораблей (СОДРК)	10 кораблей	—	(действовал в оперативном подчинении ЗББРК)
Ханкайский отдельный отряд бронекатеров (ХООБКА)	4 корабля	Камень-Рыболов	озеро Ханко
Уссурийский отдельный отряд бронекатеров (УООБКА)	4 корабля	Лесозаводск	Тартышевка — до впадения р. Сунгача в р. Уссури и по р. Сунгача до её истока (310 км)
Отряд охраны рейда главной базы (ОХР)	4 корабля	Хабаровск	—
83-й аварийно-спасательный отряд	4 корабля	Хабаровск	—
Отдельный отряд кораблей	5 кораблей	Хабаровск	—
67, 115 и 94 ОЗАД ПВО*	64 орудия	Хабаровск	—
45-й истребительный авиационный полк	54 самолёта	аэродром Корсаковское	—
11-я (штурмовая) авиационная эскадрилья	12 самолётов	аэродром Корсаковское	—
10-й отдельный отряд связи	5 самолётов	гидроаэродром Красная Речка	—

Таблица составлена по данным из Отчёта штаба КАВФл о боевой деятельности флотилии 8—31 августа 1945 г. (Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ, г. Гатчина). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1043. Л. 10—11, 15—17).

* Отдельный зенитный артиллерийский дивизион противовоздушной обороны.

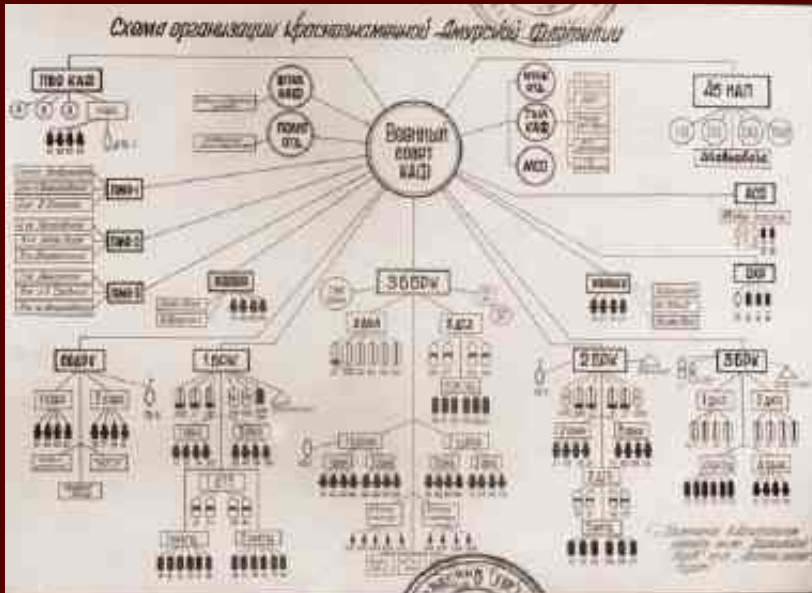

Схема организации Краснознамённой Амурской военной флотилии

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1043. Л. 12.

Бронекатера в главной базе Краснознамённой Амурской военной флотилии (г. Хабаровск)

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 36. Л. 3.

Десант на палубе монитора Краснознамённой Амурской военной флотилии на р. Сунгари

Центральный военно-морской музей. ЦВММ КП ФГ О-25840.

операционными базами Сре-тенск (р. Шилка), Лесозаводск (р. Уссури) и Камень-Рыболов (оз. Ханко). Такая система бази-рования обеспечивала быстрое оперативное развёртывание и позволяла начать наступле-ние одновременно с войсками фронтов³⁷.

В период Советско-японской войны КАВФл оперативно подчинялась командующему войсками 2 ДВФ. Однако возможности флотилии позволяли обеспечить боевые действия двух фронтов на различных направлениях. При этом брк временно передавались в оперативное управление командованиям корпусов или армий (не ниже), что способствовало более тесному взаимодействию и успешному выполнению поставленных задач.

Своевременная подготовка командных пунктов командующего флотилией в главной базе Хабаровск и в районе с. Кукелево (на главном направлении наступления войск 2 ДВФ) обеспечила надёжное и непрерывное боевое управление в течение всего периода боевых действий. Военный совет КАВФл с оперативной группой штаба находился на штабном корабле «Амур», продвигавшемся непосредственно за главными силами флотилии при наступлении на харбинском (сунгарийском) направлении, что позволяло эффективно руководить их действиями³⁸.

В Маньчжурской СНО флотилия совместно с войсками 1 и 2 ДВФ действовала на сахалинском, сунгарийском и приханкийском операционных направлениях, выполняя следующие основные задачи:

обеспечение форсирования войсками широких водных преград (р. Амур, р. Уссури);

артиллерийская поддержка сухопутных войск, наступавших вдоль рек на укрепленные районы и крупные населенные пункты;

ликвидация опорных пунктов
обороны противника совместно
с сухопутными войсками;

прорыв в глубокий тыл противника с высадкой тактических десантов, захватом важнейших узлов сопротивления и удержанием их до подхода основных сил Красной армии;

высадка тактических десантов во фланги и ближайший тыл противника с поддержкой их огнём корабельной артиллерии;

обеспечение боеприпасами и топливом войск на передовых позициях;

выполнение и обеспечение воинских перевозок³⁹.

Эти задачи заблаговременно отрабатывались по планам боевой подготовки КАВФл, поэтому в ходе Маньчжурской СНО были выполнены в целом успешно. Об этом свидетельствуют отчёты командиров соединений и частей флотилии о результатах боевой деятельности в войне с Японией 1945 года⁴⁰, а также заключения по ним начальника штаба КАВФл⁴¹. На основании этих документов действия соединений и частей КАВФл можно охарактеризовать следующим образом.

Наступление войск 2 ДВФ во взаимодействии с кораблями КАВФл (1, 2 брк, а на заключительном этапе — и 3 брк) осуществлялось на главном, сунгарийском, направлении — на г. Харбин (в историографии известно как Сунгарийская наступательная операция, 9 августа — 2 сентября 1945 г.).

1 брк обеспечила переправу через р. Амур и продвижение вдоль р. Сунгари войск 15-й армии, участвовала в совместных наступательных действиях по захвату приграничных Сунгарийского и Фуцзиньского укрепленных районов (УР) и опорных пунктов противника в городах Тунцзян, Фуцзинь, Цзямусы и Саньсин.

Корабли 1 брк на всех этапах операции действовали в авангарде частей 15-й армии, отрываясь вперёд на 200—250 км. В ходе наступления они высаживали тактические десанты и осуществляли перевозки по р. Сунгари передовых эшелонов армии. Всего были переправле-

М.Г. Яковенко

ны и перевезены 25 013 человек, 7515 т грузов, 7 танков, 18 тягачей, 436 автобронемашин, 141 артиллерийское орудие, 136 крупнокалиберных миномётов, 444 лошади⁴².

Кроме того, корабли оказывали помощь в тыловом и техническом обеспечении передовых частей армии, оторвавшихся от своих штабов и тылов, осуществлявших связь с ними только с применением средств 1 брк. В медико-санитарных пунктах кораблей получили квалифицированную медицинскую помощь около 100 раненых офицеров и красноармейцев. Собственных безвозвратных потерь в личном и корабельном составе бригада не имела, что было достигнуто умелым маневрированием на ходу и правильным выбором огневых позиций в ходе боевых действий.

2 брк обеспечивала перевозки войск по Амуру из района с. Ленинское в г. Тунцзян, действовала совместно с войсками 388-й стрелковой дивизии 15-й армии при захвате городов Фуюань, Гайцзя, Цзямусы и Саньсин, обеспечивала переправу частей 15-й армии через р. Муданцзян при её впадении в р. Сунгари. Активные наступательные действия 2 брк в рай-

оне г. Фуюаня способствовали успеху проводившихся одновременно боевых действий 1 брк по овладению г. Тунцзяном.

Опыт боевых действий 2 брк подтвердил необходимость иметь в составе флотилии части морской пехоты, поскольку при их отсутствии успешность выполнения задач речных бригад ставилась в зависимость от темпов наступления частей Красной армии. Кроме того, для своевременного обеспечения и снабжения кораблей, действовавших вдали от базы, в составе бригады необходимо было иметь быстроходные мелкосидящие катера, которые должны были развёртываться тылом флотилии в полосе действий бригады.

3 брк содействовала частям 5-го отдельного стрелкового корпуса при форсировании р. Уссури, а затем при захвате узла сопротивления в г. Дунаньчжене и УР Жаохэ. После этого бригада выполняла отдельные задачи на р. Сунгари.

За 10 суток наступления главные силы КАВФл с боями прошли свыше 900 км, из них более 700 км по р. Сунгари. Кораблям пришлось действовать на незнакомой реке с частично разрушенными навигационными знаками с преодолением десятков километров сплошного потока брёвен и разбитых плотов, пущенных противником по течению.

20 августа 1 и 2 брк вошли в г. Харбин, при этом не встретив (вопреки ожиданиям) сопротивления со стороны находившихся в нём кораблей Сунгарийской флотилии противника. В тот же день командование СРФ подписало акт о капитуляции, а все её боевые корабли были приняты в качестве трофеев. 21 августа в Харбин вошла и 3 брк.

Корабли Зей-Бурейской БРК (збрк) действовали в верховьях Амура на сахалинском направлении на значительном удалении от остальных соединений и частей КАВФл и обеспечивали переправы главных сил 5-й Краснознамённой армии в районе с. Константиновки и вспо-

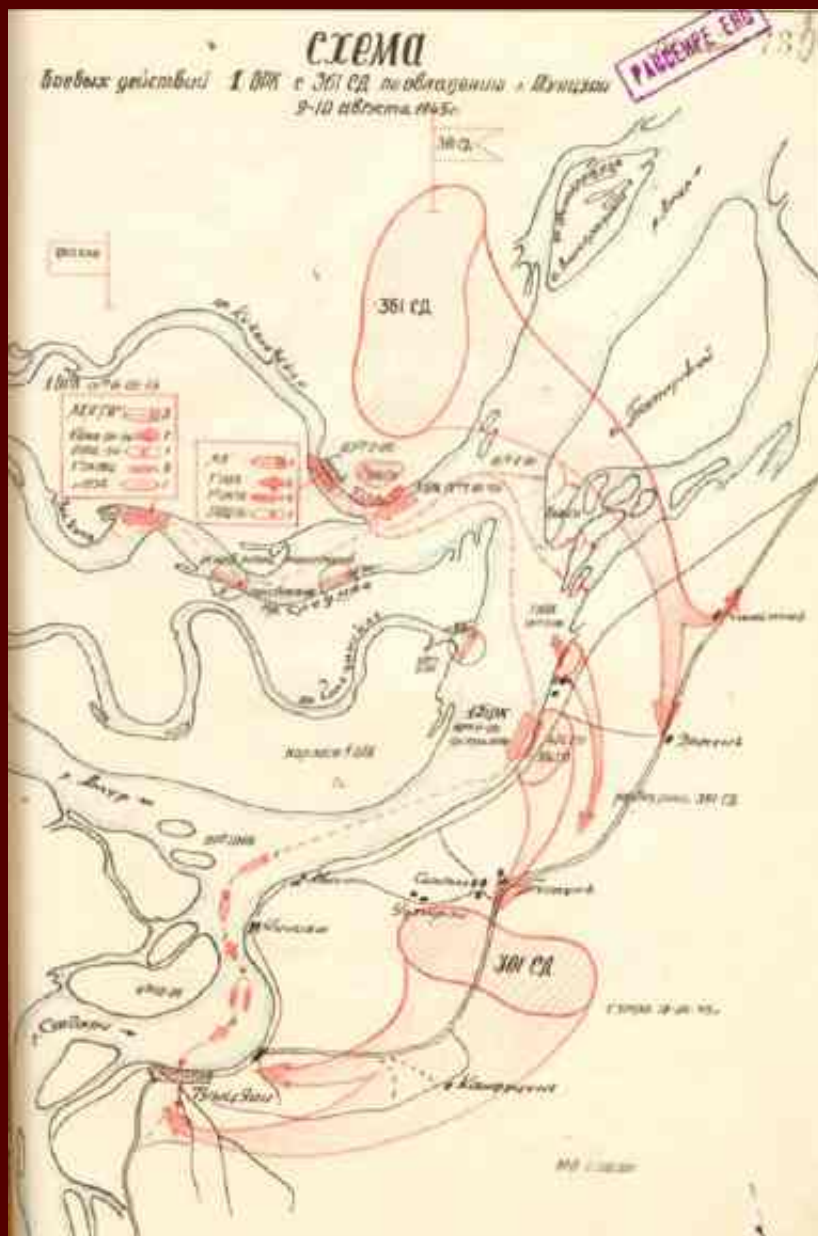

Схема совместных боевых действий кораблей 1 брк с войсками 361-й стрелковой дивизии по овладению г. Тунцзянем 9—10 августа 1945 г.

Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 83. Л. 36.

Трофейный бронекатер в составе Краснознамённой Амурской военной флотилии с нанесённым маскировочным камуфляжем

могательных сил в районе г. Сахалина. В довоенный период в ходе боевой подготовки зббрк отработывала вопросы тылового и технического обеспечения кораблей через армейские тылы. Однако в ходе операции кораблям бригады пришлось обеспечивать топливом танковые соединения армии, тылы которых из-за плохого состояния дорог значительно отстали от своих частей. Совместно с сухопутными войсками бригада участвовала в захвате УР и узлов сопротивления Сахалин, Айгунь, Цикэ, Ляньцзятунь, Мохэ и ряда других.

В то же время в ходе боевых действий бригады произошёл серьёзный инцидент. Самолёты 10-й воздушной армии 2 ДВФ, поддерживавшие наступление войск фронта, атаковали корабли зббрк. Причина — низкая организация взаимодействия и связи кораблей с авиацией, прежде всего в вопросах взаимного опознавания.

Сретенский дивизион кораблей, находясь в оперативном подчинении зббрк, участвовал в захвате г. Мохэ совместно с 74-м погранотрядом и 368-м гвардейским стрелковым полком, а также обеспечивал непрерывность функционирования речной коммуникации на всём верхнем участке р. Амур.

Уссурийский отряд бронекатеров обеспечивал переправу через р. Усури частей Краснинского (8-го) укрепрайона 35-й армии 1 ДВФ, а в дальнейшем совместно с ними уничтожил ряд опорных пунктов и узлов сопротивления противника в приречном районе (Хутоуский УР), а также на побережье оз. Ханко.

Ханкайский отряд бронекатеров совместно с озёрным пограничным дивизионом в соответствии с задачами армейского командования освободил от противника северное побережье оз. Ханко.

Большой объём воинских перевозок, выполненный силами КАВФл, объясняется особен-

ностями ТВД. Пересечённый рельеф местности, многочисленные реки, болота и слабая развитость дорожной сети вызывали значительные трудности при проведении Маньчжурской СНО, особенно на сунгарийском направлении, на котором не было железных дорог, а шоссейные имелись только на отдельных участках вдоль р. Сунгари. При этом автомобильные дороги, построенные японцами, были грунтовыми и размывались после обильных осадков. Через многие реки не было мостов.

Опыт применения КАВФл уже к концу 1945 года был проанализирован и обобщён офицерами оперативного отдела штаба флотилии. Подготовленный ими «Отчёт о боевой деятельности Краснознамённой Амурской флотилии в войне с Японией за период 08—31.08.1945 г.»⁴³ был направлен начальнику ГМШ ВМФ вице-адмиралу С.Г. Кучерову и начальнику штаба Дальневосточного военного округа⁴⁴ генерал-лейтенанту А.К. Казаковцеву.

В отчёте были даны высокие оценки тактической подготовке офицерского состава кораблей, а также боевой выучке и моральному духу старшинского и рядового состава. Способствовали выполнению задач КАВФл также мощное вооружение мониторов, манёвренность бронекатеров, отличная подготовка командиров кораблей по кораблевождению на реках и широкое использование захваченных лоцманских карт и лоцманов противника. Вместе с тем отмечено, что флотилия вела боевые действия в условиях слабого противодействия сухопутных сил противника и полного его отсутствия со стороны воздушных и речных сил. Корабли СРФ за период военных действий не покидали свою главную базу в Харбине. Также противником не применялись мины на р. Сунгари.

Успеху действий флотилии способствовала эффективная агитационно-пропагандист-

Дислокация кораблей и частей Сунгарийской речной флотилии Японии в Харбине из разведывательной сводки Краснознамённой Амурской военной флотилии от 10 августа 1945 г.
Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 105. Л. 76.

Допрос военнопленных японцев в пос. Ленинское
Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1786. Оп. 48. Д. 56. Л. 223.

Нарком ВМФ СССР адмирал флота Н.Г. Кузнецов на мониторе «Красный Восток». Справа от него — вице-адмирал Н.М. Харламов 30 августа 1945 г.
Центральный военно-морской музей. ЦВММ КП ФГ О-25847.

ская работа политотдела КАВФл. Местное китайское население относилось к советским морякам приветливо, как к своим освободителям. Так, при входе кораблей 1 брк в г. Тунцзян (9 августа 1945 г.) жители их встречали, размахивая белыми и красными флагами⁴⁵.

Подготовленные специалистами политотдела листовки, распространявшиеся различными способами среди войск противника, действовали на него деморализующе.

После того как на сунгарийском направлении был сломлен последний очаг со-

противления в г. Саньсине (17 августа 1945 г.), японские войска сопротивления вообще не оказывали, а повсюду сдавались в плен.

Таким образом, действия Амурской флотилии в ходе Советско-японской войны 1945 года обеспечили высокий темп наступления войск 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, что позволило завершить Маньчжурскую СНО в кратчайшие сроки (27 дней), не допустив при этом значительных потерь своих войск (сил). После окончания боевых действий нарком ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов

прибыл на флотилию и лично поздравил личный состав с достигнутой победой.

Все соединения и части флотилии, участвовавшие в Маньчжурской СНО, были удостоены орденов и почётных наименований. Так, 4 корабля (мониторы «Сун-Ят-Сен», «Свердлов», канонерские лодки «Красная звезда», «Пролетарий») стали гвардейскими. За мужество и героизм семи морякам-амурцам (Н.В. Антонову, М.Г. Воронкову, Н.Н. Голубкову, В.Д. Корнеру, С.М. Кузнецову, И.А. Сорневу, И.А. Хворостянову) было присвоено звание Героя Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Амурская флотилия как временное формирование действовала с 1900 г. В декабре 1906 г. по приказу морского ведомства из канонерских лодок, строившихся специально для флотилии, была сформирована первая регулярная воинская часть — Отдельный отряд судов. Поэтому принято считать, что как постоянное формирование в составе Российского флота Амурская флотилия была создана в 1906 г. (Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ)). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 198. Л. 5 об.; Военно-морской словарь / Гл. ред. В.Н. Чернавин. М.: Воениздат, 1989. С. 453). Переформирована в военно-речную базу Тихоокеанского флота 7 сентября 1955 г., расформированную 7 апреля 1960 г. (Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ)). Ф. 1790. Оп. 35. Д. 1. Л. 1—3).

² Линия государственной границы между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой демаркирована и утверждена в 2005 г. (Распоряжение Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 479-рп; Федеральный закон от 31 мая 2005 г. № 52-ФЗ).

³ Современными историками Советско-японская война 1945 г. рассматривается как логическое продолжение Великой Отечественной войны (Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. / Авт. коллектив В.А. Золотарёв, А.М. Соколов, П.И. Вещиков и др. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. С. 10).

⁴ Боевая деятельность Краснознамённой Амурской флотилии в войне с Японией // Сборник материалов по опыту боевой деятельности ВМФ СССР. № 33. М., 1947. 88 с.; Операции советских Вооружённых Сил в период завершающих побед Советского

Союза над фашистской Германией. Январь—май 1945 г. Операции советских Вооружённых сил по разгрому Квантунской армии Японии. Август 1945 г. // Операции советских Вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в 4 т. / Сост. И.П. Барабашин и др. Т. IV. М.: Воениздат, 1959. 872 с.

⁵ Багров В.Н., Сунгоркин Н.Ф. Краснознамённая Амурская флотилия. М.: Воениздат, 1970. 173 с.; Ачкасов В.И., Басов А.В., Сумин А.И. и др. Боевой путь советского Военно-морского флота. М.: Воениздат, 1988. 607 с.; Василевский А.М. Дело всей жизни. 4-е изд. М.: Политиздат, 1983. 544 с.; Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке: военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе—сентябре 1945 г. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Воениздат, 1971. 392 с.; Бутурлинов В.Ф., Вартаков В.Н., Зимонин В.П. и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: военно-политический очерк. М.: Б/и, 1989. 584 с.; Вьюненко Н.П., Мордвинов Р.Н. Военные флотилии в Великой Отечественной войне: краткий военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1957. 272 с.; Гельфонд Г.М. Советский флот в войне с Японией. М.: Воениздат, 1958. 190 с.; Девятериков А. Действия Амурской военной флотилии в Маньчжурской операции // Морской сборник. 1985. № 9. С. 29—33; История Второй мировой войны, 1939—1945 в 12 т. Т. 11: Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1980. 495 с.; Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. 3-е изд. М.: Воениздат, 1989. С. 476—484; Морской атлас. Т. 3. Ч. 2. Военно-исторический. Описание к картам. М.: Изд. ГШ ВМФ, 1966. 862 с.; Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне:

материалы научной конференции, 12—13 августа 1985 г. М.: Воениздат, 1986. 381 с.; Сурин Я. Прорыв на Сунгари // Морской сборник. 1980. № 8. С. 58—60; Малиновский Р.Я., Захаров М.В., Грылёв А.Н. и др. Финал: историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. / Под общ. ред. Маршала Советского Союза М.В. Захарова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1969. 418 с.

⁶ Гареев М.А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 74—85; Родионов Б.И., Доценко В.Д., Костев Г.Г. и др. Три века Российского флота в 3 т. / Под ред. И.В. Касатонова. Т. 3. СПб.: Logos, 1996. 439 с.

⁷ Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М.: Институт проблем безопасности и развития Евразии, 2002. 542 с.; Золотарёв В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота. 1941—1945. СПб.: Полигон, 2005. 764 с.; Платонов А.В. Применение речных военных флотилий ВМФ СССР в оборонительных и наступательных действиях сухопутных войск. 1941—1945 гг. СПб.: Б/и, 2007. 220 с.; Джоуэтт Ф. Японская армия, 1942—1945 / Пер. с англ. А.И. Козлова. М.: Астрель; АСТ, 2003. 62 с.; Хаттори Т. Япония в войне 1941—1945 гг. СПб.: Полигон, 2000. 880 с.; Glantz David. Soviet Operational and Tactical Combat in Manchuria, 1945: «August Storm». Routledge, 2004. 404 p.

⁸ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в 12 т. Т. 1. С. 10; Там же. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией / Авт. коллектив В.П. Зимонин, Н.Ф. Азясский, В.А. Афанасьев и др. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.; Зимонин В.П. Маньчжурская стратегическая наступательная операция и её роль в принуждении

Японии к миру // 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 351—363; *Ливенцев Д.В.* История формирования и деятельности флота Маньчжоу-Го // Берегиня 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 3. С. 28—41; он же. Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике (1917—1945 гг.). Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. 580 с.

⁹ *Иванцов С.Ю., Иванеева Н.А.* Маньчжурская стратегическая наступательная операция. Разгром Японии в 1945 году // Материалы международной военно-исторической конференции (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне). СПб.: Изд. Михайловской военной артиллерийской академии, 2025. С. 76—89; *Кузнецов Д.В.* Боевой путь 4-й (Зей-Бурейской) бригады Краснознамённой Амурской военной флотилии // Восток — Запад: история и современность. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2024. С. 9—28; он же. Сахалинская операция // Там же. 2022. Вып. 2. С. 7—18; *Кикнадзе В.Г.* Этот день не признавали, как могли // Народное образование. 2020. № 4. С. 11—22.

¹⁰ *Багров В.Н.* Боевые действия Краснознамённой Амурской флотилии // Военно-исторический журнал. 1975. № 9. С. 30—34; *Барынькин В.М.* Маньчжурская наступательная операция // Там же. 1995. № 5. С. 14—23; *Гареев М.А.* «Претензии СССР, безусловно, должны быть удовлетворены после победы над Японией». Заключительный аккорд Второй мировой войны // Там же. 2016. № 8. С. 3—13; Кампания советских Вооружённых сил на Дальнем Востоке в 1945 г. (факты и цифры) // Там же. 1965. № 8. С. 64—73; *Кикнадзе В.Г.* Роль радиоразведки Краснознамённой Амурской флотилии в разгроме Японии // Там же. 2005. № 8. С. 12—14; *Рипенко Ю.Б.* Особенности применения артиллерии в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 года. // Там же. 2007. № 9. С. 14—17; *Ткачёва Г.А.* Женщины в частях Тихоокеанского флота

и Амурской флотилии в годы Великой Отечественной войны // Там же. 2017. № 6. С. 25—30; *Цыганков П.Я.* Через Амур к Харбину в августе 1945-го. Особенности проведения Сунгарийской наступательной операции // Там же. 2005. № 8. С. 9—11.

¹¹ *Крюков И.В.* Подготовка боевых резервов на Дальнем Востоке СССР в период Великой Отечественной и на завершающем этапе Второй мировой войны (июнь 1941 — сентябрь 1945 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск: Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т, 2013. 43 с.

¹² *Ливенцев Д.В.* Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике (1917—1945 гг.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2007. 37 с.

¹³ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 105. Л. 1—76.

¹⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1043. Л. 9—10.

¹⁵ Там же. Ф. 1790. Оп. 10. Д. 107. Л. 76—79, 91.

¹⁶ Там же. Л. 82—83.

¹⁷ *Кузнецов Н.Г.* Указ. соч. С. 483.

¹⁸ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 91. Л. 1—90; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1051. Л. 1—56.

¹⁹ Наставление по совместным действиям сухопутных войск с Военно-Морским флотом и военными речными флотилиями. [Б.м.]: Воениздат, 1943. 82 с.

²⁰ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 91. Л. 93.

²¹ Там же. Л. 192—196.

²² *Монаков М.С., Родионов Б.И., Комаров А.А. и др.* Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696—1997 / Под общ. ред. В.И. Куроедова. М.: Научная книга, 1998. С. 104.

²³ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 148. Л. 84.

²⁴ *Кузнецов Н.Г.* Указ. соч. С. 476, 477.

²⁵ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 148. Л. 84—111.

²⁶ Там же. Л. 87.

²⁷ В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции

действовала в составе 2-го Дальневосточного фронта.

²⁸ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 82. Л. 46—57.

²⁹ Там же. Д. 148. Л. 88.

³⁰ Там же. Л. 111.

³¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18(7—1). Советско-японская война 1945 года. История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы: документы и материалы в 2 т. / Авт.-сост. В.Н. Вартанов и др. М.: Терра, 1997. С. 340, 341.

³² Там же. С. 343.

³³ 5 августа 1945 г. по приказу Ставки Верховного Главнокомандования от 2 августа 1945 г. № 11121 были переименованы: Приморская группа войск — в 1-й Дальневосточный фронт, а Дальневосточный фронт — во 2-й Дальневосточный фронт.

³⁴ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1790. Оп. 10. Д. 93. Л. 7.

³⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1043. Л. 11, 15.

³⁶ Там же. Л. 10—11.

³⁷ Там же. Л. 16—17.

³⁸ Журналы боевых действий штабов флотилии. (Там же. Ф. 1790. Оп. 10. Д. 96 (флагманский командный пункт — штабной корабль «Амур»); Д. 93, 95 (запасной флагманский командный пункт Хабаровск); Д. 94 (береговой флагманский командный пункт Кукево).

³⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1043. Л. 156.

⁴⁰ Там же. Ф. 1790. Оп. 10. Д. 84. Л. 1—482.

⁴¹ Там же. Д. 87. Л. 1—114.

⁴² Там же. Ф. 1826. Оп. 32. Д. 4. Л. 70—71.

⁴³ Там же. Ф. 1790. Оп. 10. Д. 83. Л. 1—160.

⁴⁴ Согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования от 10 сентября 1945 г. № 11128 был создан Дальневосточный военный округ на базе 2-го Дальневосточного фронта, командованию которого КАВФл оперативно подчинялась в период Советско-японской войны.

⁴⁵ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ). Ф. 1826. Оп. 32. Д. 4. Л. 65.

N.A. Yevmenov, Ye.Yu. Sukalenko

«THE VICTORY OF OUR TROOPS OVER THE 750,000-STRONG KWANTUNG ARMY WAS DUE IN PART TO THE EFFORTS OF THE SAILORS FROM THE RED BANNER AMUR MILITARY FLOTILLA»

The experience of the Red Banner Amur Military Flotilla during the Soviet-Japanese War of 1945

Information about authors. Nikolay Yevmenov — head of the Military Educational and Scientific Center of the Navy Naval Academy named after Soviet Union fleet admiral N.G. Kuznetsov, admiral (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf@mil.ru);

Yevgeniy Sukalenko — head of the Center for Research, Problems of Development and Functioning of the Navy at the Military Educational and Scientific Center of the Navy Naval Academy named after Soviet Union fleet admiral N. G. Kuznetsov, captain 1st rank, Cand. Sc. (Mil.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-1@mil.ru).

Summary. The experience of using river flotillas during the Great Patriotic War is highly relevant today. This paper introduces new archival data on the preparation and use of the Red Banner Amur Military Flotilla in August–September 1945 against Japan. The paper analyzes the positive aspects and shortcomings of flotilla operations during the Manchurian Strategic Offensive, which can be useful for military authorities in contemporary conflicts.

Keywords: Red Banner Amur Military Flotilla; Great Patriotic War; Soviet-Japanese War; naval history.

«УКОМПЛЕКТОВЫВАТЬ В УСТАНОВЛЕННОМ ПОРЯДКЕ ЧАСТИ, СОЕДИНЕНИЯ, ЗАВЕДЕНИЯ И УЧРЕЖДЕНИЯ ВВС РККА...»

Развитие кадровых органов Военно-воздушных сил России в 1914—1941 гг.

Сведения об авторе. Тарасов Сергей Анатольевич — заместитель начальника научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: satar79@mail.ru).

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать процесс становления и развития кадровых органов отечественной военной авиации с момента её зарождения и до начала Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). В основу исследования положены материалы Российского государственного военного архива и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, часть из которых впервые вводится в научный оборот; опубликованные сборники документов по строительству советских Вооружённых сил в 1920—1930-х годах; научная литература по истории отечественной военной авиации. Анализируются вопросы создания в годы Первой мировой и Гражданской войн в составе органов военного управления первых штатных подразделений, осуществлявших работу с командно-начальствующим составом. Рассматривается порядок дальнейшего совершенствования их организационной структуры, а также повышения значения и роли в становлении советских Военно-воздушных сил в качестве самостоятельного рода войск. Делается вывод о том, что соответствующие кадровые органы появились практически одновременно с началом формирования самих воздушных сил. Вместе с ними прошли весь путь их стремительного развития, приобретя к началу нацистской агрессии разветвлённую структуру и накопив определённый опыт работы. Всё это создало основу для их последующего функционирования в суровых условиях военного времени.

Ключевые слова: Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА); Воздушный флот; Военно-воздушные силы; кадровые органы; командный и начальствующий состав; кадровая работа; Первая мировая война; Гражданская война; С.К. Горюнов; В.П. Белов; В.И. Орехов.

В современной исторической науке тема зарождения и развития кадровых органов отечественных Военно-воздушных сил (ВВС) России является малоизученной. В то время как их место и роль в деле становления воздушных сил являются существенными. Обуславливается это тем, что любой род войск представляет из себя совокупность конкретного вооружения и личного состава, обученного его применению. При этом особая роль в вопросе подготовки и использования в боевых действиях лётчиков и наземных специалистов принадлежит командно-начальствующему составу. В свою очередь

для работы с ним в подавляющем большинстве армий мира существуют соответствующие кадровые органы, отвечающие за их учёт, изучение, отбор и дальнейшее служебное продвижение.

В контексте современной мировой нестабильности изучение процессов зарождения, становления и развития указанных подразделений в первые десятилетия существования ВВС представляет научный интерес и может иметь практическую значимость, способствуя совершенствованию кадровой работы в Вооружённых силах РФ как в настоящее время, так и в ближайшей перспективе.

В начале рассмотрения заявленной темы необходимо подчеркнуть, что первые десятилетия XX века характеризовались интенсивным развитием авиации. Значительную роль в этом сыграла Первая мировая война

(1914—1918 гг.). Развернувшаяся в воздушной сфере вооружённая борьба быстро приобрела особый характер, оказав существенное влияние как на методы проведения наземных и морских операций, так и на весь ход вооружённого про-

тивостояния. За годы войны воздушные флоты получили определённую самостоятельность, сделав значительный шаг в своём организационном развитии.

Россия также была вовлечена в указанный процесс.

На момент начала конфликта на вооружении её армии имелись, по разным данным, от 236 до 244 самолётов, частично закупленных за границей¹. Развернувшиеся широкомаштабные боевые действия привели к последующему значительному увеличению самолётного парка и личного состава, его эксплуатировавшего. В результате к концу 1917 года отечественный воздушный флот насчитывал более 300 различных частей, учреждений и учебных заведений, порядка 35 тыс. солдат и офицеров, около 1500 аэропланов². Рост численности самолётного парка и личного состава, а также объёмов решавшихся задач вызвал необходимость в совершенствовании организационной структуры и системы управления с тем, чтобы она максимально соответствовала потребностям военного времени, в т.ч. и в вопросах кадровой работы.

К 1914 году в России проблемами развития авиации в интересах военного ведомства преимущественно занимались Главное военно-техническое управление (ГВТУ) и Главное управление Генерального штаба. С началом войны территория России подверглась условному делению на две части: театр боевых действий с действующей армией под руководством Ставки и внутренние районы, в которых продолжали функционировать прежние органы военного управления. Аналогичным образом была разделена и авиация: на фронтовую и тыловую. Первая была представлена боевыми частями и подразделениями, вторая — авиационными школами, складами и заводской приёмкой³.

Итогом предпринятого в первые годы войны поиска наиболее оптимальных форм организации системы управления авиацией действующей армии стало введение в соответствии с приказом началь-

ника Штаба Верховного главнокомандующего от 24 ноября 1916 года № 1632 должности полевого генерал-инспектора военного воздушного флота, которую занял великий князь Александр Михайлович⁴. Согласно временному положению на него возлагались обязанности по общему руководству планомерным материально-техническим снабжением авиационных и воздухоплавательных частей, наблюдением за их подготовкой и правильным боевым применением, а также формированием новых подразделений на театре военных действий, их укомплектованием, в т.ч. посредством распределения в них вновь прибывавших офицеров и лётчиков нижних чинов⁵.

Кроме того, положением устанавливалось, что генерал-инспектор «с согласия штабов фронтов делает представления о переводе офицеров из авиационных и воздухоплавательных частей одних армий и фронтов в другие и даёт согласие на перевод по представлениям штабов армий и фронтов». Дополнительно ему предоставлялось право избирать офицеров «для занятия должностей инспекторов авиации фронта, командиров авиационных дивизионов, отрядов, парков и поездов-мастерских, а также командиров воздухоплавательных парков и рот, представляя о назначении их начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего или главнокомандующим армиями фронтов — по принадлежности»⁶.

Для решения указанных задач при полевым генерал-инспекторе предусматривалась соответствующая канцелярия, которая служила его рабочим органом «по сбору, содержанию и обработке сведений, необходимых инспектору для выполнения возложенных на него обязанностей», в т.ч. «по различным вопросам обучения, организации, комплек-

тования и снабжения авиационных и воздухоплавательных частей». Для этого в канцелярии должны были сосредотачиваться все данные о личном составе, в т.ч. и находившемся на обучении в авиационных и воздухоплавательных школах. Для их обработки предусматривался соответствующий штат сотрудников, включавший помимо прочего двух штаб-офицеров, двух обер-офицеров, двух чиновников для делопроизводства, одного делопроизводителя, а также 14 писарей из числа нижних чинов⁷.

3 апреля 1917 года на основании приказа Верховного главнокомандующего № 70 указанные органы были преобразованы в Полевое управление авиации и воздухоплавания (ПУАВ) при Штабе Верховного главнокомандующего со схожими задачами, в т.ч. по наблюдению «за соответствием личного состава частей и учреждений воздушного флота действующей армии их назначению», укомплектованию последних поступавшими «из запасов тыла офицерами и солдатами», а также подбору кандидатов «для замещения должностей инспекторов авиации и воздухоплавания фронтов и командиров частей и учреждений воздушного флота действующей армии»⁸. Начальником управления был назначен полковник С.А. Немченко. Позднее его на этом посту сменили полковник С.А. Ульянов, а затем подполковник В.М. Ткачёв⁹.

24 октября 1917 года согласно приказу начальника Штаба Верховного главнокомандующего № 796 ПУАВ было переведено на новый штат с одновременным утверждением очередного Положения. В соответствии с указанными документами управление состояло из командования, трёх отделов (авиационного, воздухоплавательного и аэрофотограмметрического) и канцелярии. При этом решение всех

кадровых вопросов было сосредоточено в инспекторском (втором) отделении авиационного отдела¹⁰.

В Положении отмечалось, что оно ведает: «разработкой всех положений, касающихся службы личного состава, внутреннего быта частей и учреждений и комплектования»; учётом личного состава (особо точным в отношении лётчиков, наблюдателей, техников, мотористов, регулировщиков, аэрологов, пулемётчиков и радиотелеграфистов); перепиской по эвакуированным, погибшим и пропавшим без вести лётчикам и наблюдателям; «назначениями, переводами, увольнениями и прочими вопросами, касающимися прохождения службы чинами авиационных частей действующей армии»; составлением кандидатских списков для назначения на должности, «особо для боевых командных должностей и особо для технических и хозяйственных», а также сбором и хранением аттестаций на всех командиров отрядов и старших начальников; «делопроизводством по вопросам, касающимся разъяснения прав чинов по прохождению службы, наградам и удовлетворению всеми видами довольствия, ведением дела о награждении званием “военного лётчика”»; перепиской по переводу в авиацию из других родов войск. Кроме того, в компетенцию сотрудников отделения входило решение вопросов подготовки личного состава для отечественного военного воздушного флота, в т.ч. его обучения за границей, и распределения выпускников авиационных школ по частям¹¹.

Рассматривая вопрос организации системы управления тыловыми частями, учреждениями и заведениями в годы Первой мировой войны, следует отметить, что до 1916 года они находились в ведении начальника ГВТУ и его Воздухоплавательного отделе-

Генерал-полковник авиации С.К. Горюнов

ния. Однако к этому времени военно-политическому руководству страны стало понятно, что они не в состоянии решить все проблемы, связанные с подготовкой авиационного имущества и его бесперебойной поставкой в действующую армию. Требовался новый орган управления, способный более успешно решать указанные вопросы. Причём он должен был быть составной частью военного ведомства, что позволило бы его должностным лицам непосредственно общаться с военным министром и представителями авиационной промышленности¹².

Исходя из возникшей потребности, в апреле 1916 года было создано Управление Военного воздушного флота (УВВФ, Увофлот), которое организационно включало в себя канцелярию, юрисконсультскую, журнальную и канцелярскую части, а также пять отделений: 1-е (организационное), 2-е (инспекторское), 3-е (по заготовке имущества), 4-е (по снабжению армии) и 5-е (счётное). При нём также состояли Технический комитет и Приёмочная часть, занимавшаяся приёмкой самолётов

от изготовителей и определявшая степень их соответствия установленным требованиям. Первое и второе отделения подчинялись помощнику начальника управления по административно-строевой части, остальные — помощнику начальника по технической части. В подчинение УВВФ передавались авиашколы, склады и ряд других тыловых учреждений. В ноябре 1916 года в его состав было включено ещё одно отделение, ведавшее вопросами строительства авиационных объектов. В январе 1917 года к ним добавились ещё два: школьное и по заводскому хозяйству. По состоянию на декабрь 1916 года общая численность личного состава УВВФ составляла 1024 человека¹³.

Согласно Положению об Увофлоте, утверждённому 16(29) апреля 1916 года, в нём сосредоточивалось решение целого спектра задач, в т.ч. по разработке вопросов комплектования личным составом авиационных и воздухоплавательных частей и учреждений. Кроме того, в нём аккумулировались «дела по личному составу и прохождению службы чинов» самого «означенного управления». Основная нагрузка при этом ложилась на административно-строевую часть и непосредственно на инспекторское отделение, в котором по штату, кроме самого начальника, предполагалось иметь его помощника и двух столоначальников¹⁴.

С установлением советской власти отечественная военная авиация подверглась реорганизации. Постепенно вместо существовавших органов управления в лице ПУАВ и Увофлота стали создаваться новые. 28 октября 1917 года было учреждено Бюро комиссаров авиации и воздухоплавания при Петроградском Военно-революционном комитете — первый революционный орган, созданный для руководства Военным воз-

душным флотом Республики. В декабре 1917 года была образована Коллегия Воздушного флота Республики. Весной следующего года им на смену пришло Главное управление Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота (Главвоздухфлот), которое было создано 24 мая 1918 года. Данная инстанция, как ранее Увофлот, являлась, по существу, тыловой структурой, занимавшейся преимущественно решением таких вопросов, как снабжение авиачастей техникой и подготовкой личного состава для авиации и воздухоплавания. В свою очередь в условиях разгоравшейся в стране крупномасштабной Гражданской войны и иностранной интервенции потребовались компетентные органы управления авиационными частями на местах. Повторялась ситуация Первой мировой войны, когда управление авиацией было разделено на Управление действующей армии и Управление тыла. В данных обстоятельствах на основании приказа РВСР от 22 сентября 1918 года № 11 при Штабе Революционного военного совета Республики было сформировано Полевое управление авиацией и воздухоплаванием действующей армии (Авиадарм), которое стало руководить боевыми авиачастями через организованные при фронтах и армиях в сентябре—декабре того же года полевые управления Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота (РККВФ). Руководителем нового органа стал военный лётчик, бывший унтер-офицер А.В. Сергеев¹⁵.

Этим же приказом было утверждено и Положение об Авиадарме. Согласно указанному документу в его функции, кроме общего руководства всеми авиационными и воздухоплавательными силами действующей армии, их боевой подготовкой и «благоустройством на театре военных действий», входило также решение ряда кадровых во-

просов, в т.ч. укомплектование частей и учреждений поступавшими в его распоряжение специалистами. С этой целью в нём сосредоточивались соответствующие данные о личном составе, а в штате были предусмотрены должности эмиссара для делопроизводства и поручений — начальника канцелярии, писарей и машинисток¹⁶.

28 ноября 1918 года приказом РВСР № 301 в штат Авиадарма были внесены изменения, увеличившие численность его личного состава. В том числе возросло количество помощников начальника (с одного до трёх человек), делопроизводителей (с одного до пяти), появились должности сотрудников для поручений и письмоводителей¹⁷.

30 сентября 1918 года был утверждён временный штат Главного управления Военного воздушного флота, в котором в составе общего отдела организационно-строевой части для ведения кадровой работы было предусмотрено 2-е инспекторское отделение. Оно включало: начальника отделения, его помощника, двух старших и двух младших делопроизводителей, а также двух переписчиков (всего восемь должностей). При этом в примечаниях к штату отдельно указывалась специализация делопроизводителей: двое отвечали за учёт личного состава авиационных и воздухоплавательных частей, двое — за ведение кандидатских списков, разъяснение прав и спорных вопросов «по удовлетворению различного рода довольствием»¹⁸.

Чтобы избежать лишнего дублирования, которое было неизбежно при одновременном существовании сразу двух органов управления Военным воздушным флотом (в т.ч. в области работы с личным составом), 21 января 1919 года был подписан приказ РВСР № 134. Согласно ему Главвоздухфлот признавался отдельным са-

мостоятельным органом, находившимся в подчинении начальника Центрального управления снабжения (ЦУС) и осуществлявшим руководство «всеми находящимися в тылу авиа- и воздухочастями и учреждениями, как сформированными, так и формируемыми во всех отношениях». В плане кадрового обеспечения его сотрудники ведали: «учётом личного состава в подведомственных Главному управлению частях и учреждениях»; формированием новых частей, но с замещением должностей лётчиков, лётчиков-наблюдателей и военных воздухоплателей «по указанию Полевого управления»; «изданием приказов по Военному воздушному флоту Российской Федеративной Советской Республики, осуществляемых как непосредственным распоряжением Главного управления, так и по указанию Полевого управления, о назначениях, перемещениях, увольнениях и других переменах в службе лиц, занимающих особо ответственные должности в Военном воздушном флоте, комиссаров, а также всех лётчиков, лётчиков-наблюдателей и военных воздухоплателей»¹⁹.

В свою очередь Полевое управление Военного воздушного флота ведало «всеми авиа- и воздухочастями и учреждениями, как приданными армиям, так и находящимися в резерве», даже если последние были расквартированы в глубоком тылу. В области кадровых вопросов его сотрудники занимались «распределением и назначением всех боеспособных лётчиков, лётчиков-наблюдателей и военных воздухоплателей, а также назначением служащих на все особо ответственные должности в авиа- и воздухочастях и учреждениях действующей армии»²⁰.

25 марта 1920 года на основании приказа РВСР № 447/78 система управления советским

Военным воздушным флотом подверглась очередной реорганизации. Полевое управление авиацией и воздухоплаванием было преобразовано в Штаб начальника Красного Воздушного флота действующей армии (Штабвоздухфлотресп) с подчинением в оперативном отношении начальнику Полевого штаба РВСР. Из состава Главвоздухфлота, непосредственно подчинённого РВСР, было выделено Управление по снабжению Красного Воздушного флота с подчинением его начальнику Центрального управления снабжения. Главное управление РККВФ продолжило решать общие организационные вопросы развития советской авиации, подготовки и распределения лётно-технических кадров и ведения научной работы²¹.

Однако данная система управления просуществовала недолго. С завершением активной фазы Гражданской войны необходимость в подобной децентрализации отпала, и Реввоенсовет принял решение слить все указанные органы в один под общим наименованием Главное управление РККВФ (Главвоздухфлот), что и было осуществлено приказом РВСР от 2 сентября 1921 года № 1875²². Согласно штату для ведения кадровой работы в нём имелся Учётно-мобилизационный отдел, состоявший из двух отделений (учёта личного состава, мобилизации и комплектования) с общей численностью в 20 должностей²³.

В следующем году преобразования продолжились, затронув и кадровые органы. Так, согласно отчёту начальника инспекторского отделения за 1922 год 15 мая Учётно-мобилизационный отдел был реформирован в Часть личного состава, которая 1 сентября 1922 года была слита с Организационной частью и вошла в Отдел по устройству и службе Воздушного флота. В его состав в качестве одного из

Генерал-лейтенант
авиации В.П. Белов

подразделений это отделение и было включено под наименованием инспекторского²⁴. По состоянию на 9 октября 1922 года в нём имелись следующие должности: начальник, его помощник и старший делопроизводитель²⁵.

К основным задачам, которые решало инспекторское отделение, относились: учёт личного состава; его зачисление в состав Воздушного флота, назначение и увольнение с изданием соответствующих приказов; решение вопросов о назначении пенсий и выплат пособий; распределение пайков. В качестве примера выполнявшейся работы и её масштаба можно привести итоговые сведения за 1922 год. Так, за указанное время через отделение прошли 3197 человек из числа прибывших в распоряжение Главного управления РККВФ. При этом в части и учебные заведения по нарядам были направлены 2526 человек. Объём служебной переписки составил 9009 входящих и 7455 исходящих документов²⁶.

Из представленных данных видно, что размах кадровой работы был существенным

и ложился тяжёлым грузом на немногочисленных сотрудников инспекторского отделения. Ситуацию спасало то, что часть функций по работе с личным составом была перераспределена между другими подразделениями Главвоздухфлота. Так, учётное отделение, также входившее в состав Отдела по устройству и службе Воздушного флота, по состоянию на октябрь 1922 года ведало: составлением различных списков на начальников отдельных частей, учреждений и их комиссаров, а также на лётный состав из числа бывших белых офицеров; персональным учётом лиц лётно-подъёмного состава и проверкой материалов на представляемых из их числа к награждению²⁷.

Следует отметить, что на этом реформирование системы управления советским Военным воздушным флотом не закончилось. С целью поиска наиболее оптимальной её формы оно продолжалось на протяжении 1920—1930-х годов. Данный процесс затрагивал и кадровые органы.

Так, приказами РВСР от 31 октября 1923 года № 2448 и 23 декабря 1923 года № 2749 был объявлен уточнённый штат Главвоздухфлота и введено Положение о нём. Согласно указанным документам в составе Главного управления РККВФ был предусмотрен штаб, который в том числе ведал такими вопросами, как пополнение личным составом и организация прохождения им службы. Для этого в штабе имелся Отдел по устройству и личному составу, который через одного из двух помощников подчинялся начальнику штаба²⁸.

Согласно штату данный отдел включал в себя: управление (всего пять человек, в т.ч. начальник отдела и его помощник); организационное отделение (два человека); отделение личного состава и укомплектования (семь человек)²⁹. От-

дел решал следующие задачи: общая организация Красного Воздушного флота, разработка штатов и положений всех частей и учреждений, оплата труда; общий учёт всего личного состава и персональный учёт специалистов по категориям; комплектование и установление норм численного состава частей и учреждений; перемещения личного состава; быт и прохождение службы личным составом всех частей. Кроме того, в компетенцию его сотрудников входили «вопросы мобилизационного характера по личному составу»³⁰.

Анализ приведённых документов позволяет прийти к выводу, что руководство военного ведомства осознавало важность кадровой работы и уделяло ей внимание. При этом её ведение в некоторой степени было совмещено с решением мобилизационных задач. Во многом это обуславливалось начавшимся сокращением численности Красной армии, которое в том числе затронуло и центральные органы военного управления, а также пока ещё незначительными размерами самих воздушных сил, которые в указанное время находились в стадии становления в качестве самостоятельного рода войск.

Другой отличительной чертой организации кадровой работы в Красном Воздушном флоте в 1920-е годы было её распыление. Подтверждением этому служит то, что согласно рассматриваемому Положению часть полномочий по работе с военнослужащими была предоставлена не только Отделу по устройству и личному составу, но и другим подразделениям Главвоздухфлота. Так, Учебный отдел, ведавший учебными заведениями РККВФ, отвечал за учёт их личного состава, как постоянного, так и переменного, а также за их комплектование. В свою очередь Отдел морской авиации занимался решением вопросов по личному составу своего профиля³¹.

Генерал-лейтенант
инженерно-авиационной
службы В.И. Орехов

28 марта 1924 года на основании приказа РВС СССР № 446/96 о реорганизации центрального аппарата Народного комиссариата по военным и морским делам Главвоздухфлот был переименован в Управление Военных воздушных сил СССР (с января 1925 г. — в Управление ВВС РККА)³².

Изучение архивных документов и научной литературы показывает, что на этом реформирование системы управления отечественной военной авиацией не завершилось, а активно продолжилось. Своей целью оно преследовало создание оптимальной организационной структуры, которая могла бы обеспечить проведение эффективной боевой подготовки и быстрое развёртывание до штатов военного времени в случае объявления мобилизации с одновременным учётом производственных возможностей советской промышленности и состояния ВВС потенциальных противников.

31 декабря 1926 года приказом РВС СССР № 770 был введён в действие очередной

штат Управления ВВС РККА. Оно включало в себя: руководство, два управления (Учебно-строевое и Специального снабжения), Научно-технический комитет, Метеорологический отдел, Инспекцию Гражданского воздушного флота, Комиссию по изучению лётной работы и Административно-хозяйственную часть. Всего 210 должностей. В составе Учебно-строевого управления для работы с командным составом имелся соответствующий отдел³³.

С точки зрения развития кадровых органов большое значение имел переход Управления ВВС РККА 22 июля 1932 года на новый штат № 1/106, предусматривавший наличие девяти основных управлений, в т.ч. по личному составу, которое включало в себя восемь секторов: мобилизационный, лётного состава, высшего начальствующего состава и академий, технического состава и младших специалистов, прохождения службы, общевойскового состава и запаса, учётно-статистический, секретное бюро³⁴. Изучение данного штата позволяет прийти к выводу, что с началом 1930-х годов роль кадровых органов в системе управления отечественными ВВС повысилась. Своё отражение это нашло в том, что по своему положению они были выведены на один уровень с другими руководящими органами, например, отвечавшими за боевую и мобилизационную готовность.

Однако указанная структура просуществовала непродолжительное время. Уже в следующем году был утверждён новый штат центрального аппарата ВВС РККА, в котором большая часть управлений была преобразована в отделы. Так, Управление по личному составу было трансформировано в отдел кадров³⁵.

22 ноября 1934 года приказом народного комиссара обороны (НКО) СССР № 067 было

объявлено постановление Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) СССР об утверждении Положения о Народном комиссариате обороны, согласно которому Управление Воздушных сил РККА признавалось центральным органом НКО, на начальника которого возлагался комплекс задач, в т.ч. по подготовке, воспитанию, вырабатыванию и подбору командных кадров. Для их решения в составе управления имелось 12 отделов по различным направлениям, включая отдел кадров³⁶.

Начало 1936 года ознаменовалось очередной волной преобразований. 10 января 1936 года наркомом обороны был подписан приказ № 003, согласно которому «во изменение приказа от 22 ноября 1934 года за № 067» начальник Управления Воздушных сил РККА переименовывался в начальника Военных воздушных сил РККА. При нём создавался Штаб ВВС РККА, а при начальниках военных воздушных сил округов — штабы ВВС округов. Одновременно вводилось в действие и новое Положение об Управлении ВВС РККА³⁷.

В нём отмечалось, что «Управление Военных воздушных сил РККА является центральным органом Народного комиссариата обороны Союза СССР по руководству организационным строительством, боевой подготовкой, подготовкой и комплектованием лётно-техническим составом и материально-техническим снабжением и вооружением Военных воздушных сил РККА. Во главе Управления стоит начальник Военных воздушных сил РККА, подчинённый непосредственно народному комиссару обороны Союза ССР». В рамках должностных обязанностей на него возлагался ряд различных задач, в т.ч. по комплектованию частей, учреждений и заведений ВВС командным, начальствующим лётным и техническим составом. Для их решения в состав управления были включены штаб, Управление материально-технического снабжения, Управление авиационного вооружения и три самостоятельных отдела: учебных заведений, финансовый, командного и начальствующего состава³⁸.

В указанное время вследствие увеличения численно-

сти советской военной авиации помимо центрального кадрового органа, входившего в состав Управления ВВС РККА, стали формироваться и кадровые органы «на местах». Так, согласно Положению об управлении военных воздушных сил округа от 5 апреля 1936 года на начальника ВВС округа возлагался значительный спектр задач, в том числе: по руководству подготовкой запаса лётно-технического состава округа и вневойсковой подготовкой лётно-технических кадров на территории округа; руководство подготовкой младших специалистов, их учёт и распределение; разработка и проведение перемещений личного состава авиации в установленном порядке. Для этих целей в штате Управления ВВС округа было предусмотрено отделение командного и начальствующего состава. Аналогичное отделение имелось и в составе Управления ВВС флота³⁹.

Анализ архивных материалов показывает, что рассмотренные руководящие документы действовали менее года. Уже 26 января 1937 года приказом НКО СССР № 08 было объявлено очередное Положение о начальнике Военных воздушных сил РККА, который одновременно становился и заместителем народного комиссара обороны по Военным воздушным силам. Согласно его содержанию на указанное должностное лицо в деле кадровой работы возлагались: «а) комплектование военно-учебных заведений ВВС, подготовка, воспитание и вырабатывание авиационных командных кадров; б) комплектование частей, учреждений и заведений ВВС командным и начальствующим лётным и техническим составом в установленном порядке; в) накопление и учёт лётного и технического состава запаса и организация особых сборов по специальной и военной его

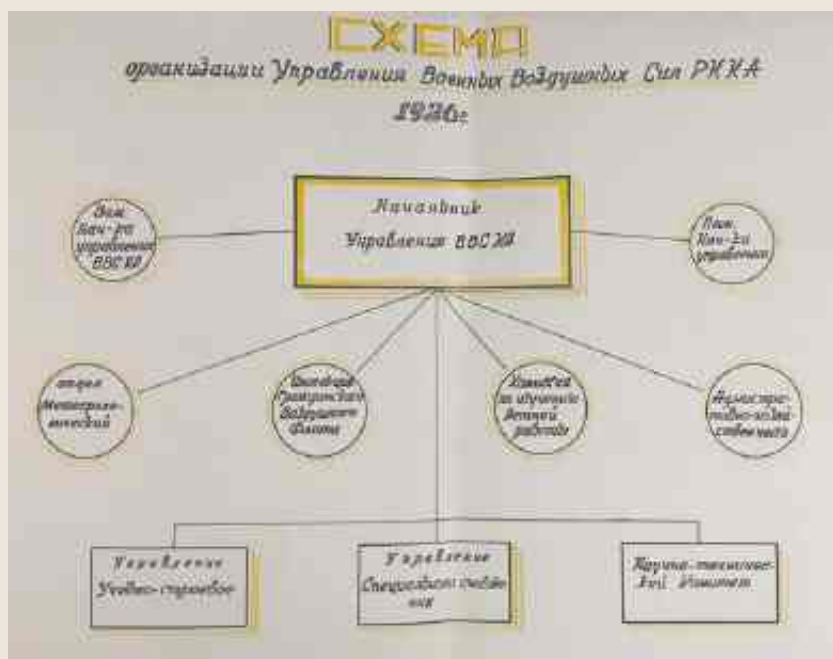

Схема организации Управления ВВС РККА на 1926 г.

РГВА. Ф. 29. Оп. 46. Д. 341. Л. 24.

подготовке и переподготовке в целях поддержания им на должном уровне своей специальной квалификации». Для решения всех указанных задач в составе Управления ВВС РККА сохранялся Отдел командного и начальствующего состава⁴⁰.

В тот же день приказом НКО СССР № 010 было объявлено новое Положение о командующем военными воздушными силами округа (флота) и его управлении. Согласно ему в штате также сохранялось отделение командного и начальствующего состава, но уже в составе штаба ВВС округа⁴¹. Однако такая схема просуществовала всего несколько месяцев. 14 мая 1937 года на основании приказа НКО СССР № 058 указанные отделения были изъяты из ведения начальников штабов и подчинены непосредственно военным советам ВВС округов⁴².

Изучение архивных документов и научной литературы позволяет прийти к выводу, что конец 1930-х годов стал важным периодом в формировании кадровых органов ВВС РККА в качестве полноценной структуры общей системы военного управления авиацией. Так, 13 апреля 1938 года приказом НКО СССР № 048 вопросы комплектования командным и начальствующим составом Военно-воздушных сил были изъяты из ведения Управления по командному и начальствующему составу РККА и переданы в Управление ВВС РККА. Там их решением должен был заниматься соответствующий отдел кадров, находившийся в непосредственном подчинении Военного совета ВВС, который был обязан «по всем вопросам комплектования» напрямую докладывать наркомку обороны. Этим же документом 4-й отдел Управления по командному

и начальствующему составу РККА расформировывался, а его личный состав передавался на доукомплектование отдела кадров ВВС РККА⁴³.

В данном контексте научный интерес вызывает то, как сами кадровые работники понимали стоявшие перед ними задачи в тот период. Определённое представление об этом можно получить на основе изучения проекта положения об исследуемом отделе, который за подписью его начальника комбрига П.А. Котова 14 августа 1938 года был направлен в штаб Военно-воздушных сил РККА. Согласно ему в функции отдела кадров входили «всестороннее изучение, проверка, учёт и тщательный подбор кадров лётно-технического, командного и начальствующего состава ВВС РККА, как по политическому, так и по деловому их соответствию». Кроме того, кадровики должны были «выявлять потребность кадров

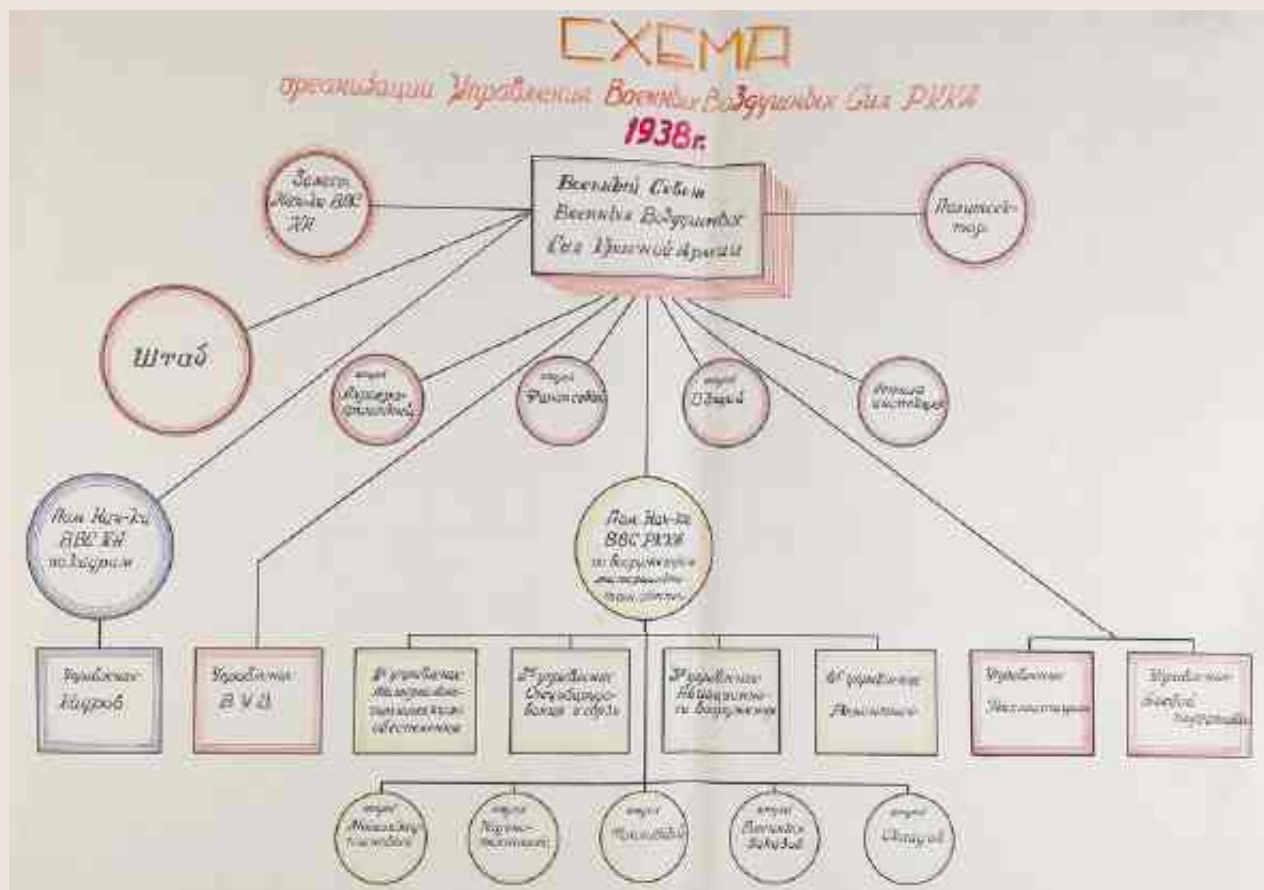

Схема организации Управления ВВС РККА на 1938 г.
РГВА. Ф. 29. Оп. 46. Д. 341. Л. 25.

ВВС и обеспечивать мероприятия по покрытию потребности в личном составе» за счёт выдвижения новых молодых кадров из числа младшего начсостава посредством получения их из гражданских высших учебных заведений, а также путём поступления выпускников военных авиационных училищ, школ и академий РККА. Одновременно они должны были «укомплектовывать в установленном порядке части, соединения, заведения и учреждения ВВС РККА лётно-подъёмным, штабным, инженерно-техническим и другим командным и начальствующим составом», «обеспечивать правильное и своевременное присвоение персональных военных званий», а также принимать участие в комплектовании переменным составом всех авиационных училищ, школ, курсов и академий и заниматься распределением их выпускников⁴⁴.

14 октября 1938 года был утверждён новый штат Управления ВВС РККА № 1/806. В соответствии с ним статус отдела кадров повышался до управления⁴⁵.

19 ноября 1939 года в приказе НКО СССР № 0186 было объявлено о разделении Управления ВВС КА на два самостоятельных органа: Главное управление Военных воздушных сил Красной армии (ГУ ВВС КА) и Главное управление авиационного снабжения Красной армии (ГУАС КА). При этом Управление кадров было включено в состав первого. Этим же документом были назначены ключевые должностные лица. В частности, комдив П.А. Котов стал помощником начальника ВВС КА по кадрам и одновременно начальником Управления кадров⁴⁶.

21 декабря 1939 года приказом НКО СССР № 0189 были введены в действие штаты новых руководящих органов. Согласно штату № 1/906 (мирного времени) Главное

управление ВВС КА насчитывало 482 человека и включало: командование, политсектор, штаб, технический совет, пять управлений, отдел горючих и смазочных материалов, финансовый отдел и общий отдел. В свою очередь 3-е управление (кадров) состояло из: помощника начальника ВВС КА по кадрам (он же начальник управления), заместителя начальника управления, военного комиссара, двух адъютантов, секретной части и восьми отделов (мобилизационно-планового; центрального аппарата, военной приёмки и медсостава; восточного направления; западного направления; центрально-европейской части; академий, курсов усовершенствования и школ; запаса; учёта и прохождения службы). Всего по штату в управлении предусматривались 52 должности военнослужащих и 18 вольнонаёмного состава⁴⁷.

Надо отметить, что подобная схема руководства отечественной военной авиацией себя не оправдала, и уже 21 июня 1940 года на основании приказа НКО СССР № 0117 Главное управление ВВС КА и Главное управление авиационного снабжения Красной армии снова были объединены в Главное управление ВВС КА⁴⁸. В августе 1940 года был утверждён его новый штат № 1/6, согласно которому 3-е управление (кадров) сохранило статус самостоятельного. При этом организационно оно состояло из секретной части и восьми отделов: 1) центрального аппарата, военной приёмки и медсостава; 2) западного направления; 3) восточного направления; 4) центрально-европейской части; 5) академий, курсов усовершенствования и школ; 6) учёта и прохождения службы; 7) мобпланового по кадрам; 8) кадров запаса. Однако на этом процесс реформирования не закончился. Менее чем через год в соответ-

ствии с приказом НКО СССР от 5 мая 1941 года № 0166 был введён в действие новый штат ГУ ВВС КА № 1/106. В нём Управление кадров стало официально именоваться 6-м управлением. Его первый отдел был переименован в отдел центрального аппарата и военной приёмки, а пятый стал именоваться отделом академий, курсов усовершенствования, училищ и школ⁴⁹. В таком виде главный кадровый орган советских ВВС и встретил 22 июня 1941 года.

Анализ документов показывает, что непрерывное реформирование системы управления советскими Военно-воздушными силами сопровождалось многочисленными перестановками в их руководстве. Так, согласно архивным материалам за четыре предвоенных года сменились несколько начальников главного кадрового органа ВВС КА⁵⁰. Кроме уже отмечавшегося комдива П.А. Котова⁵¹, на этой должности побывали бригадный комиссар Л.Ф. Гайдукевич⁵², генерал-майор авиации С.К. Горюнов⁵³ и генерал-майор авиации В.П. Белов⁵⁴. За несколько дней до начала нацистской агрессии новым начальником стал будущий генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы В.И. Орехов⁵⁵.

Итак, формирование первых подразделений, осуществлявших кадровую работу с личным составом отечественных воздушных сил, началось ещё в период Первой мировой и Гражданской войн. Дальнейшее их развитие продолжилось в 1920—1930-е гг. При этом кадровые органы сохранялись в общей структуре управления ВВС в ходе многочисленных трансформаций, что свидетельствует о том, что военно-политическое руководство страны понимало их значимость в деле обеспечения боевой готовности советской авиации. В результате предпринятых преобразова-

ний кадровые органы ВВС КА к началу нацистской агрессии обрели разветвлённую структуру, на вершине которой на-

ходилось Управление кадров, и накопили определённый опыт работы с командно-начальствующим составом. Всё

это в совокупности стало основой для их последующего функционирования в суровых условиях военного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 26. Д. 206. Л. 1а; Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. 100 лет Военно-воздушным силам России (1912—2012 годы). М.: Русские витязи, 2012. С. 68.

² Шумихин В.С. Советская военная авиация 1917—1941. М.: Наука, 1986. С. 10.

³ Елисеев С.П. Организационное строительство отечественной военной авиации (1910—1920 гг.). М.: Академия Жуковского, 2021. С. 134.

⁴ РГВА. Ф. 29. Оп. 8. Д. 569. Л. 1; Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. Главное командование: от Военного Воздушного флота до Воздушно-космических сил России. М.: Буксир; Небо Отчизны, 2017. С. 61.

⁵ РГВА. Ф. 29. Оп. 8. Д. 569. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 2 об.—4.

⁸ Там же. Л. 12—14.

⁹ Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. Главное командование: от Военного Воздушного флота до Воздушно-космических сил России. С. 65.

¹⁰ РГВА. Ф. 29. Оп. 8. Д. 569. Л. 18—23.

¹¹ Там же. Л. 23 об., 24.

¹² Елисеев С.П. Указ. соч. С. 139.

¹³ Там же. С. 141, 142.

¹⁴ Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. Главное командование: от Военного Воздушного флота до Воздушно-космических сил России. С. 110—113.

¹⁵ Елисеев С.П. Указ. соч. С. 184, 193, 220, 268.

¹⁶ РГВА. Ф. 29. Оп. 8. Д. 569. Л. 32—33.

¹⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 404—405.

¹⁸ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Д. 52. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 4. Л. 211.

²⁰ Там же. Л. 211, 211 об.

²¹ Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. Главное командование: от Военного Воздушного флота до Воздушно-космических сил России. С. 132.

²² Елисеев С.П. Организационное строительство отечественных Военно-воздушных сил (1921—1931 гг.). М.: Академия Жуковского, 2021. С. 27.

²³ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 19. Л. 417 об., 418.

²⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 5. Д. 50. Л. 11.

²⁵ Там же. Оп. 8. Д. 486. Л. 7.

²⁶ Там же. Д. 50. Л. 11, 11 об.

²⁷ Там же. Д. 58. Л. 187.

²⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 39. Л. 243, 245, 246 об.—247 об.

²⁹ Там же. Д. 38. Л. 280 об.

³⁰ Елисеев С.П. Организационное строительство отечественных Военно-воздушных сил (1921—1931 гг.). М.: Академия Жуковского, 2021. С. 359.

³¹ Там же. С. 359, 360.

³² Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. Главное командование: от Военного Воздушного флота до Воздушно-космических сил России. С. 201.

³³ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 52. Л. 1141—1144; Ф. 29. Оп. 46. Д. 341. Л. 24; Реформа в Красной армии: документы и материалы. 1923—1928 гг. в 2 кн. Кн. 2. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 205.

³⁴ РГВА. Ф. 29. Оп. 47. Д. 32. Л. 4.

³⁵ Лашков А.Ю., Голотюк В.Л. Главное командование: от Военного Воздушного флота до Воздушно-космических сил России. С. 214, 278.

³⁶ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 30, 33, 40, 41.

³⁷ РГВА. Ф. 29. Оп. 46. Д. 173. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 1 об.—2 об.

³⁹ Там же. Л. 3—6, 19—20 об.

⁴⁰ Там же. Л. 39, 40 об., 41 об.

⁴¹ Там же. Л. 43 об.

⁴² Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 13. Л. 172.

⁴³ Там же. Д. 19. Л. 61, 61 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 47. Д. 510. Л. 99—100 об.

⁴⁵ Елисеев С.П. Организационное строительство отечественных Военно-воздушных сил (1931—1941 гг.). М.: Академия Жуковского, 2021. С. 194.

⁴⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 23. Л. 469.

⁴⁷ Там же. Ф. 29. Оп. 46. Д. 277. Л. 130, 139 об.—141 об.

⁴⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 15. Д. 28. Л. 155.

⁴⁹ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 35. Оп. 929391. Д. 1. Л. 4, 5, 53.

⁵⁰ Там же. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 336. Л. 59.

⁵¹ С 1940 г. — генерал-майор авиации. В годы Великой Отечественной войны службу проходил в Военно-воздушной академии.

⁵² Осенью 1937 г. арестован. В 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в военном заговоре приговорён к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

⁵³ Герой Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны командовал 5-й воздушной армией.

⁵⁴ В годы Великой Отечественной войны занимал должность начальника Челябинской военно-авиационной школы штурманов и стрелков-радиов.

⁵⁵ На протяжении всей Великой Отечественной войны возглавлял Управление кадров ВВС КА.

S.A. Tarasov

«STAFF THE UNITS, FORMATIONS, ESTABLISHMENTS, AND INSTITUTIONS OF THE RED ARMY AIR FORCES IN A PROFESSIONAL MANNER...»

The development of personnel bodies in the Russian Air Force from 1914 to 1941

Information about author. Sergey Tarasov — deputy head of the research department at the Research Institute of Military History, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: satar79@mail.ru).

Summary. The paper attempts to analyze the process of formation and development of personnel work in domestic military aviation from its inception until the beginning of the Great Patriotic War (1941—1945). The research is based on materials from the Russian State Military Archive and the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation, some of which have been introduced into scientific use for the first time. The author also draws on published collections of documents on the development of the Soviet Armed Forces in the 1920s and 1930s, as well as academic literature on the history of Russian military aviation. This paper examines the creation of organic units of this type within military command structures during World War I and the Civil War, including their supervision of members of the command staff. It explores the process of refining their organizational structure and the growing importance and role they played in the development of the Soviet Air Force. The conclusion is that these HR units emerged almost simultaneously with the formation of the Air Force and accompanied its rapid growth. They acquired a diverse structure and gained operational experience prior to Nazi aggression, laying the foundation for their effectiveness in wartime.

Keywords: Workers' and Peasants' Red Army; Air Fleet; Air Force; HR bodies; command and officer staff; cadre management; World War I; Civil War; S.K. Goryunov; V.P. Belov; V.I. Orekhov.

«ЗЕНИТНЫХ СРЕДСТВ БЫЛО ОЧЕНЬ МАЛО, БОЕПРИПАСЫ К НИМ БЫЛИ МАЛОЭФФЕКТИВНЫМИ...»

Противовоздушная оборона 6-й армии
Киевского особого военного округа (Юго-Западного фронта)
накануне и в первые дни Великой Отечественной войны

Сведения об авторе. Терентьев Вячеслав Олегович — доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, подполковник запаса, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: terehv@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена формированию системы противовоздушной обороны (ПВО) общевойсковых оперативных объединений накануне Великой Отечественной войны на примере 6-й армии Киевского Особого военного округа (КОВО), прикрывавшей львовское направление на западной границе СССР. На базе документов государственного и военно-стратегического планирования проанализированы эволюция концепции ПВО в первой половине 1941 года и её реализация в одной из сильнейших общевойсковых армий РККА. На основе архивных и мемуарных источников рассмотрены формы и способы взаимодействия армейской ПВО с ПВО СССР и ПВО округа (фронта) на львовском направлении. Введён в научный оборот ряд источников Центрального архива Министерства обороны РФ по состоянию войск ПВО КОВО и 6-й армии. Сделан вывод о том, что, несмотря на значительное число частей и соединений, предназначенных для защиты войск и стратегических объектов на львовском направлении, в первые дни войны ПВО 6-й армии обеспечивали лишь четыре отдельных зенитных дивизиона, что было крайне недостаточно для противодействия массированным ударам германской авиации и послужило одной из причин неудач Юго-Западного фронта. В работе использованы комплексный, проблемно-хронологический и историко-генетический методы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война (1941—1945 гг.); РККА; 6-я армия; противовоздушная оборона; Львовский дивизионный район ПВО; А.А. Демидов; М.Т. Тимофеев; И.Н. Музыченко; Киевский Особый военный округ; Юго-Западный фронт; 4-я дивизия ПВО.

Войска противовоздушной обороны (ПВО) с момента их образования стали одним из самых динамично развивающихся видов вооружённых сил (родов войск). В настоящее время, как показывает Специальная военная операция (СВО), именно они являются основным средством в борьбе с воздушным противником.

Несмотря на достаточно обширную литературу по истории Войск ПВО накануне и в годы Великой Отечественной войны, авторами широко рассматривался лишь стратегический аспект их организации и применения¹. Каждое фундаментальное издание советского времени, посвящённое истории войны, неизменно повторяло одни и те же постулаты относительно развития Войск ПВО². Причин для столь слабой проработанности темы достаточно много: во-первых, слож-

ность специфической структуры всей системы, наложение форм иерархии, не позволявшие выявить и сопоставить юридические и фактические особенности схем управления и взаимодействия; во-вторых, отсутствие полноценных баз данных и запутанность информации по формированиям ПВО, поскольку одновременно могло существовать от одного до шести действительных наименований частей с одним номером; в-третьих, затруднительная оценка деятельности ПВО из-за противоречивых цифр и доносений противников, сложности в дифференциации одиночных и групповых результатов; в-четвёртых, нежелание исследователей разбираться в частности при наличии в Центральном архиве Министерства обороны РФ обобщённых обзоров работы ПВО в боевых операциях, несмотря на их несоответствие

тактическим донесениям и реальным результатам.

В данном исследовании проанализировано состояние системы противовоз-

Летом 1941 года 6-я армия являлась одним из крупнейших оперативных объединений РККА. Её войсковая ПВО во взаимодействии с двумя приданными авиадивизиями должна была создать непреодолимый заслон на пути германской авиации. Предстоит выяснить, соответствовали ли структура, вооружение, боевое и техническое обеспечение, последовательность и целенаправленность решений вышестоящего командования, формы и методы управления и боевой работы, уровень подготовки штабов и расчётов поставленным перед ПВО армии целям и задачам.

На 22 июня 1941 года в Советском Союзе существовала довольно сложная, многокомпонентная и громоздкая система ПВО. Прежде всего, это ПВО страны, защищавшая крупные индустриальные центры, транспортные узлы, другие стратегические объекты. Из отдельных соединений и частей 14 февраля 1941 года приказом НКО № 0015

душной обороны 6-й армии Киевского Особого военного округа (с началом войны — Юго-Западного фронта) накануне Великой Отечественной войны.

была создана стройная структура, разделившая территорию государства на зоны, районы, пункты под общим руководством Главного управления ПВО³. Ответственность за зону ПВО (в рассматриваемом случае — Киевскую) нёс военный округ, имевший все средства — истребительную авиацию, зенитные и другие наземные части. Район ПВО объединял все прикрываемые объекты (пункты ПВО) по территориальному признаку. 6-я общевойсковая армия располагалась большей частью в Львовском дивизионном районе, состоявшем из 4-й дивизии ПВО, защищавшей крупный административный, транспортный и индустриальный центр Львов; 11-й бригады ПВО, защищавшей центр нефтедобычи и нефтепереработки Дрогобыч; 146-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона (озенадн), защищавшего аэродромно-складской узел Стрый. При этом 11-я бригада и 146 озенадн дислоцировались в сек-

торе 26-й общевойсковой армии. Командующим районом был командир 4-й дивизии ПВО, подчинявшийся командующему Киевской зоной ПВО. Задачи по защите воинских частей перед 4-й дивизией не стояли. 2-й эшелон 6-й общевойсковой армии находился в 300 км восточнее Львова, где была уже зона ответственности Тарнопольского бригадного района ПВО. Никакими формами управления или обеспечения 4-я дивизия и Тарнопольский район с 6-й армией связаны не были и могли только взаимодействовать в случае оперативной необходимости, оставляя в приоритете собственные задачи.

Вторым важным компонентом была истребительная авиация ПВО ВВС КОВО, которая по довоенным уставам и наставлениям являлась основной силой ПВО Красной армии. Для действий в секторе ответственности общевойсковых армий командованием ВВС округа назначались одна-две авиадивизии. Коман-

Карта дислокации войск ПВО 6-й армии
Составлена автором

дующим ВВС армии становился командир одной из авиадивизий. Для ПВО выделялись до трёх истребительных авиаполков из состава приданных армии авиадивизий. Задачи им ставил комдив. В ходе летней кампании 1941 года такое разделение для истребительной авиации постепенно исчезло, задачи полкам назначались или спонтанно, или узконаправленно. Приоритетом для командира полка были приказы и распоряжения комдива, а для комдива — начальника ВВС округа. Таким образом, командование общевойсковой армии получало авиацию фактически лишь для оперативного взаимодействия и ею не управляло.

Третий компонент — непосредственно армейская (войсковая) ПВО, состоявшая из отдельных зенитных артиллерийских и зенитных пулемётных частей. Именно они и стали основой ПВО 6-й армии в начальный период войны. Сильные зенитные дивизионы, состоявшие по штату из 12 76-мм или 85-мм, 4 37-мм пушек, 6 крупнокалиберных пулемётов и 3 счетверённых пулемётов «максим», имели целый ряд возможных задач: выдвижение на угрожаемые направления, прикрытие мест развёртывания штабов и резервов, защита ударных группировок и т.д.⁴ Они находились в распоряжении командующего армией и управлялись начальником ПВО армии. Обычной практикой накануне и в начальный период войны была их передача стрелковым корпусам (ск). В большинстве случаев существовавшие и вновь сформированные корпуса поступали в состав объединений со своими приданными (приписанными) дивизионами, из-за чего их нередко ошибочно ставят в разряд собственных корпусных частей. По той же причине и для простоты управления и обеспечения командование армий оставляло дивизионы в распоряжении командиров корпусов. В ситуациях, когда корпус находился в резерве или в качестве ударной группиров-

**Командующий ВВС
Киевского Особого
военного округа
(Юго-Западного фронта)
генерал-лейтенант
авиации Е.С. Птухин**

ки, такие решения были вполне оправданы. Однако нередко из-за нежелания и неумения выстраивать систему ПВО армии без зенитного прикрытия оставались мосты, станции разгрузки, объекты и линии снабжения, тыловые концентрации, соединения и части на марше, и даже командные пункты. Для защиты последних имелись зенитные пулемётные роты штабов объединений, но прикрыть все основные, запасные, передовые, тыловые пункты управления и связи с их обслуживающими подразделениями рота была не в состоянии. Поэтому ещё одним достаточно устойчивым стереотипом применения зенитных дивизионов в первой половине войны стало использование их для обороны штабов в ущерб остальным задачам. К сожалению, таких рот и дивизионов для оперирования системой зенитного огня армии было крайне мало. Так, в 6-й армии их было всего два — для 6-го (приграничного) и приписанного по мобплану 37-го (второго эшелона) стрелковых корпусов.

Значительным просчётом советского командования, особенно с учётом слабого взаимодействия войск, были планы воздушного прикрытия ударных сил — механизированных корпусов (мк) истребительной авиацией. Поэтому мехкорпуса не обеспечивались дополнительными зенитными средствами, а танковые дивизии имели на вооружении лишь малокалиберную зенитную артиллерию (МЗА) — 37-мм автоматические пушки. Таким образом, уставной постулат о прикрытии зенитным огнём ударных группировок повисал в воздухе — необходимо было снимать части ПВО с других участков. 6-я армия, располагавшая к началу войны пятью корпусами, двумя пунктами управления, разветвлённой сетью тыловых баз и складов, растянутыми на 350 км коммуникациями и резервами, а также укрепрайонами, оперативными станциями и районами развёртывания, имела всего два зенитных дивизиона (24 76-мм орудия).

Ещё одним компонентом ПВО РККА была ПВО соединений и частей. Зенитные формирования были составной неотъемлемой частью дивизий, бригад, полков, отдельных батальонов. Они имели узкие задачи защиты своих войск от ударов авиации противника и не предназначались для выполнения более масштабных задач в рамках корпуса или армии. Большинство таких формирований (от взводов до дивизионов) имели на вооружении счетверённые пулемётные установки «максим», крупнокалиберные пулемёты (в основном 12,7-мм ДШК) или 37-мм автоматические зенитные пушки. Зенитная артиллерия среднего калибра (76-мм или 85-мм) была представлена только в зенитных дивизионах стрелковых дивизий, и то всего 4 единицами. К сожалению, главным недостатком собственной зенитной артиллерии было артиллерийское снабжение: 12,7-мм и 37-мм снарядов в войсках было крайне мало или не было вообще, а счетверённые установки можно

было использовать лишь при избытке стандартных 7,62-мм патронов, поскольку за 2 минуты работы установки уходил полковой залп из винтовок Мосина. Достаточно распространённым явлением в первый период войны были авторитарные решения командиров и начальников армейского и фронтового уровней об изъятии дивизионных средств ПВО полностью или частично для использования в своих интересах.

На совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 года начальник Управления боевой подготовки РККА, участник Советско-финляндской войны генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов докладывал, что 12 зенитных орудий дивизии способны трёхслойным огнём прикрыть территорию в 100 кв. км (10 x 10 или 25 x 4 км)⁵. Послевоенные оценки довоенных возможностей такого же орудия намного скромнее — всего 5 кв. км (2 x 2,5) двухслойным огнём⁶. В танковых и кавалерийских дивизиях — ещё меньше.

Кроме боевых компонентов, существовала так называемая пассивная местная ПВО (МПВО), защищавшая государственные и военные объекты своими силами. Перед войной статус МПВО неоднократно менялся, пока к 22 июня она не была разделена на МПВО военных объектов, которая могла быть представлена как вооружёнными, так и пассивными средствами, и МПВО гражданских объектов, находившихся под управлением соответствующих наркоматов и под контролем НКВД. Фактически МПВО не играла особой роли в общей системе ПВО, поскольку не имела необходимых средств разведки, наблюдения, связи, а также соответствующих специалистов, при этом задачи выполнялись спонтанно назначенными командами и расчётами.

Система ПВО перед войной регулировалась уставами и наставлениями⁷. Для оптимальной эффективности противовоздушной обороны войск в ходе военных действий в составе полевого

управления армии существовал отдел ПВО. Начальник отдела подчинялся командующему армией, а ему через командиров подчинялись зенитные средства армии и соединений. Отдел отвечал не только за укомплектованность, боеготовность, боевое применение и все виды обеспечения армейских средств ПВО, но и за взаимодействие с частями истребительной авиации фронта, выделенных для ПВО, а также службой воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) и другими частями районов ПВО⁸. Различные рода войск в системе ПВО объединения состояли на обеспечении соответствующих служб.

Таким образом, начальник отдела ПВО (начальник ПВО) 6-й армии, как и любой другой армии в июне 1941 года, имел достаточно ограниченные возможности по защите войск и объектов, а с учётом сложившейся в первые дни войны неразберихи с управлением и связью и главной проблемы РККА — отсутствием взаимодействия видов вооружённых сил и родов войск эти возможности становились весьма призрачными и эфемерными.

Например, если в приграничной и тыловой зонах 6-й армии с ответственностью за воздушное пространство было всё относительно ясно, то в зоне г. Львова, несмотря на высокую насыщенность средствами ПВО, единого командования не было. За оборону города отвечала 4-я дивизия ПВО, подчинявшаяся Киеву и имевшая около 130 зенитных орудий, зенитные пулемёты, прожекторы, аэростаты, подготовленные узлы управления и связи, службу ВНОС. За истребительное прикрытие города, воинских частей и ударной авиации отвечали три назначенных истребительных авиаполка (численностью свыше 200 истребителей), два из которых базировались рядом с городом. Они не имели собственных зенитных средств, подчинялись через командира командующему ВВС округа (фронта) для действий в интересах не только армии, но

и ПВО страны. Командующим ВВС Киевского Особого военного округа с мая 1940 года (с перерывом в январе—марте 1941 г., когда он возглавлял ГУ ПВО РККА) был Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Е.С. Птухин. 20 июня 1941 года он был снят с должности за высокий уровень аварийности, но узнал об этом только на следующий день, из-за чего соединения и части ВВС остались без командующего и не были приведены в состояние боевой готовности. 24 июня Е.С. Птухин был повторно снят с должности и арестован⁹.

Во Львове дислоцировался 4-й мехкорпус в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. За их ПВО (4 76-мм и 16 37-мм пушек) отвечали штабы корпуса и дивизий. Непосредственно отделу ПВО подчинялась зенитная пулемётная рота обороны штаба 6-й армии. В июне 1941 года почти все армейские, корпусные, дивизионные и полковые зенитные средства были выведены на сборы на Стажиский (Яворовский) полигон. Большинство их за день-два до начала войны были возвращены к местам постоянной дислокации.

Несмотря на то что перед войной военная наука не стояла на месте, активно изучались и апробировались новые формы, методы, способы применения сил и средств ПВО, на практике дело обстояло не столь замечательно. В силу целого ряда причин состояние Войск ПВО перед войной можно назвать неудовлетворительным.

Ещё в мае 1940 года при приёме Народного комиссариата обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко от Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова была отмечена низкая боеспособность ПВО войск и объектов (пунктов). Среди причин называлась неудовлетворительная система разведки и управления: слабая обеспеченность приборами управления, наблюдения, прожекторами, радиолокаторами; плохая ор-

Зенитная 76-мм пушка 3-К
1931 г.

Крупнокалиберный зенитный 12,7-мм пулемёт ДШК

Зенитная 85-мм пушка 52-К
1939 г.

ганизация управления силами ПВО, особенно службы ВНОС¹⁰. Одним из шагов, предпринятых по оптимизации системы управления Войсками ПВО, была передача руководства МПВО (включая военные объекты) от НКО в НКВД в октябре 1940 года. 25 января 1941 года постановлением СНК СССР «Об организации противовоздушной обороны» было начато формирование дивизии ПВО для Львова, вооружённой 85-мм зенитными орудиями; бригады ПВО для Дрогобыча, оснащённой 76-мм зенитными пушками; новых полков и дивизионов ПВО для прикрытия государственных объектов, аэродромов, артиллерийских складов, зенитных пулемётных рот на железнодорожных платформах для воинских эшелонов. ПВО (в т.ч. местная) всех военных и стратегических объектов была возвращена в НКО. Красной армии были переданы все зенитные дивизионы и роты ПВО НКВД. В феврале ПВО была вычленена в самостоятельный вид Вооружённых сил (ВС) наряду с Сухопутными войсками и Военно-воздушными силами¹¹. 10 мая 1941 года МПВО государственных объектов вернули гражданским органам власти и НКВД, а МПВО объектов гарнизонного и армейского значения оставили за Красной армией¹². При этом СНК обязал оба комиссариата плотно взаимодействовать по вопросам ПВО¹³.

К сожалению, к началу войны планы СНК по укреплению ПВО были реализованы не в полном объёме. Ряд частей так и не были сформированы, оставаясь боевыми единицами только на бумаге, многие не получили (недополучили) технику и вооружение. Так, по зенитным орудиям потребность по мобплану составляла: по 37-мм пушкам — 9854 (имелось на 1 января 1941 г. всего 544); по 76-мм пушкам — 5151 (имелось 4462); по 85-мм пушкам — 2286 (имелось 958)¹⁴. Устранить дефицит и создать дополнительный мобзапас планировалось военными заказами на 1941—1942 гг.

Но не только организационно-мобилизационные мероприятия снизили боеспособность ПВО. Причиной неповоротливости и слабой мобильности всей системы разведки воздушного пространства стала крайне низкая обеспеченность постов ВНОС радиосредствами.

Оставались крайне низкими боевая подготовка и профессионализм командного и рядового состава Войск ПВО. Основной причиной являлось комплектование войск по остаточному принципу. Так, в постановлении СНК СССР от 25 января 1941 года на формирование новых частей ПВО выделялись 48 тыс. человек за счёт тыловых и местных стрелковых частей и подразделений¹⁵. А по приказу НКО № 0127 от 28 марта 1941 года для покрытия некомплекта начсостава производился ускоренный выпуск курсантов военных училищ зенитной артиллерии, а также предусматривался укороченный курс для более 2000 курсантов, переведённых из наземной артиллерии¹⁶.

Разработанные по директиве НКО от 16 мая планы ПВО военных округов в июне 1941 года были подготовлены с учётом полного отмобилизования войск и в расчёте на поступление боевой техники и вооружения по плану 1942 года¹⁷. К началу Великой Отечественной войны они не могли быть реализованы в принципе.

Сложившуюся ситуацию по зенитной артиллерии накануне войны можно проиллюстрировать мемуарами начальника артиллерии 14 ск Одесского военного округа полковника Н.К. Рыжи: «Орудий малокалиберной зенитной артиллерии в войсках в первый год войны было совершенно недостаточно, вследствие чего личный состав частей МЗА, не имеющих матчасти, использовался как пехота. Среднекалиберной зенитной артиллерии в войсках также было мало. Кроме того, матчасть 76-мм зенитной пушки обр. 1931 года была неманёвренной, трудно переводимой из походного

**Командир 15-й смешанной
авиадивизии
генерал-майор авиации
А.А. Демидов**

в боевое положение и сложной в эксплуатации. ПУАЗО-2, которым комплектовались батареи СЗА, обладал рядом недостатков, существенным из которых была невозможность батареи вести огонь по самолёту, летящему строго через батарею. Оборона войск от низколетящих самолётов была слабой из-за отсутствия крупнокалиберного пулемёта и недостаточной мощности пули пулемётов нормального калибра. Посты воздушного наблюдения оповещения и связи (ВНОС) не имели своих радиостанций, а базировались на командную проводную связь, что перегружало последнюю и часто задерживало оповещение активных средств ПВО о налётах авиации противника. Посты ВНОС были малоподвижны»¹⁸.

После расширения территории СССР в 1939 году возникла необходимость формирования системы противовоздушной обороны новых территорий. Если воинские части обеспечивали свою защиту собственными зенитными средствами, то для обороны стратегических промышленных, логистических и стационарных военных объ-

ектов были сформированы новые соединения ПВО. Так, по директиве НКО № 103684 от 7 февраля 1940 года для защиты Львова (сектор 6-й армии РККА) была создана 6-я бригада ПВО. Её ядром стал 509-й зенитный артиллерийский полк (зенап), вооружённый 76-мм зенитными пушками. По постановлению СНК от 25 января 1941 года Львов как крупный город и транспортный узел поступил под охрану формируемой 4-й дивизии ПВО. Её основой стали 509 и 533 зенап, вооружённые 85-мм зенитными пушками. Остальные части (прожекторные, пулемётные, аэростатные, ВНОС и связи) были вновь сформированными, поскольку прежние вместе с 76-мм пушками передавались в 11-ю бригаду ПВО 26-й армии в Дрогобыч.

Командир 4-й дивизии полковник Ф.Г. Янковский одновременно являлся командующим Львовским дивизионным районом ПВО, который охватывал территорию развёртывания 6-й и 26-й армий, а их тылы и вторые эшелоны дислоцировались в иных бригадных районах. 509-й и 533-й полки имели по штату по 1127 человек и по 60 85-мм орудий. После недели боёв по прикрытию Львова они были отведены в Тарнополь и Проскурров, а затем приказом командующего Юго-Западным фронтом (ЮЗФ) от 2 июля 1941 года в Коростени переформированы в противотанковые полки¹⁹.

Кроме двух полков, в составе 4-й дивизии по плану ПВО должны были состоять два озенадн МЗА по 12 37-мм пушек. 86 озенадн, формировавшийся на базе корпусного, не успел получить технику к началу боевых действий в нужном количестве и имел только учебную батарею из четырёх 37-мм пушек. С 28 июня в составе дивизии он был передислоцирован в Тарнополь для формирования противотанкового рубежа. В качестве второго дивизиона использовалась батарея 37-мм пушек 79 озенадн 81-й моторизованной

Аэростат заграждения

Истребитель МиГ-3 28 иап на аэродроме Чунев
1941 г.

Счетверённая 7,62-мм зенитная пулемётная установка (ЗПУ)

дивизии (мд). На её базе к 1942 году должен был развернуться полноценный дивизион.

Также в составе 4-й дивизии ПВО были развернуты 7-й зенитный пулемётный полк (зпп) (66 крупнокалиберных пулемётов), 13-й полк аэростатов (81 аэростат), 11-й прожекторный полк (120 прожекторных станций), 19-й батальон ВНОС и 618-й батальон связи. 28 июня они были передислоцированы в Проскуров и Тарнополь, а затем переданы для обороны Киева в 3-ю дивизию ПВО.

Взаимодействие с армейской ПВО у 4-й дивизии было весьма посредственное. По директиве НКО от 21 июня, отправленной уже после полуночи, в приграничных округах требовалось привести противовоздушную оборону в боевую готовность. До многих частей ПВО это распоряжение дошло уже в ходе начавшихся боевых действий²⁰. Готовность частей ПВО составляла 3 часа. Первый воздушный налёт застал 4-ю дивизию ПВО в момент перевода в боевую готовность. Сообщение армейским частям о переводе опоздало почти на два часа. Посты ВНОС не смогли отследить все маршруты пролётов авиации противника, а некоторые не получили приказа о переводе в готовность. Наблюдение за воздушным противником и оповещение всех штабов на территории Львовского дивизионного района в секторе 6-й армии (около 150 км фронта) лежало на плечах 19-го батальона ВНОС численностью 237 человек. В связи с малочисленностью и слабым техническим оснащением служба ВНОС Львовского дивизионного района не смогла полноценно и своевременно обеспечить разведывательной информацией штаб 6-й армии и приграничные части. Необходимо отметить, что армейские зенитчики получили информацию о налёте от собственных постов наблюдения или от пограничников.

На 22 июня, по советским данным, 4-я дивизия ПВО сбила дюжину немецких самолётов, чем показала себя значитель-

но лучше армейских частей. Впоследствии, когда основное внимание армейского командования было сосредоточено на обороне границы и нанесении контрударов, 4-я дивизия защищала Львов от ударов с воздуха вместе с 17 озенадн 6 ск. После вывода дивизии в Тарнополь взаимодействие с 6-й армией прекратилось.

По довоенному плану прикрытия воздушное пространство Львовского района ПВО (в т.ч. 6-ю общевойсковую армию) должны были обеспечивать 23, 28 и 164-й истребительные авиаполки (иап) 15-й авиадивизии (ад) КОВО. Управление авиадивизии дислоцировалось во Львове, а её командир одновременно являлся начальником ВВС 6-й армии. Командиром дивизии с 8 августа 1940 года был генерал-майор авиации А.А. Демидов. Необходимо заметить, что уже во второй половине дня 22 июня командование ВВС 6-й армии принял на себя первый заместитель начальника ГУ ВВС РККА генерал-майор авиации Ф.Я. Фалалеев, находившийся на инспекции в Киеве.

23 иап базировался на аэродроме Адамы в 50 км восточнее Львова. В его составе было 49 исправных самолётов МиГ-3. Личный состав (62 лётчика) ещё только осваивал их, и боеготовых экипажей на МиГ-3 не было. Кроме новых самолётов, имелись 13 исправных и 21 неисправный истребитель И-16. В 52 экипажах было 33 боееспособных лётчика, причём из них только 26 могли работать в сложных метеоусловиях (СМУ). 22 июня при защите Львова лётчики заявили о 10 сбитых самолётах противника. Свои потери составили 2 сбитых и 4 повреждённых МиГ-3, при 6-кратной бомбардировке аэродрома были повреждены 9 МиГ-3. К концу дня в полку оставалось всего 9 боееспособных МиГ-3 и 5 И-16. Часть самолётов после боёв и бомбардировок находилась в ремонте, несколько новых МиГ были перебазированы на тыловой аэродром. Подобная ситуация сложилась и в других полках.

28 иап базировался на аэродроме Чунев (Цунев) в 20 км западнее Львова. В его составе были 51 исправный МиГ-3 (21 боеготовый лётчик) и 24 исправных истребителя более старых типов — И-15, И-16, И-153 (41 боееспособный лётчик). Ещё 12 самолётов были неисправны, а из 66 экипажей (лётчиков) только 31 был подготовлен для ведения боевых действий на старых типах самолётов в сложных метеоусловиях. Экипажи МиГ-3 не были подготовлены для полётов ночью и в СМУ. 22 июня при защите Львова лётчики заявили о 2 сбитых самолётах противника при потере 3 своих самолётов (в т.ч. 1 был сбит своей зенитной артиллерией) и 3 повреждённых МиГ-3. При 7-кратной бомбардировке аэродрома были выведены из строя 9 МиГ-3. К концу дня в полку оставалось 14 исправных МиГ-3 и 5 И-153.

164 иап базировался на аэродроме Куровицы в 30 км восточнее Львова. В его составе было 49 И-16 и И-153 (16 боеготовых лётчиков). Все самолёты были исправны, 52 экипажа проходили плановую учебную подготовку. Из 16 экипажей 13 были подготовлены для ведения воздушного боя в СМУ. 22 июня при защите Львова лётчики заявили о 2 сбитых самолётах противника. Свои потери в воздушных боях составили 5 И-16 и И-153. При бомбардировке аэродрома удалось избежать потерь авиатехники. К концу дня в полку оставалось 23 исправных И-16 и 11 И-153.

Таким образом, противодействовать воздушным налётам из назначенных сил истребительной авиации в секторе 6-й армии могли только 21 МиГ-3, 53 И-16, И-153, несмотря на общее число 121 МиГ-3 и 98 И-16, И-153²¹.

Одной из проблем в начале войны стала полная незащищённость аэродромов, включая базы истребительной авиации. Это было отмечено и в постановлении СНК СССР от 25 января 1941 года, по которому требовалось в военное время развернуть

50 озенадн РГК для прикрытия аэродромных узлов от ударов с воздуха во фронтовой полосе²². Директивой НКО от 25 апреля 1941 года уже предусматривалось формирование 166 зенитных артиллерийских батарей для охраны аэродромов²³. Все они намечались к вооружению поставками 1942 года. Естественно, к 22 июня 1941 года аэродромы 15 ад, кроме Чунева, который косвенно попадал в зону огня 509 зенап, прикрыты не были. В качестве непосредственного прикрытия в батальонах аэродромного обеспечения существовал зенитный пулемётный взвод (3 счетверённых «максима»), что было явно недостаточно. Организация ПВО аэродромов находилась в запущенном состоянии, что объяснялось не только отсутствием необходимых маскировочных средств и нехваткой средств ПВО, но и недостаточным вниманием со стороны командования полков, дивизий, ВВС округа.

В июне 1941 года люфтваффе беспрепятственно бомбили советские аэродромы, уничтожив значительное количество самолётов. Так, аэродромы 15 ад были атакованы немецкой авиацией 13 раз только 22 июня. Авиаполки были фактически разгромлены, лишены почти 75—80 проц. боевой техники и средств обеспечения.

Кроме проблем с боевой подготовкой лётного состава и зенитным прикрытием аэродромов, в истребительной авиации крайне остро стоял вопрос взаимодействия с сухопутными войсками. Согласованные действия наземных средств с авиацией были невозможны, поскольку большинство лётчиков-истребителей перед войной не обучались и не умели взаимодействовать в системе ПВО²⁴. На это наслаивался, усугубляя проблему, низкий уровень боевой подготовки бойцов ВНОС и зенитной артиллерии. Так, в секторе 6-й армии 22 июня своей зенитной артиллерией был сбит истребитель МиГ-3 23 иап. 23 июня в районе Львова своя

Расчёт 37-мм автоматической пушки

Автомобильная прожекторная станция З-15-4Б

Звукоулавливатель ЗП-2

ПВО поразила самолёт 315-го разведывательного авиаполка²⁵. За первые три дня войны своя зенитная артиллерия нанесла большой урон 28 иап, сбив в районе Львов — Рава Русская три истребителя МиГ-3.

В первый день войны ИА не смогла оказать существенную помощь 6-й армии из-за хаоса и неразберихи в управлении, а также больших потерь авиатехники на аэродромах от ударов немецкой авиации. 23—24 июня на оставшиеся истребители легла значительная нагрузка по защите войск, ведущих бои в укрепрайонах и наносивших первые контрудары. Для ПВО 6-й армии были выделены пять иап 15 и 16 ад. Однако отсутствие качественной связи и низкая боеспособность авиачастей не позволили создать устойчивый зонтик истребительного прикрытия войск. Большие потери и постоянные удары люфтваффе по базам вынудили ВВС Юго-Западного фронта вывести остатки авиадивизий из-под ударов. 24 июня 15 ад перебазировалась на аэродром Зубов, а 16 — в Тарнополь в 150—200 км от линии фронта. С 26 июня по начало июля на истребительное прикрытие войск 6-й армии вылетали единичные самолёты 15-й и 16-й авиадивизий, после чего штаб ВВС фронта ежедневно назначал истребители из разных авиадивизий. С 16 июля 6-я армия вновь получила постоянно приписанные истребители 44-й и 64-й авиадивизий.

В силу ряда рассмотренных причин ИА в начале войны не стала основой противовоздушной обороны 6-й армии РККА, как это планировалось перед войной.

Как уже упоминалось, 6-я армия Юго-Западного фронта была одним из сильнейших оперативных объединений РККА. Однако, несмотря на усилия, предпринимавшиеся НКО для улучшения ПВО войск, зенитная оборона армии была крайне слаба. Так, ударные силы, которые насчитывали в разное время от 2 до 5 мехкорпусов (до 70 тыс. человек,

свыше 3000 танков), никакими средствами ПВО, кроме собственных батарей МЗА (общими силами не более 30 37-мм пушек), не прикрывались. Кавалерийский корпус также не имел дополнительных зенитных средств. При отсутствии активного истребительного щита ВВС неудивительно, что основные потери ударная группировка РККА понесла от бомбардировок люфтваффе. Семь стрелковых корпусов, в разное время входивших в состав армии, имели свои озенадн штатной численностью по 12 76-мм (85-мм) и 4 37-мм пушек. Это в определённой степени обусловило относительную устойчивость обороны стрелковых войск и управление стрелковыми корпусами. Пункты управления и районы сосредоточения резервов в отличие от механизированных корпусов были прикрыты зенитной артиллерией. Что касается собственных зенитных средств дивизий, то большинство из них также не действовали из-за отсутствия боеприпасов²⁶. Целый ряд крупных соединений ВДВ и НКВД, входивших в состав армии на протяжении лета 1941 года, вообще не имел средств ПВО, кроме небольшого числа зенитных пулемётов. Особо можно отметить мощные противотанковые артиллерийские бригады (птабр), насчитывавшие около сотни 37-мм, 76-мм и 85-мм орудий, которые теоретически могли бы исполнить ведущую роль как в ПТО, так и в ПВО 6-й армии. В разное время в её состав входили 2 и 3 птабр. Но к началу войны они не имели 37-мм и 85-мм снарядов, ни зенитных, ни противотанковых. Поэтому бригады вели боевые действия, в основном используя 76-мм пушки, и абсолютно никакой роли в ПВО (кроме пулемётной самообороны) не сыграли.

Недостаток в боеприпасах, особенно в зенитной артиллерии, стал одной из главных причин поражения РККА в начале войны. Так, обеспеченность войск по 37-мм выстрелам составляла 23 проц., по 76-мм — 75 проц., по 85-мм — 13 проц. расчётной потребности на три месяца вой-

ны²⁷. Фактически уже через несколько дней напряжённых боёв войска остались без наиболее востребованных средств ПВО (крупнокалиберные пулемёты, малая зенитная артиллерия и 85-мм пушки).

Не хватало и самих орудий. На 22 июня в КОВО состояло 240 37-мм пушек из 984 требуемых, 599 76-мм пушек из 796, 542 85-мм пушки из 600²⁸. Поскольку 76-мм пушки поставлялись вновь сформированным войсковым озенадн из Киевской зоны ПВО, части которой комплектовались 85-мм пушками, то из-за отсутствия 85-мм боеприпасов поставки задерживались. В частях ПВО КОВО нередко содержалось по два комплекта зенитной материальной части (76-мм и 85-мм орудия), что привело к срыву формирования армейских и дивизионных озенадн. В свою очередь корпусные управления из-за отсутствия планировавшихся дивизионов изымали озенадн из подчинённых дивизий. Так произошло, например, в 49 ск, где для собственных нужд ПВО был изъят дивизион 190 сд. Для усиления зенитного прикрытия войск в армии с момента объявления мобилизации планировалось дополнительно включить ещё от двух до пяти озенадн²⁹. Но в силу известных причин они так и не были сформированы.

Однако ведущим компонентом системы ПВО являются не средства поражения, а комплекс технических средств разведки, управления и наведения. В СССР особое внимание на это было обращено только перед войной. Поэтому обеспечить даже особые округа хотя бы устаревшими средствами не успели. Так, в КОВО укомплектованность прожекторными станциями ЗП-15-46 и звукоулавливателями ЗП-2 составляла 46—49 проц.; прожекторными станциями системы Прожзвук-IV — 19 проц.; дальномерами — 25 проц.³⁰ Большинство этих средств состояло в Киевской зоне ПВО, а войсковые зенитные части комплектовались по остаточному принципу. Таким образом, система разведки ар-

мейской ПВО отсутствовала, если не считать посты ВНОС Львовского дивизионного района, сообщения от которых, проходя 6 инстанций, задерживались на 1—3 часа. Противовоздушный бой начинался со звукового или визуального контакта с авиацией противника.

Начальником ПВО (отдела ПВО) 6-й армии 15 марта 1941 года был назначен 40-летний майор Михаил Тимофеевич Тимофеев, до этого состоявший в должности начальника артиллерии и начальника ПВО 4-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений (Украина и Молдавия). Он был переведён в связи с передачей функций ПВО из НКВД в НКО. При этом в рекомендациях были учтены руководство артиллерией дивизии в Освободительных походах Красной армии 1939—1940 гг., а также участие зенитных пулемётных рот дивизии НКВД в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. С 1940 года он, получив звание майора, заочно обучался на зенитном факультете Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского, к началу войны успел окончить 2 курса. В ходе боёв 6-й армии в Уманском котле 7 августа майор М.Т. Тимофеев был ранен и попал в плен³¹. В октябре 1941 года он бежал из плена, вышел к своим и в 1942 году состоял в распоряжении отдела кадров Юго-Западного фронта и НКО. После прохождения спецпроверки НКВД командовал артиллерией Саратово-Балашовского района ПВО, рядом зенитных полков, 76-й зенитной артиллерийской дивизией РГК³².

Опыта и знаний начальнику ПВО 6-й армии должно было хватать. Однако ряд его вполне здравых решений не были реализованы из-за малограмотности и авторитарности командующего армией генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко. Тем не менее отдельные недостатки в организации войсковой зенитной обороны накануне и в начальный период войны лежат на

совести именно начальника ПВО армии.

Начальник штаба 6-й армии комбриг Н.П. Иванов отмечал: «Очень слаба была противотанковая артиллерия и средства ПВО... Зенитных средств было очень мало, боеприпасы к ним были малоэффективными, в боекомплекте было мало зажигательных пуль и снарядов. Предложения о создании крупных противотанковых артиллерийских резервов и о массировании зенитных средств только на главном направлении не встречали поддержки со стороны Военного Совета армии в связи с недооценкой значения этого мероприятия и нежелания ломать организационные формы дивизий. В распоряжении же командующего армией не было для этой цели армейских средств... Немецкие войска использовали целый ряд недочётов в действиях наших войск в начальный период войны: слабые средства ПВО и ПТО и неумение организовывать противовоздушную и противотанковую оборону массированием средств на главное направление»³³.

22 июня 1941 года ситуация с армейской ПВО усугубилась плановыми летними сборами РККА. «В связи с тем, что специальный сбор артиллерии не был отменён, на полигон были выведены... корпусные полки и корпусная зенитная артиллерия»³⁴. На 22 июня на Яворовском полигоне (участок Стажиска) все ещё находились 9 отдельных зенитных артиллерийских дивизионов³⁵. Среди них были озенадн из 6-й, 12-й армий, Тарнопольского района ПВО и прибывшей из резерва Ставки 109 мд. Готовность частей ПВО на месте постоянной дислокации составляла 3 часа, на лагерном сборе — 30 часов.

На 22 июня 1941 года 6-й армии подчинялись пять корпусных управлений — два стрелковых, два механизированных и кавалерийский. Соответственно отдел ПВО имел в распоряжении только два зенитных корпусных

дивизиона — 17 озенадн 6 ск и 307 озенадн 37 ск. По штату они должны были иметь по 12 76-мм пушек, 4 37-мм пушки, 6 ДШК и 3 КПУ, 12 радиостанций, 16 прожекторов, 79 автомобилей и 15 тракторов. Реальная укомплектованность была значительно хуже: не хватало 37-мм пушек, пулемётов ДШК, прожекторов, радиостанций, автомобилей. Задачи дивизионов были достаточно обширные: ПВО штабов, тылов, командных пунктов (КП), узлов связи (УС), транспортных узлов и коммуникаций, пунктов дислокации частей непосредственного подчинения (ЧНП) и района развёртывания ударных групп, артиллерии, резервов. На весь передовой эшелон 6-й армии (6 ск, 4 мк и 3 кд) приходился только один озенадн — 17, приданный 6 ск. 307 озенадн был придан 37 ск и находился в 300 км от границы.

Результативность ПВО в первые дни войны оценивается весьма неоднозначно: по одним данным, только 4-я дивизия ПВО Юго-Западного фронта сбила к 27 июня 25 самолётов противника, по другим данным, зенитная артиллерия ЮЗФ за этот период вообще не сбила ни одного самолёта³⁶. На Львовском направлении с учётом ряда условий можно говорить о 12—15 самолётах люфтваффе, в уничтожении которых прямо или косвенно участвовали Войска ПВО³⁷.

Несмотря на значительное число частей и соединений, предназначенных и задействованных для защиты войск и стратегических объектов на львовском направлении, в первые дни войны ПВО 6-й армии обеспечивали лишь один корпусной (СЗА) и три дивизионных (МЗА) отдельных зенитных дивизионов, что было недостаточно для противодействия массированным ударам авиации противника. Проблема больших потерь и фактического поражения одной из сильнейших армий РККА в начале войны стала следствием целого ряда объективных и субъективных причин системного комплекс-

ного характера: нерешённые вопросы взаимодействия Войск ПВО страны и армейской ПВО, истребительной авиации и сухопутных сил; отсутствие резерва собственных зенитных частей армейского и корпусного подчинения; низкая мобильность зенитных сил и средств; отсутствие всех форм обеспечения, особенно радиофикации сил ПВО; слабый уровень технического оснащения; низкий уровень подготовленности командного и рядового состава, особенно технического; переоценка огневых возможностей зенитных средств. Одна из главных системных причин — формирование и реформирование войск у границы: избыток или нехватка личного состава, зачастую неподготовленного, наличие формирований без вооружения или с двойными-тройными комплектами вооружения без подготовленного личного состава, отсутствие боеприпасов, неспособность формирований из-за низкой степени боевого слаживания и проблем с обеспечением. Другой системной причиной было неумение командования РККА обеспечить воздушное и зенитное прикрытие войск на марше, а формирований ПВО — осуществить это прикрытие. И общая системная причина слабости РККА в начальный период войны — избыточная централизованность и громоздкость системы управления войсками. Это заставляло концентрировать силы и средства ПВО в местах дислокации штабов и командных пунктов вместо прикрытия ударных групп и районов сосредоточения резервов. В ходе войны были предприняты меры к устранению этих причин. Актуальность исторического опыта армейской системы ПВО прослеживается и в настоящее время. Внимание к военно-историческим проблемам и способам их решения позволяет избежать ошибок в современности, а также найти формы и методы противодействия внезапно возникающим угрозам.

¹ Лашков А.Ю. Организация противовоздушной обороны государства в условиях возрастания роли воздушного пространства в вооружённой борьбе (конец XIX в. — до 22 июня 1941 г.). Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2020.

² Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. Т. 1. М.: Воениздат, 1954; Войска противовоздушной обороны страны. М.: Воениздат, 1968; Светлишин Н.А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1979.

³ Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 68—73.

⁴ Полевой устав РККА (ПУ-39): проект. М.: ГВИ НКО СССР, 1939; Временное наставление по противовоздушной обороне войск 1936 г. М.: ГВИ НКО СССР, 1936.

⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993. С. 318.

⁶ Павловский И.Г. Сухопутные войска СССР. М.: Воениздат, 1985. С. 87.

⁷ Лашков А.Ю. Указ. соч. С. 442—498.

⁸ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 4. Оп. 11. Д. 63. Л. 205—211; Д. 73. Л. 90—91.

⁹ Хазанов Д.Б. 1941. Горькие уроки: война в воздухе. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 133, 134, 147, 148.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 15. Л. 1—31.

¹¹ 1941 год в 2 кн. Кн. 1. М.: Демократия, 1998. С. 569—572, 641, 642.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 64. Л. 278—286.

¹³ Чижик П.И., Пономаренко А.А. Взаимодействие между органами противовоздушной обороны и местной противовоздушной обороны от воз-

душного нападения накануне Великой Отечественной войны // Исторические параллели. Роль МПВО в годы Великой Отечественной войны: сборник трудов научно-практической конференции. Химки: ФГБВОУ ВО АГЗ МЧС России, 2023. С. 23—29.

¹⁴ Ленский А.Г. Сухопутные силы РККА в предвоенные годы: справочник. СПб.: Б&К, 2000.

¹⁵ 1941 год. Кн. 1. С. 569—572.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 64. Л. 115—120.

¹⁷ Голотюк В.Л., Лашков А.Ю. Войска противовоздушной обороны накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 3—7.

¹⁸ Пишу исключительно по памяти...: командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны в 2 т. Т. 2. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 226, 227.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 5. Л. 20—21.

²⁰ Голотюк В.Л., Лашков А.Ю. Указ. соч. С. 3—7.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 107559. Д. 5(1). Л. 116—207; Ф. 229. Оп. 181. Д. 25. Л. 1—33; Д. 47. Л. 14—16.

²² 1941 год. Кн. 1. С. 569—572.

²³ Струсович А. О противовоздушной обороне аэродромов фронтовой авиации // Военно-исторический журнал. 1975. № 2. С. 29—34.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 12-а. Д. 96. Л. 74—114.

²⁵ Там же. Ф. 229. Оп. 181. Д. 47. Л. 29.

²⁶ Там же. Оп. 178. Д. 2. Л. 3.

²⁷ Голотюк В.Л., Лашков А.Ю. Указ. соч. С. 3—7.

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 103989. Д. 17. Л. 59—69.

²⁹ Иринархов Р.С. Киевский особый... Минск: Харвест, 2006. С. 136.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 103989. Д. 17. Л. 59—69.

³¹ Голотюк В.Л., Цапаев Д.А. Командный состав Войск ПВО Красной Армии в годы Великой Отечественной и Советско-японской войн 1941—1945 гг. М.: Арткрас, 2013. С. 389, 390.

³² Терентьев В.О. 76-я зенитная артиллерийская дивизия РГК при подготовке и прорыве перекопских укреплений в Крымской операции 1944 года // Новая наука: от идеи к результату. 2017. Т. 2. № 3. С. 161—165; он же. Зенитная артиллерия Саратово-Балашовского дивизионного района ПВО в борьбе с люфтваффе осенью 1942 г. // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне в 3 ч. Ч. 1. Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 410—421; он же. Армейская ПВО на Донбассе весной 1943 г. (на примере 1257-го армейского зенитного артиллерийского полка противовоздушной обороны) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30. № 2. С. 182—195.

³³ Пишу исключительно по памяти... С. 108, 111, 116.

³⁴ Там же. С. 133.

³⁵ Иринархов Р.С. Указ. соч. Минск: Харвест, 2006.

³⁶ Войска противовоздушной обороны страны. М.: Военное изд-во, 1968. С. 75; Ковальчук А.И. Войсковая зенитная артиллерия в первый период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. С. 35—39.

³⁷ BA/MA RL211/1177 «Flugzeugunfaelle und Verluste bei den (fliegende) Verbaenden».

V.O. Terentyev

«THERE WERE VERY FEW ANTI-AIRCRAFT WEAPONS, AND THEIR AMMUNITION WAS INEFFECTIVE...»

Air defense of the 6th Army of the Kyiv Special Military District (Southwestern Front) on the eve and in the early days of the Great Patriotic War

Information about author. Vyacheslav Terentyev — assistant professor of the department of Russian history, political science and sociology at Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, lieutenant colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: terehv@mail.ru).

Summary. This paper examines the development of an air defense system for combined-arms operational units on the eve of the Great Patriotic War, using the example of the 6th Army of the Kyiv Special Military District, which was responsible for the Lviv region on the western border of the USSR. Using state and military strategic planning documents, the paper analyses the evolution of the air defense concept during the first half of 1941 and its implementation in one of the most powerful combined arms armies of the Red Army. Archival and memoir sources are also used to examine the forms and methods of cooperation between army air defense units and the air forces of the USSR and the district (front) in the Lviv area. A number of sources from the Central Archive of the Russian Ministry of Defense on the status of air defense forces in the Kiev Military District and the 6th Army have been introduced into scholarly circulation. Based on these sources, it is concluded that despite a significant number of units assigned to protect troops and strategic facilities in Lviv in the first days of the war, the air defense of the 6th Army consisted of only four separate anti-aircraft battalions. This was woefully inadequate to counter German air strikes and contributed to the failure of the Southwestern Front. The study utilizes a comprehensive, problem-chronological, and historical-genetic approach to analyze the situation.

Keywords: Great Patriotic War (1941—1945); Red Army; 6th Army; air defense; Lvov Air Defense Division; A.A. Demidov; M.T. Timofeyev; I.N. Muzychenko; Kiev Special Military District; Southwestern Front; 4th Air Defense Division.

«ПОЯВИЛИСЬ С УРАЛА ТАНКИСТЫ — ДИВИЗИЯ ЧЁРНЫХ НОЖЕЙ»

Особенности формирования 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса (февраль — июнь 1943 г.)

Сведения об авторе. Иванов Виталий Николаевич — профессор кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета, доктор политических наук, кандидат исторических наук (г. Челябинск. E-mail: rfkbyf@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе документов из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ и научных публикаций исследованы особенности процесса создания 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса. Показаны основные проблемы, которые решались при наборе личного состава, его боевой подготовке, обеспечении корпуса необходимой техникой и снаряжением. Дана оценка участия местных властей, органов военного управления, организаций ВКП(б), трудовых коллективов и населения в формировании соединения. Сделан вывод, что его создание обогатило формы единства фронта и тыла, существовавшие в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; добровольцы; Уральский добровольческий танковый корпус; части и подразделения; труженики тыла; органы власти.

Ежегодно 11 марта в Свердловской, Челябинской областях и Пермском крае отмечается памятная дата «День народного подвига по формированию Уральского добровольческого танкового корпуса в годы Великой Отечественной войны». Создание в регионе данного прославленного воинского соединения стало значимой составляющей вклада уральцев в победу над врагом.

Историография 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса (УДТК) советского периода включает мемуары политиков, военачальников, воспоминания его офицеров и бойцов¹. Эти труды прошли политическую цензуру, носят описательный характер

и сконцентрированы на боевых успехах корпуса. Современные издания по этой теме представлены сборниками документов, юбилейными научно-популярными изданиями, отражающими основные этапы его ратного пути². Основная часть последних научных исследований апробирована на ежегодных Всеуральских чтениях по истории УДТК, которые проводятся с 2020 года. В них главный акцент сделан на участии в создании корпуса городов Урала, истории отдельных частей, патриотизме бойцов и самопожертвовании тружеников тыла³. В данной статье рассматриваются особенности УДТК и проблемы, которые возникли в процессе его создания.

Корпус был создан весной 1943 года по инициативе и при участии трёх областей Урала: Молотовской (Пермской), Свердловской и Челябинской, в каждой из которых формировались танковая бригада и ряд других частей и подразделений. Они комплектовали корпус личным составом из числа добровольцев и обеспечили за счёт своих финансовых средств матери-

альными ресурсами, включая технику и снаряжение.

Формально сама идея создания УДТК исходила от рабочих оборонных предприятий региона. Об этом говорилось в заметке «Танковый корпус сверх плана», опубликованной в газете «Уральский рабочий» 16 января 1943 года. Однако фактом является и то, что в условиях военного времени и политической цензуры лю-

бая инициатива такого рода должна была быть предварительно одобрена и поддержана властью. И в данном случае она не была спонтанной, а базировалась на уже существовавшем опыте добровольческого движения в регионе. Секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Н.С. Патоличев в своих мемуарах приводит два примера такого рода: формирование танкового отряда

ЧТЗ (1941 г.) и 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола (1942 г.), укомплектованных добровольцами. Он подчёркивает, что идея создания корпуса «как бы аккумулировала уже действовавшие формы помощи фронту»⁴. Новым было то, что её реализация предполагала, что жители сразу трёх областей не только обеспечат корпус всем необходимым, но и сами пойдут на фронт в его составе. Это придало добровольческому движению на Урале новый масштаб, а взаимодействие тыла и фронта вывело на более высокий уровень. В целом создание УДТК стало реализацией на практике патриотического настроения и стремления граждан внести личный вклад в победу над врагом, которые были поддержаны и организационно обеспечены органами власти, прежде всего партийными⁵.

При осуществлении идеи создания УДТК был заключён своего рода общественный договор между тружениками тыла и добровольцами в составе корпуса. Для этого была использована такая характерная для России традиция, как наказ воинам, идущим на битву с врагом.

Челябинцы первыми из трёх областей разработали «Наказ трудящихся Южного Урала добровольцам». Предложение подготовить его было выдвинуто 23 марта 1943 года коллективом машиностроителей г. Златоуста при активном содействии Челябинского обкома ВКП(б)⁶.

Структура содержания Наказа включала две составляющие: задачи корпуса, которые поставили перед добровольцами уральцы, и обязательства, которые брали на себя труженики Челябинской области. Бойцам наказывалось быть смелыми, бесстрашными, умелыми и беспощадно бить врага. В свою очередь рабочие обещали своевременно выполнять и перевыполнять государственные плановые за-

дания для обеспечения фронта. Исходный вариант текста Наказа подготовил А.М. Климов, писатель, корреспондент газеты «Вперёд» г. Троицка, а затем вынесен на всенародное обсуждение.

В ходе обсуждения Наказа в трудовых коллективах предлагались замечания и дополнения по его содержанию. Текст подписывался уральцами. Свои подписи поставили 1 257 000 человек⁷. При этом работники предприятий и организаций брали на себя повышенные обязательства по помощи фронту. С учётом поступивших предложений Наказ был доработан и оформлен лучшими художниками области.

В Молотовской (Пермской) и Свердловской областях были разработаны свои тексты наказов. Они не имели такого

высокого художественного оформления, как в Челябинской области, но были схожи по главному смыслу⁸. Наказы, как вспоминает командир корпуса Г.С. Родин, вместе с шефскими Красными знамёнами в торжественной обстановке вручались каждой части и подразделению⁹. Воины УДТК, получив наказы, дали клятву выполнить их и добыть Победу.

Основные этапы создания корпуса достаточно подробно описаны в научных исследованиях, поэтому обозначим только ключевые даты. 18 февраля 1943 года партийные комитеты Молотовской (Пермской), Свердловской и Челябинской областей обратились в ЦК ВКП(б) и ГКО с просьбой разрешить создание УДТК. 24 февраля И.В. Сталин одобрил это предложение, и в тот

**Памятник воинам
Уральского добровольческого корпуса
г. Екатеринбург**

*Фото предоставлено автору
издательством «Авто Граф»
(г. Челябинск)*

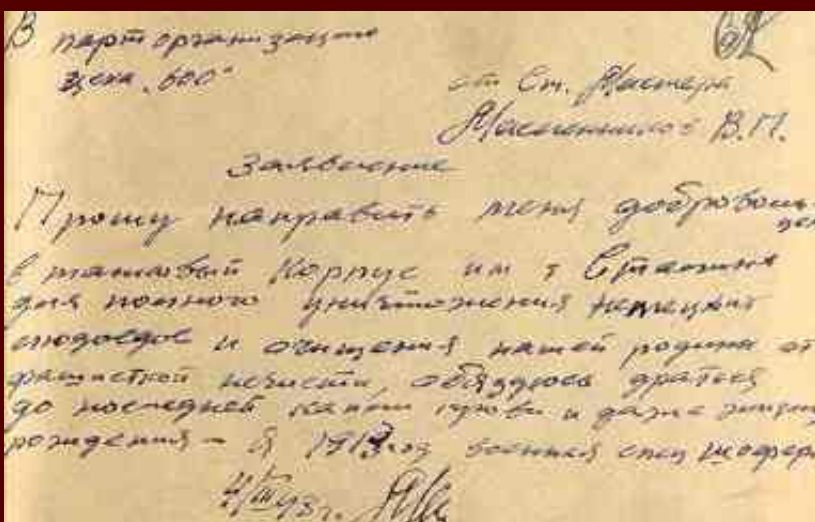

Организаторы создания Уральского добровольческого танкового корпуса: секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианов (в центре), генерал-лейтенант танковых войск Г.С. Родин (слева) и командующий войсками УрВО генерал-лейтенант А.В. Катков (справа) 1943 г.
ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 558. Л. 1.

Газета «Челябинский рабочий» со статьёй «Дадим народный Наказ добровольцам-танкистам»
ОГА ЧО. Ф. П-761. Оп. 5. Д. 40.

Заявление добровольца
ОГА ЧО. Ф. К-288. Оп. 1. Д. 68. Л. 69.

же день военный совет Уральского военного округа (УрВО) рассмотрел и определил конкретные задачи по его реализации. 26 февраля партийное руководство областей и командование округа приступили к формированию частей и подразделений корпуса. 11 марта 1943 года соединению было присвоено наименование «30-й Уральский добровольческий танковый корпус».

Основные части и подразделения, которые требовалось сформировать, были разделены между областями. В состав корпуса вошли: три танковые бригады (тбр) — 197-я Свердловская, 243-я Молотовская (Пермская), 244-я Челябинская, а также 30-я мотострелковая бригада (мсбр), два полка (1621-й самоходный артиллерийский и 299-й миномётный), 248-й миномётный дивизион, ряд батальонов (88-й мотоциклетный, 64-й бронеавтомобильный, 390-й связи, 743-й сапёрный), две передвижные ремонтные базы (266-я и 267-я), 36-я рота подвоза ГСМ¹⁰.

Состав подразделений УДТК был расширен после встречи 10 апреля 1943 года комкора Г.С. Родина с командующим БТ и МВ РККА генерал-полковником Я.Н. Федоренко за счёт введения в его штат полевого автохлебозавода, медико-санитарного и музыкантского взводов, четырёх зенитных пулемётных рот для бригад, авиазвена связи (3 самолёта У-2) и взвода для роты подвоза ГСМ¹¹. Позднее, в июне 1943 года, на основе этой договорённости в состав корпуса вошли 359-й зенитный артиллерийский полк, 1513-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, истребительно-противотанковый дивизион и 141-я рота химической защиты¹².

По плану на формирование личного состава корпуса отводился период с 26 февраля по 20 марта 1943 года. Офицерский состав комплектовался

УрВО до 15 марта, а младший начальствующий состав и рядовые были добровольцами, набор которых требовалось завершить 20 марта¹³. Однако уложиться в эти временные рамки областям не удалось. Фактически в Свердловской и Челябинской областях добровольцы стали поступать в части и подразделения с 10 марта, а в Молотовской области — в начале апреля 1943 года¹⁴.

Такая ситуация возникла под влиянием ряда факторов. В частности, комплектование корпуса личным составом осложняло наличие строгих требований к добровольцам: возраст не старше 40 лет, хорошее здоровье, высокие моральные качества и для отдельных воинских специальностей уровень образования не ниже 7 классов.

Другой причиной стала специфика организации самого процесса набора добровольцев. Общее руководство осуществляли областные комитеты ВКП(б), координировавшие свои действия с командованием УрВО. На местах поставленные ими задачи решали партийные органы совместно с городскими и районными военкоматами. Первичный отбор осуществлялся парткомами предприятий и организаций, которые принимали заявления и согласовывали с администрацией кандидатуры добровольцев, проводили их обсуждение в коллективах на партийных и комсомольских собраниях. Затем списки подавались в городские или районные партийные комитеты, где рассматривались специальными комиссиями. Прошедший отбор контингент добровольцев передавался военкоматам, которые осуществляли его отправку в части и подразделения корпуса. При этом часто добровольцы напрямую обращались в одну из названных вышестоящих инстанций. Такая многоступенчатость в отборе добровольцев и участие

в нём помимо военных ещё партийных, комсомольских органов и трудовых коллективов затягивало его по времени.

Темпы формирования УДТК зависели также от позиции руководства крупных оборонных предприятий, организаций и силовых структур, которые должны были решить дилемму: отпустить своих работников добровольцами в корпус или отказать, чтобы максимально сохранить кадровый состав для выполнения государственных плановых заданий. И на ряде из них было принято решение в пользу последнего. В частности, в справке Челябинского обкома ВКП(б) от 1 марта 1943 года в качестве примера такого подхода названы Челябинский Кировский завод, Магнитогорский металлургический комбинат, управления Южно-Уральской железной дороги, областной милиции и НКВД¹⁵. При этом только за первые три дня на Кировском заводе добровольцами записались 3404 человека, что формально соответствовало численности двух танковых бригад.

В ходе решения данной проблемы в Челябинской области командованием корпуса и обкомом ВКП(б) была определена численность набора добровольцев по городам и районам. Установлена квота мест для добровольцев от важнейших 11 наркоматов, предприятия и организации которых обеспечивали выпуск продукции для фронта, работу транспорта и правопорядок¹⁶. Поэтому в г. Челябинске из 23 913 подавших заявления были отобраны 1242 человека. В Магнитогорске из 7060 — 402 человека, в Златоусте из 2957 — 396 человек. Ограниченным было число добровольцев и от главных оборонных предприятий. На том же Кировском заводе набор составил 250 человек¹⁷. Такая же ситуация была и в других областях. В Нижнем Тагиле из 10,5 тыс. человек отобрали 544, в Верхней Сал-

де из 437 — 38 человек. На Уралмаше из 2250 желающих в корпус зачислили 200 добровольцев¹⁸.

Отдельно нужно отметить необходимость выполнить в короткие сроки большой объём работы мобилизационного характера, с которым ранее области не сталкивались. Например, первый танковый отряд ЧТЗ включал 42 добровольца, а на фронт отправились только 13 из них¹⁹. В 96-й танковой бригаде имени Челябинского комсомола число добровольцев было 220 человек²⁰. При создании УДТК ставилась задача более высокого уровня, а именно: сформировать танковый корпус численностью 9661 военнотружеников. И эта задача была успешно решена. Уральцы подали более 110 тыс. заявлений о вступлении в УДТК. Из них специальные комиссии отбирали самых достойных, которым обеспечивалась необходимая замена на рабочих местах. В итоге в штат корпуса был зачислен 9771 человек²¹.

Следствием названных выше трудностей стало то, что с 1 апреля 1943 года в областях Урала шли одновременно уже два процесса: продолжение формирования УДТК и обучение его личного состава.

Плановая учёба в корпусе началась с 20 марта, а в Молотовской области — с 1 апреля 1943 года²². Первоначально мандатными комиссиями в соединениях и частях была выявлена степень военной подготовки добровольцев. Они установили, что большинство добровольцев не проходили службу в Красной армии и не имели необходимых военных навыков. Это потребовало провести курс начального одиночного обучения новобранцев и только потом приступить к сколачиванию подразделений. Командование корпуса отводило для этого не менее 15 дней²³.

Индивидуальная подготовка бойцов проводилась с 1 апреля по 1 мая 1943 года. Заня-

тия проходили ежедневно, интенсивно, по 12 часов в сутки и при любой погоде²⁴. Сложность заключалась в том, что добровольцы поступали регулярно, но небольшими группами, и вновь прибывшим необходимо было устранить отставание от сослуживцев, которые начали подготовку раньше. Такая ситуация не давала возможности сразу вести боевую подготовку целыми подразделениями.

До середины апреля обучение добровольцев проходило без военной техники и вооружения. Занятия проводились главным образом по изучению и применению на практике уставов РККА, должностных обязанностей и строевой подготовке. Учёба радистов, которые прибыли в корпус после 2—3-месячных курсов в Москве и Свердловске²⁵, и водителей автотранспорта задерживалась ввиду отсутствия материальной части. В последнем случае — из-за нехватки автомобилей и ГСМ. На этом этапе подготовки личного состава командование корпуса оценивало её качество как низкое²⁶.

С 20 апреля по 1 июня 1943 года, после начала поступления техники и вооружения, боевая подготовка добровольцев проходила более планомерно и эффективно. Однако её организацию и контроль со стороны командования корпуса затрудняла разбросанность соединений и частей УДТК по трём областям. Особенно это относилось к 30-й мотострелковой бригаде, батальоны которой формировались на разных территориях²⁷.

До 1 июня 1943 года личный состав корпуса прошёл одиночную подготовку бойцов, сколачивание экипажей, расчётов, отделений (1—15 мая), взводов (15 мая — 1 июня). Некоторые части успели приступить к сколачиванию рот / батарей²⁸.

При подготовке танковых экипажей использовались учебные танковые полки: в Свердловске — 11, Нижнем

Тагиле — 19 и в Челябинске — 13 утп. Для 243 тбр экипажи готовились в Киевском танко-техническом училище, эвакуированном в г. Кунгур. Обучение танкистов проходило по ускоренным программам, но при этом применялся опыт в этой сфере, накопленный на Урале в предыдущие годы. В частности, прохождение танкистами практики в цехах танковых заводов для глубокого изучения устройства боевых машин. Например, на Челябинском Кировском заводе её прошли 177 членов танковых экипажей и ремонтников 244 тбр²⁹.

На организацию учебных занятий влияние оказывал и тот факт, что большинство личного состава корпуса не имело боевого опыта. Поэтому требовалась его более углублённая подготовка. Из 8206 сержантов и рядовых фронтовиками были только 536, а из 1436 офицеров — 580 человек³⁰. Все они были неравномерно распределены по бригадам. Так, в 197 тбр было 185³¹, а в 243 тбр — 108 фронтовиков³². Командование корпуса стремилось рационально использовать офицеров с боевым опытом и назначало их на ключевые должности в управлении частей и подразделений в звене командир роты, батальона и штаба бригады.

Существовали определённые проблемы и в качестве подготовки командного состава, которому отводилась значительная роль в обучении личного состава. Должности сержантов замещались из числа добровольцев, основная часть которых имела длительный перерыв в службе. По оценке командования корпуса, у них не было достаточной подготовки и они не могли командовать малыми подразделениями³³. При этом младших командиров не хватало. Например, в штате 243 тбр на 1 апреля 1943 года было только 84 человека младшего начсостава³⁴. Поэтому часть его готовилась

уже непосредственно в корпусе. Так, в 244 тбр 40 проц. этой категории военных были подготовлены в бригаде на специальных сборах³⁵.

На должности командиров взводов прибыли в своём большинстве выпускники однодичных курсов бронетанковых училищ, которые не имели боевого опыта, а также навыков организации и обучения подчинённых³⁶. В этой связи командный состав уровня «отделение — взвод» требовал серьёзного повышения квалификации, что также учитывалось при организации процесса обучения.

После завершения формирования корпуса и прохождения первичной боевой подготовки на Урале в первой декаде июня 1943 года УДТК был передислоцирован под Москву, в Костеревский танковый лагерь (п. Кубинка). Здесь подготовка продолжилась с 11 июня и завершилась 20 июля. Главным её содержанием была отработка слаженности действий подразделений и частей в штатном составе с боевой техникой и вооружением. Прошло сколачивание рот / батарей, батальонов / дивизионов, бригад / полков³⁷. Проводились учения с боевой стрельбой, которые показали хорошие результаты. Все бригады корпуса практиковали ночные марши в полном составе. К 20 июля 1943 года подготовка частей и подразделений в целом была завершена, и они были признаны командованием корпуса готовыми к ведению боевых действий³⁸.

Области Урала помимо отбора добровольцев занимались вопросами материального обеспечения корпуса (танками, автотранспортом, обмундированием и другим имуществом). Расходы на эти цели оплачивались из денег, которые собрали уральцы для создания корпуса. Общая сумма этих средств составила более 70 млн рублей и включала поступления от внепланового безвозмездного

труда работников на предприятиях, в учреждениях и личные сбережения граждан.

Задачей первоочередной важности стала поставка для корпуса танков, которые должны были быть изготовлены на предприятиях Урала сверх плана. Без них нельзя было проводить полноценную подготовку танковых бригад к боевым действиям. В 1943 году по штату танковый корпус должен был иметь 209 танков. Возможности оборонных предприятий региона, загруженных заказами для фронта и работавших на максимальную мощность, изготовить такое количество машин сверх плана и в кратчайшие сроки были ограничены. К июню 1943 года Кировский, Уральский танковый № 183 и Уральский машиностроительный заводы смогли выпустить для корпуса 169 танков Т-34. Поэтому в конце месяца в УДТК поступили 33 танка из Омска (завод № 174), которые были оплачены из собранных народных средств. Перед отправкой на фронт по состоянию на 20 июля в УДТК было 202 танка Т-34 и 7 танков Т-70³⁹.

Непросто решался вопрос укомплектования УДТК автотранспортом и тракторами. По штатам в корпусе должны были быть 1242 колёсные машины различных марок. Однако автомобили поступали из народного хозяйства областей, формировавших корпус, где тогда их количество было ограниченным. Поэтому до 1 июня 1943 года они смогли выделить только 20 проц. необходимого корпусу автотранспорта, большинство из которого требовало разного рода ремонта⁴⁰. Эта проблема в основном была решена к моменту отправки корпуса на фронт. По состоянию на 20 июля в УДТК насчитывалось 1028⁴¹ и недоставало 214 автомобилей⁴².

Нехватка у корпуса автотранспорта и его техническое состояние по прибытии в зону боевых действий не позволяли

Заявление В.И. Игнатьевой из г. Нижний Тагил
 1943 г.
 В районком В.И.И. В.И.И. Игнатьевой
 от. жена В.И.И. Игнатьевой
 Иванова, рад-ка в отделе 7 Н.И.И.И.
 2-й - 1943 г.
 Заявление
 Прошу зачислить в ряды 1-го Уральского танкового
 корпуса. Танк-кап и всего всего. Взяла Красной
 Армии. Я хочу отслужить за доблестного моего отца.
 Прошу отказать в моей просьбе. Танк-кап. Я уверена
 в себе что я справлюсь со всеми трудностями.
 28-е. Угличева.

Заявление добровольца В.И. Игнатьевой из г. Нижний Тагил 1943 г.
 ЦДООСО. Ф. 1678. Оп. 1. Д. 56. Л. 35.

Государственный Банк СССР
 ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КОНТОРА
 № по МБС 23801
 21.03.1943
 1943
 г. Челябинск, ул. Кирова, 56
 (по состоянию на 31-е марта 1943 г.)

ВОЕННЫЙ ОТДЕЛ ГОРКОМА ВКП/б/

СВЕДЕНИЯ

О поступлении средств на Танковый Корпус по городу Челябинску в разрезе районов, по состоянию на 31-е марта 1943 г.

1. Ленинский район	-	1.818.967-51
2. Сталинский - "	-	1.840.380-77
3. Кировский - "	-	1.456.406-37
4. Тракторозаводский	-	211.908-32
5. Советский р-н	-	1.514.944-55
ИТОГО:		6.340.607-82

Зам. Начальника Горуправления
 Коопсы

Сведения Челябинской областной конторы Госбанка о поступлении средств на танковый корпус по г. Челябинску на 31 марта 1943 г.
 ОГА ЧО. Ф. П-288-К. Оп. 1. Д. 107. Л. 25.

Проводы добровольцев 30 УДТК. Наказ южноуральцев во главе колонны г. Челябинск, ул. Кирова, 9 мая 1943 г.
 Кадр кинохроники 1943 г.
 Фото предоставлено автору издательством «Авто Граф» (г. Челябинск)

Проводы Челябинской танковой бригады УДТК

г. Челябинск, ул. Кирова, 9 мая 1943 г.

Интернет-проект «Дорогой чести и отваги: боевой путь 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады» URL: <https://exhibitions.archive74.ru>.

Автоматчики из танкового десанта батальона В. Фирсова перед отправкой на фронт на железнодорожной станции

г. Свердловск

ЦДООСО. ф. 221. Оп. 3. Д. 1638. Л. 2.

Уральцы-добровольцы отбывают на фронт

г. Свердловск, 1943 г.

ЦДООСО. ф. 221. Оп. 3. Д. 558. Л. 2.

частям и подразделениям перевозить своё военное имущество с собой. По этой причине перед началом боёв у п. Сосёнки, юго-восточнее г. Козельска, был создан корпусной обменный пункт для его складирования и хранения⁴³. Мотострелковые подразделения по этой же причине часто вынуждены были передвигаться пешком.

В корпусе также не было в достаточном количестве своих тракторов для доставки с поля боя на ремонтные базы подбитой техники. В первом бою в Орловской стратегической наступательной операции УДТК имел только 4 тягача типа КВ, из которых на переднем крае 27 июля 1943 года смог работать только один. Поэтому потребовалась помощь командования 4-й танковой армии, куда входил корпус. УДТК был усилен пятью тракторами из состава 154-й армейской эвакороты, которые и составили его основные эвакуационные средства на тот момент⁴⁴.

Обмундирование и экипировка добровольцев были стандартными, но и в этом вопросе УДТК отличался от других танковых корпусов. В частности, речь идёт об армейских ножах финского образца (Н-41), которыми был снабжён весь личный состав корпуса, и стальных нагрудниках для пехоты. Для бойцов УДТК в г. Златоусте изготовили более 10 тыс. таких ножей, которые имели клинок из прочной стали и деревянную рукоятку⁴⁵. Ножны и рукоять ножей были покрыты чёрным лаком.

Изначально ножи не рассматривались как штатное холодное оружие, а предназначались для бытового применения. Однако использование ножей в непосредственных столкновениях с солдатами противника показало их высокую эффективность. Немцы сразу отметили эту особенность экипировки добровольцев и стали говорить о них как о бойцах с чёрными ножами. Поэтому сразу после боевого крещения

командование УДТК рассматривало чёрные ножи уже как «символ доблести, отваги и героизма»⁴⁶ добровольческого танкового корпуса. В дальнейшем название УДТК как дивизии чёрных ножей получило широкое распространение и сегодня используется в публикациях о его истории.

Стальные нагрудники СН-42 (панцири), как правило, применялись пехотой в уличных боях. При формировании корпуса было принято решение снабдить ими бойцов 30-й мотострелковой бригады и пехотных батальонов танковых бригад⁴⁷. Для этого была использована продукция Лысьвенского металлургического завода, где они производились. Нагрудный панцирь обеспечивал бронезащиту и тем самым улучшал морально-психологическое состояние воинов⁴⁸. Он защищал от ударов штыка, пулемётных и автоматных пуль и осколочных ранений⁴⁹. Очевидным его недостатком являлось то, что при весе до 3,5 кг создавалась дополнительная нагрузка на пехотинца.

Об использовании уральцами панцирей в боях есть единичное упоминание в документах корпуса после Орловской наступательной операции. В нём говорится, что было немало случаев, когда мотопехота, защищённая уральскими панцирями, врывается в боевые порядки врага, который открывал огонь, но «выпущенные очереди не причиняли вреда добровольцам»⁵⁰. Однако в воспоминаниях ветеранов 30-й мотострелковой бригады тема панцирей не затрагивается⁵¹. Стальные нагрудники отсутствуют и на множестве фронтовых фотографий. Это позволяет предположить, что большинством мотострелков панцири использовались нерегулярно.

Политическая работа в корпусе строилась с учётом специфики его личного состава. Во-первых, по социальному происхождению военнослужащих УДТК на 98 проц. состоял

из рабочих и интеллигенции. Во-вторых, система отбора добровольцев обеспечила высокую долю политически активных военнослужащих. В УДТК членами ВКП(б) и комсомольцами были 50 проц., в танковых бригадах — до 70 проц., а в танковых батальонах — более 75 проц. личного состава⁵². В-третьих, у добровольцев была высокая мотивация, основанная на их самостоятельном и ответственном выборе пойти на фронт. Все названные выше факторы создавали благоприятные условия для работы политотдела корпуса с бойцами УДТК. При её осуществлении активно использовалась газета «Доброволец», учреждённая при формировании корпуса. Она отражала события на фронтах, боевые действия и будни УДТК. Газета издавалась до окончания войны и была востребована у бойцов.

Для ведения агитационной и культурно-воспитательной работы с личным составом Г.С. Родин добился включения в состав УДТК музыкантского взвода, который был сформирован в г. Свердловске⁵³. Особенностью музвзвода стало то, что на его базе был создан джаз-оркестр, который дал на фронте свыше 500 концертов, иногда до 5 в день. Он выступал также перед населением в освобождённых УДТК городах Советского Союза и Европы⁵⁴. Репертуар состоял из популярных песен и джазовых произведений. Но особое место в нём занял «Марш Уральско-го добровольческого танкового корпуса» и песня «Чёрные ножи» (1943 г.). Авторами песни стали солисты джаз-оркестра соединения Р. Нотик (слова), Н. Комм, И. Овчинин (музыка). В ней есть особенно яркие, запоминающиеся слова: «Появились с Урала танкисты — дивизия чёрных ножей», которые стали своего рода визитной карточкой УДТК.

Главной отличительной чертой организации полити-

ческой работы в корпусе было то, что в ней делался постоянный акцент на наказах трудящихся Урала и клятве бойцов их исполнить. Этот подход был подкреплён тем, что указы легли в основу взаимодействия УДТК и областей Урала. Связь уральцев со своим танковым корпусом продолжалась всю войну. На фронт выезжали делегации от региона, которые знакомили бойцов с работой тыла. В свою очередь командование корпуса, его подразделения и бойцы отчитывались перед областями о своих боевых достижениях. В последующем в видоизменённой форме практика таких контактов сохранилась и в мирное время.

25 июня 1943 года 30 УДТК был включён в состав 4-й танковой армии генерал-лейтенанта В.М. Баданова, где был единственным корпусом, не имевшим боевого опыта⁵⁵. Несмотря на это, в первых боях под г. Орлом в июле—августе 1943 года корпус действовал мужественно и решительно, за что получил звание гвардейского. 23 октября 1943 года он был переименован в 10-й УДТК и прошёл боевой путь от Орла до Берлина и Праги, получил наименование «Уральско-Львовский» (10 августа 1944 г.) и был награждён орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова 2-й степени.

Формирование корпуса стало уникальным событием в истории Урала и страны. Усилиями трёх областей на народные средства было создано и укомплектовано добровольцами оперативно-тактическое танковое соединение. В этом процессе участвовали и тесно взаимодействовали органы военного управления, государственной власти, партийные и комсомольские организации, руководители предприятий и учреждений, а главное — жители региона. Это была огромная дополнительная работа, которую они взяли на себя добровольно и достойно выполнили, выдерживая одно-

временно графики производства и поставок продукции для фронта. Механизм взаимодей-

ствия УДТК и уральских областей, созданный в период его формирования, обогатил фор-

мы единства фронта и тыла, существовавшие в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М.: Политиздат, 1977. 287 с.; Лелюшенко Д.Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага: записки командарма. 4-е изд., испр. М.: Наука, 1987. 408 с.; Родин Г.С. По следам минувшего. Тула: Приокское книжное изд-во, 1968. 246 с.; Белов Е.Е. Сыны отчизны. М.: Политиздат, 1966. 264 с.; Фомичев М.Г. Путь начинался с Урала. М.: Воениздат, 1976. 224 с.; Зайцев В.И. Гвардейская танковая. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1989. 192 с.; Гвардейская шестиорденоносная: сборник. Пермь: Книжное изд-во, 1978. 133 с.; Добровольцы Урала: очерки, воспоминания / Сост. Я. Резник; 2-е изд., доп. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. 240 с.; Так добывалась Победа: воспоминания бойцов и командиров 63-й гвардейской Челябинской добровольческой танковой бригады / Сост. А.А. Соколов, А.А. Золотов. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1990. 208 с.

² Слава и память: к 65-летию со дня формирования Особого Уральского Добровольческого танкового корпуса им. Сталина. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2008. 144 с.; Народный подвиг: к 70-летию Уральского Добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург: Меридиан, 2012. 144 с.; Кириллов А.Д., Каёта Г.М. От Урала до Берлина и Праги: маршрут Победы танкистов-добровольцев // К 75-летию УДТК. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2018. 159 с.; Ковшов И.В. и др. И нам уроки мужества даны... подвиг уральских добровольцев-танкистов. Челябинск: Авто Граф, 2024. 480 с.; Кикнадзе В.Г. «Высочайший уровень управленческих компетенций, показанных руководителями региона». Сборник документов о вкладе Свердловской области и уральцев в Великую Победу // Военно-исторический журнал. 2025. № 12. С. 110, 111.

³ Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового

корпуса: сборник материалов / Под ред. С.В. Неганова. Пермь, 2021. 432 с.; там же. 2022 г.; там же. 2023 г.; там же. 2024 г.

⁴ Патоличев Н.С. Указ. соч. С. 230.

⁵ Родин Г.С. Указ. соч. С. 167.

⁶ Ковшов И.В. и др. Указ. соч. С. 58; подробнее см.: «Никогда не позорили они вековую русскую славу». Репринт наказа воинам Уральского добровольческого танкового корпуса от трудящихся // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 109.

⁷ Лепаловская В.А. Наказы бойцам, командирам и политработникам Уральского добровольческого танкового корпуса от трудящихся Урала // Всеуральские чтения по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. 2020 г.: сборник материалов / Под ред. С.В. Неганова. Пермь, 2021. С. 113.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Родин Г.С. Указ. соч. С. 179.

¹⁰ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 3411. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Д. 13. Л. 1 об.

¹³ Там же. Д. 1. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 11. Л. 1.

¹⁵ Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. П. 288. Оп. 7. Д. 277. Л. 400.

¹⁶ Ковшов И.В. и др. Указ. соч. С. 68.

¹⁷ Там же. С. 69, 70.

¹⁸ Народный подвиг // К 70-летию УДТК. С. 22.

¹⁹ Ковшов И.В. Первые добровольцы-танкисты Урала // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19. № 4. С. 40, 41.

²⁰ Он же. Это не только наша, но и ваша гордость: к истории создания первой добровольческой 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 53.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 3411. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же. Д. 11. Л. 1 об.

²⁴ Там же. Д. 16. Л. 9.

²⁵ Там же. Д. 12. Л. 25.

²⁶ Там же. Д. 11. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 1 об.

²⁸ Там же. Д. 16. Л. 9, 9 об.

²⁹ Ковшов И.В. и др. Указ. соч. С. 80, 81.

³⁰ Там же. С. 72.

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 3411. Оп. 1. Д. 6. Л. 103.

³² Там же. Д. 20. Л. 67.

³³ Там же. Д. 11. Л. 1.

³⁴ Там же. Д. 20. Л. 66.

³⁵ Там же. Д. 24. Л. 80 об.

³⁶ Там же. Д. 11. Л. 1.

³⁷ Там же. Д. 12. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 2 об.

³⁹ Ковшов И.В. и др. Указ. соч. С. 96; ЦАМО РФ. Ф. 3411. Д. 16. Л. 8 об.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Там же. Д. 16. Л. 8 об.

⁴² Там же. Д. 14. Л. 44.

⁴³ Там же. Д. 12. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 19.

⁴⁵ Ковшов И.В. и др. Указ. соч. С. 149.

⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 3411. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

⁴⁷ Молотовская танковая бригада и другие пермские воинские части в составе Уральского добровольческого танкового корпуса: сборник документов / Под ред. С.В. Неганова. Пермь, 2018. С. 17.

⁴⁸ Оборонная продукция Лысьвенского металлургического завода в годы Великой Отечественной войны / Сост. С.И. Ёлхова. Лысьва, 2022. С. 37.

⁴⁹ Понамарёв Ю. Натальная броня Красной Армии (ч. I) // Калашников. 2015. № 6 (июнь). С. 58.

⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 3411. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

⁵¹ Гвардейская шестиорденоносная: сборник. 133 с.

⁵² ЦАМО РФ. Ф. 3411. Оп. 1. Д. 12. Л. 17 об.

⁵³ Родин Г.С. Указ. соч. С. 172.

⁵⁴ Ковшов И.В. и др. Указ. соч. С. 151.

⁵⁵ Щекотихин Е.Е. Крупнейшее танковое сражение Великой Отечественной. Битва за Орёл. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 95.

V.N. Ivanov

«TANKERS FROM THE URALS EMERGED — A DIVISION OF ‘BLACK KNIVES’»

Formation of the 30th Ural Volunteer Tank Corps (February—June 1943)

Information about author. Vitaliy Ivanov — professor of the department of political science and international relations of Chelyabinsk State University, D. Sc. (Pol.), Cand. Sc. (Hist.) (city of Chelyabinsk. E-mail: rfkybf@yandex.ru).

Summary. This paper is based on documents from the Central Archives of the Russian Ministry of Defense and scholarly publications and explores the development of the 30th Ural Volunteer Tank Corps. It focuses on the key challenges encountered in recruiting personnel, training them, and equipping the corps with the necessary equipment. The paper also examines the involvement of local authorities, military command bodies, Communist Party organizations, labor collectives, and the general public in the formation of this unit. The paper concludes by arguing that the establishment of this unit helped to strengthen frontline and rear cooperation during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; volunteers; Ural Volunteer Tank Corps; units and subdivisions; home front workers; government bodies.

ДЕМЯНСКИЙ РЕЙД: ДОКУМЕНТЫ И СУДЬБЫ

В 2026 году в Волго-Вятском институте (филиале) Университета имени О.Е. Кутафина вышла в свет книга*, посвящённая Демянскому рейду 1942 года 1-й маневренной воздушно-десантной бригады.

В ней рассказывается об одном из наиболее сложных и трагических эпизодов Великой Отечественной войны — Демянской наступательной операции (7 января — 20 мая 1942 г.), а именно о боевых действиях 1-й маневренной воздушно-десантной бригады, 204-й воздушно-десантной бригады и лыжных подразделений в тылу окружённой 16-й армии вермахта.

Эта операция занимает особое место в истории войны: она стала первой крупной операцией Красной армии по окружению и ликвидации группировки противника, однако в отечественной историографии долгое время оставалась неизученной. Авторам удалось не только восполнить этот пробел, но и представить читателю целостную картину подготовки, проведения и трагических событий рейда.

Монография подготовлена на основе большого массива фактологического материала, полученного в ходе работы с архивными фондами, включая материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (оперативные документы 1-й маневренной воздушно-десантной бригады, штаба Северо-Западного фронта и соединений, участвовавших в Демянской операции), воспоминания непосредственных участников событий, документы противника и другие источники. Авторы раскрывают вопросы формирования и подготовки лыжных подразделений Красной армии в годы Великой Отечественной войны, конкретизируют замысел, эпизоды и специфику боевых действий 1-й маневренной и 204-й воздушно-десантной бригад в тылу противника, показывают примеры мужества и героизма советских бойцов и командиров.

Структура монографии отличается логичностью и последовательностью. Издание включает как историческую часть, так и обширный блок приложений.

В основной части раскрывается процесс формирования 1-й маневренной воздушно-десантной бригады на территории Кировской области осенью 1941 года. Подробно описывается оперативная обстановка на Северо-Западном

фронте в январе—феврале 1942 года, планирование операции и начало рейда. Детально раскрыты процесс создания бригады, структура подразделений, комплектование личным составом и организация боевой подготовки.

Особый интерес вызывают главы, посвящённые боям за ключевые населённые пункты — Малое Опуево, Добросли, Игожево, Старое Тарасово, а также прорыву через реку Полу и последующим действиям десантников. Отдельная глава посвящена северной группе десанта, что позволяет проследить судьбы различных подразделений бригады.

Значительную ценность представляет обширный блок приложений, который существенно повышает научную и источниковедческую значимость издания. В него включены воспоминания десантников 1-й маневренной воздушно-десантной бригады из личного архива М.Я. Толкача, находящиеся на хранении в Самарском государственном архиве. Авторам книги посчастливилось быть лично знакомыми с заслуженным писателем-фронтовиком, участником Великой Отечественной войны. Михаил Яковлевич много работал в архивах, по крупицам собирал информацию о Демянской операции. Воспоминания непосредственных участников операции позволяют увидеть события не только со стороны командования и офицерского состава, но и глазами рядовых десантников, учитывая при этом их эмоции, чувства, взаимоотношения в наиболее критические периоды.

Отдельная глава посвящена исследованию проблематики автобиографической памяти участников Демянского рейда, что позволяет проследить, как события 1942 года преломлялись в сознании выживших десантников на протяжении десятилетий, как менялось их восприятие собственной роли в операции и как формировалась коллективная память о трагическом рейде.

Не менее важными являются протоколы допросов десантников, попавших в плен, которые дают возможность взглянуть на события с другой стороны и восполнить пробелы в документальных источниках.

Опубликованный список личного состава бригады перед Демянской операцией, составленный на основании ведомостей денежно-вещевого довольствия, является уникальным источником, позволяющим проследить судьбы бойцов и восстановить имена многих участников рейда, долгие годы числившихся пропавшими без вести.

Важнейшей проблемой, отражённой в монографии, стала высокая

Обложка книги

цена выполнения поставленной боевой задачи. Значительная часть личного состава бригады погибла или получила ранения и обморожения. Большинство бойцов бригады составляли 18—19-летние юноши, навсегда оставшиеся в демьянских лесах и болотах. Авторы убедительно доказывают, что трагический исход операции был предопределён недостаточной разведкой, отсутствием взаимодействия с внешними ударными группировками и несоответствием поставленных задач реальным возможностям войск.

Исключительно важным достоинством этой научной работы является масштабное освещение поискового движения, посвящённого увековечению памяти погибших десантников. Авторам удалось детально отобразить специфику работы поисковых отрядов при организации поиска останков павших бойцов в подобных операциях.

Монография ценна тем, что в ней наглядно видна результативная работа архивистов во взаимодействии с поисковыми отрядами. В ходе разработки монографии авторами была проведена огромная работа по выявлению и систематизации большого массива ранее не опубликованных и не введённых в научный оборот архивных документов, а также объединению их с материалами полевых поисковых экспедиций, что позволило существенно уточнить обстоятельства гибели многих военнослужащих, восстановить их имена и судьбы.

И.В. Корнева,
главный археограф
Центрального архива
Министерства обороны
Российской Федерации

* Домрачев С.Г., Комлев В.А., Панков О.Д., Панкратов А.В. Демянский рейд 1942 года 1-й маневренной воздушно-десантной бригады (в документах и воспоминаниях) / Под общ. ред. Комлева В.А., Домрачева С.Г. М.: Киров, 2026. 488 с., илл.

«ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРИДЁТСЯ ЗАНИМАТЬСЯ МИНАМИ: ПРОБИВАТЬ ФАРВАТЕРЫ ЧЕРЕЗ МИННЫЕ ПОЛЯ...»

Боевая деятельность соединений и кораблей траления
Краснознамённого Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны
(1942 — май 1945 г.)

Сведения об авторах. Лебедев Александр Владимирович — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балтийского высшего военно-морского училища имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, капитан 1 ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент (г. Калининград. E-mail: lebedev.45@mail.ru);

Рудой Владимир Викторович — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балтийского высшего военно-морского училища имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, капитан 1 ранга в отставке, кандидат военных наук, доцент (г. Калининград. E-mail: K-497@mail.ru).

Аннотация. В статье даётся анализ различных проектов тральщиков, входивших в состав соединений траления. Рассматривается тактика боевых действий кораблей и соединений траления Краснознамённого Балтийского флота (КБФ) в период обороны Ленинграда, в ходе проведения операций по освобождению Карельского перешейка и Прибалтики. Особое внимание уделяется анализу деятельности тральных сил по обеспечению боевых действий корабельного состава флота, и прежде всего подводных лодок, морских перевозок фронта и флота, конвойной службы, борьбе с минной опасностью. Раскрывается деятельность немецкого командования по созданию минных позиций, минных заграждений, постановке мин с целью блокирования советского ВМФ в Финском заливе. Сформулированы выводы, касающиеся боевой работы тральных сил КБФ в Великой Отечественной войне. Подчёркивается, что минное оружие, ставшее главной опасностью на Балтийском морском театре военных действий в годы Великой Отечественной войны, не утратило своего значения и в войнах современности, поэтому остаётся актуальным боевой опыт соединений и кораблей траления КБФ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; Краснознамённый Балтийский флот; оборона Ленинграда; операции по освобождению Карельского перешейка и Прибалтики; противоминная оборона; тральные силы; тральщики; неконтактные мины; И.И. Шибяев; Н.Н. Андреев; Ф.Л. Юрковский.

Балтийцы в 1941 году сорвали планы гитлеровского командования по завоеванию господства в восточной части Балтийского моря, что во многом предотвратило захват Ленинграда. Активные действия подводных лодок советского ВМФ вынудили противника отказаться от использования Финского залива для грузоперевозок. Однако враг не отказался от своих намерений и приступил к наращиванию количества кораблей в Финском

заливе и созданию мощных минных заграждений от Таллина и Хельсинки до Кронштадта и Ленинграда. В 1942 году началась подготовка нового штурма города. Частью этой подготовки стала операция «Айсшток» («Ледовый удар»), согласно которой корабли Краснознамённого Балтийского флота (КБФ) должны были быть уничтожены в Ленинграде и Кронштадте. Однако эта операция была сорвана совместными усилиями армии и флота.

Чтобы блокировать корабли КБФ в восточной части Финского залива, противник начал восстанавливать минные позиции в западной части Финского залива и готовиться к постановке противолодочных заграждений между

мысом Порккала-Удд и островом Найссар (Нарген), а также к югу и северо-востоку от Гогланда. 19 апреля вражеские десантные катера поставили 14 магнитных мин в открытой части Морского канала¹ (табл. 1). Мины имели магнитный взрыватель, срабаты-

вавший под влиянием магнитного поля корабля, или акустический, реагирующий на звук, а также комбинированный магнитоакустический.

Весной 1942 года гитлеровцы провели операцию по минированию кронштадтских фарватеров.

С этой целью группа самолётов-миноносцев совершила 11 ночных налётов, что составило в общей сложности 302 самолёто-вылета².

Особый интерес для противника представляли северный (запасной) фарватер, находившийся в районе северных кронштадтских фортов, и основной фарватер, проходивший в створе кронштадтских маяков и в районе Большого рейда. С 29 мая по 15 июня вражеские самолёты сбросили 413 донных (неконтактных) мин³. При падении на береговую отмель острова Котлин треть из них взорвались, остальные серьёзно затруднили выход кораблей КБФ в Финский залив.

Немцы оборудовали минные позиции: ближнюю в районе острова Гогланд и дальнюю — между островом Найссар (Нарген) и полуостровом Парккала-Удд.

Минные заграждения перекрыли Финский залив с севера на юг. Они состояли из нескольких линий гальваноударных, антенных и донных мин. Об их плотности свидетельствует такой факт. Минные заграждения, поставленные немцами к юго-востоку от о. Гогланд, имели минный интервал 22—44 м, а ширину минного поля — 6 морских миль⁴. Дополнительно были установлены шумопеленгаторные станции вдоль меридианов островов Гогланд и Нарген, а также посты наблюдения и артиллерийские батареи на побережье и островах. Всего в 1942 году в Финском заливе гитлеровцы выставили 10 786 мин⁵. Как правило, они ставили комбинированные заграждения, в которых контактные и неконтактные мины располагались в несколько ярусов, кроме

того, использовались минные защитники и мины-ловушки.

Для несения дозорной службы, противолодочной обороны и активных действий против советских надводных кораблей и подводных лодок к апрелю 1942 года немецко-фашистское командование перебазировало в Финский залив 17, 18, 31 и 34-ю флотилии тральщиков, 1-ю флотилию катеров-тральщиков, различные по назначению флотилии кораблей, а также вспомогательные суда⁶.

Положение в осаждённом Ленинграде было тяжёлым. Население голодало, не хватало рабочей силы, материалов, топлива, некоторые судостроительные и судоремонтные заводы фактически прекратили работу. В то же время большинство кораблей нуждались в проведении аварийно-восстановительных и ремонтных работ.

Таблица 1

Типы немецких неконтактных мин, применявшихся противником на Балтике в 1941—1945 гг.

Типы мин	Характеристика мин	Глубина постановки (м)	Вес взрывчатого вещества (кг)
С	Большая авиационная парашютная мина. Корпус сигарообразной формы. Вес — 940 кг	до 50	700
Д	Малая авиационная парашютная мина. Вес — 530 кг	до 25	300
G	Авиационная беспарашютная мина. Снабжена стабилизатором. По внешнему виду похожа на авиационную бомбу. Вес — 1 т	от 50 до 120	735
T	Неконтактная якорная мина. Сигарообразной формы. Предназначалась для постановки с подводных лодок, надводных кораблей и севших на воду гидросамолётов. Диаметр 532,5 мм позволял ставить мину из труб торпедных аппаратов	от 50 до 300	225
P	Неконтактная якорная мина. Сигарообразной формы. Предназначалась для постановки с самолётов и надводных кораблей	от 50 до 300	290
6S	Донная мина. Предназначалась для постановки с подводных лодок и надводных кораблей. Представляла собой цилиндрическое тело с полусферическим днищем. Диаметр 532,5 мм позволял ставить мину из труб торпедных аппаратов. Вес — 700 кг	от 50 до 90	555

Составлена по: Брон О.Б. Борьба с немецкими неконтактными минами и самонаводящимися торпедами // Краснознамённый Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941—1945: статьи и очерки. М.: Наука, 1981. С. 457; Веткин К.С. За тральщиками — голубые дороги // Морской сборник. 1971. № 6. С. 86.

Немецкая донная мина типа RMA, предназначенная для постановки с надводных кораблей

Эскадренный тральщик «Владимир Полухин» (проект 59)
1942 г.

7-й дивизион катеров-тральщиков и его командир старший лейтенант Ф.Б. Мудрак в базе Балтика, 1944 г.

Питерский рабочий класс с помощью экипажей ремонтировавшихся кораблей с этой задачей справился. В июне—июле 1942 года флот получил семь тральбарж и один буксировщик для них, 15 мотоботов, переоборудованных под электромагнитные катера-тральщики⁷.

Несмотря на тяжёлую обстановку, продолжалось строительство тральщиков новых типов. Именно в Ленинграде впервые в советском судостроении были введены в строй эскадренные тральщики (ЭТ) «Владимир Полухин» и «Василий Громов» с турбинной установкой. Питерцы самоотверженно работали в три смены, что позволило досрочно, в сентябре 1942 года, приступить к заводским, а затем государственным испытаниям головного тральщика «Владимир Полухин»⁸.

К сожалению, из 20 эскадренных тральщиков проекта 59, находившихся на различных стадиях постройки, только два корабля (Т-250 «Владимир Полухин» и Т-254 «Василий Громов») приняли участие в боевых действиях по прямому назначению.

Тральное вооружение ЭТ было представлено:

- двумя комплектами параван-тралов К-1;
- двумя комплектами змейковых тралов;
- двумя комплектами тралов Шульца.

Предусматривалась также установка придонного трала ПТ, морского контактного трала МТ-2, акустического трала БАТ-2, электромагнитного трала ПЭМТ-2.

14 января 1942 года оставшиеся восемь кораблей 1-го и 2-го дивизионов (Т-204, Т-205, Т-207, Т-210, Т-211, Т-215, Т-217, Т-218) были объединены в 1-й дивизион БТЩ (командир капитан-лейтенант М.Д. Годяцкий). Кроме того, в состав дивизиона вошли два эскадренных тральщика, строительство которых близилось к завершению, и два сторожевых корабля⁹.

Тральщики дивизиона решали самые разнообразные задачи:

- поддержка наших десантов;
- несение дозорной службы;

— проведение контрольного траления;

— проводка подводных лодок, надводных кораблей, конвоев;

— перевозка войск и грузов.

Одной из наиболее ответственных задач дивизиона в 1942 году была проводка подводных лодок за тралами от Кронштадта до района их самостоятельного движения западнее о. Лавенсаари, а также встреча в Нарвском заливе. Введение нового наставления по эскортированию, систематическое контрольное траление фарватеров и проводка подводных лодок за тралами позволили значительно повысить безопасность переходов в зоне базирования флота. Первые выходы на встречу в Нарвский залив начались 15 июля. Проводка подводных лодок продолжалась до 18 ноября. Всего в 1942 году корабли дивизиона осуществили проводку 61 подводной лодки¹⁰.

К концу года корабельный состав Охраны водного района (ОВР) и КБФ насчитывал 44 тральщика и 96 катеров-тральщиков¹¹. Однако качественный состав тральщиков оставался неудовлетворительным, так как не соответствовал требованиям, предъявлявшимся к современным тральным силам. Недостатками конструкции многих балтийских тральщиков являлись малый тоннаж, плохая мореходность и слабое навигационное оборудование. Отрицательную роль играла и большая разнотипность кораблей.

Война заставила пересмотреть тактику использования катеров-тральщиков, применять их не только в дневное, но и в ночное время. А до середины 1942 года

из-за сильного противодействия противника катера-тральщики вынуждены были производить траление только ночью.

Вести борьбу с донными (неконтактными) минами имел возможность только дивизион деревянных тральщиков (командир капитан-лейтенант М.М. Безбородов). Дивизион насчитывал девять кораблей: «Сиг», «Поводец», «Пикша», «Воронин», ГС-1, ГС-2, «Свирь», «Касатка», «Ястреб», которые представляли собой рыболовецкие сейнеры и мотоботы, переоборудованные в магнитные тральщики¹² (табл. 2).

Однако из 9 кораблей только «Сиг» и «Поводец» имели достаточно мощные двигатели для буксировки тралбарж. Эти тральщики, а также ГС-1 могли питать электромагнитный петлевой трал. Остальные тральщики дивизиона были вооружены магнитными (хвостовыми) тралами и поэтому выполняли вспомогательные функции (обвеховывание и т.д.).

Тралбаржа — баржевый электромагнитный трал (БЭМТ) — создавался в блокадном Ленинграде. За короткий срок был разработан проект, произведена проверка непотопляемости, остойчивости барж после установки оборудования. 10 июня 1942 года на кронштадтских фарватерах тралбаржа КП-25 подорвала первые донные мины. К концу 1943 года силами личного состава КБФ были введены в строй 19 тралбарж, с которыми тральщики прошли свыше 11 тыс. миль.

В конце 1941 года на Балтике завершились испытания опытных образцов парного хвостового магнитного трала (ХМТ). В

1942 году он поступил на флот и использовался для уничтожения мин с магнитно-статическими взрывателями¹³. Проблема заключалась в том, что тралбаржи и хвостовые магнитные тралы могли буксировать только тральщики, в то время как тральные силы КБФ состояли в основном из катеров-тральщиков. Возникла потребность в лёгком неконтактном трале. К его созданию привлекли сотрудников Ленинградского физико-технического института (ЛФТИ). В августе 1941 года трал был изготовлен на ленинградском заводе «Судомех» и испытан на Неве.

Уже осенью 1941 года в акустической лаборатории Физического института АН СССР (эвакуированной в Казань) под руководством Н.Н. Андреева началось создание гидроакустического буксируемого излучателя — трала, в разработке которого участвовали сотрудники лаборатории Л.Д. Розенберг, Л.М. Бреховских, Б.Д. Тартаковский и др.

Гидроакустический трал представлял собой буксируемый обтекатель, внутри которого размещалось шумовое устройство — система, создававшая гидроакустическое поле на основе пневматического молотка, возбуждавшего стальную пластину — мембрану. Уровень производимого им подводного шума был чрезвычайно высок. Он превышал подводный шум гребных винтов и механизмов корабля. Это было сделано специально, чтобы мины не взрывались непосредственно под тралящим кораблём. Первые опытные образцы гидроакустического излу-

Таблица 2

Основные тактико-технические данные магнитных тральщиков ОВР КБФ (1941—1945 гг.)

Тип корабля	Кол-во кораблей	Водоизмещение (т)	Осадка (м)	Скорость хода (уз.)	Мощность гл. двигателей (л/с)
«Сиг»	1	208	3	6	500
«Поводец»	3	80	2,8	6	110
«Ястреб»	3	40	1,6	6	35
ГС-1	2	70	2,2	6	120

Составлена по: Ладинский Ю.В. На фарватерах Балтики. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1973. С. 75.

чателя-трала большой шумовой мощности были испытаны летом 1942 года на черноморской военно-морской базе в г. Потти. К концу 1944 года он широко использовался на всех флотах для борьбы с акустическими минами противника.

В 1942 году на флот поступили 200 тралов из центра. Заводы Ленинграда передали 230 механических и 72 неконтактных трала. Кроме того, своими силами были изготовлены около 400 механических и 80 неконтактных тралов¹⁴.

Опыт, накопленный в первый год войны, позволил минно-торпедному управлению ВМФ разработать «Инструкцию по разоружению неприятельских неконтактных мин». В ней давались указания по поиску, транспортировке, выборке на берег и разоружению мин. Был создан специальный инструмент для этих целей и разработаны мероприятия по борьбе с ликвидаторами и ловушками.

В систему способов борьбы с неконтактными минами входили наблюдение за охраняемым районом, размагничивание кораблей, различные виды магнитного, акустического и комбинированного траления, подрыв мин, поиск мин водозлазами и последующее разоружение или уничтожение их.

Введение в строй тральщиков, поступивших от союзников (ТАМ,

АМ, ММС), и неконтактных тралов («Л», «ЛЛ», «Конго») позволило в целом решить проблему уничтожения донных мин¹⁵.

Наибольшая нагрузка в борьбе с минной опасностью в 1942 году легла на 1-й и 2-й дивизионы катеров-тральщиков, возглавляемых капитаном 3 ранга В.К. Кимаевым и капитан-лейтенантом Ф.И. Пахальчуком.

В 1942 году в Невской губе и на кронштадтских фарватерах магнитными тральщиками были уничтожены 53 мины¹⁶. Наши потери составили тральщики «Воронин» и «Ястреб», подорвавшиеся на минах, и тральщик «Пикша», погибший от артиллерийского огня противника.

Всего же тральщики соединения ОВР на фарватерах восточной части Финского залива в 1942 году уничтожили 139 якорных мин¹⁷.

Штабом соединения ОВР в дополнение к береговым постам флотской службы наблюдения и связи была создана система подвижных постов противоминного наблюдения, которая подтвердила свою эффективность в борьбе с якорными минами, сбрасывавшимися с самолётов.

Не менее ответственной была проводка конвоев из Кронштадта на острова Сескар, Лавенсаари и обратно. В 1942 году осуществлена проводка 50 конвоев, в состав которых входили 259 боевых кораблей и судов¹⁸.

Успешно действовали и дымзавесчики — небольшие деревянные катера, которые за первые два месяца кампании обеспечили переходы 236 боевых кораблей и судов. Выходы кораблей на выполнение боевых задач происходили только при их поддержке. Они активно участвовали в прикрытии тральных работ, поставили 127 дымовых завес, прошли в ограниченном районе Невской губы и кронштадтских фарватеров 8150 миль¹⁹.

По итогам 1942 года командованием флота базовый тральщик Т-215 (командир капитан 3 ранга М.А. Опарин) был признан лучшим кораблём КБФ, а в день 20-летия шефства комсомола над флотом Ленинградский обком комсомола вручил экипажу переходящее Красное знамя²⁰.

12 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов начали операцию «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. КБФ должен был активно содействовать войскам в проведении наступательной операции. В результате прорыва блокады 18 января значительно улучшилось снабжение защитников города и промышленности всем необходимым.

В апреле 1943 года военный совет Ленинградского фронта принял важное решение о строительстве на судостроительных заводах Ленинграда малых минных тральщиков проектов 253Л и 253ЛП. Тральщики, получившие на флоте название «стотонники», строились на четырёх заводах: ССЗ № 363 «Усть-Ижорская верфь», ССЗ № 189 «Петрозавод», ССЗ № 190 «Балтийский завод имени А.А. Жданова», ССЗ № 307 «Судомех» (табл. 3).

Тральное вооружение «стотонников» было представлено следующими типами тралов:

- облегчённый трал Шульца ОШТ-1 для траления якорных мин;
- катерный параванный трал КПТ для траления якорных мин;
- катерный электромагнитный трал КЭМТ-2 для уничтожения донных магнитных и индукционных мин;

Таблица 3

Основные тактико-технические данные тральщиков проекта 253Л «стотонник» КБФ

Водоизмещение нормальное (т)	Осадка (м)	Скорость хода наибольшая (узл.)	Дальность плавания при экономической скорости 8,6 узлов	Мощность гл. двигателей (л/с)	Экипаж	Тральное вооружение
108	1,3	12,5	2500	3 x 230	18	ОТШ-1, КПТ, КЭМТ-2, ПЭМТ, БАТ-2, МПТ-3

Составлена по: Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941—1945. СПб.: Полигон, 2002. С. 339, 340.

— петлевой электромагнитный трал ПЭМТ для уничтожения донных магнитных и индукционных мин;

— буксирный акустический трал БАТ-2.

К началу летней кампании флот получил два магнитных тральщика (МТ-610, МТ-611), переоборудованных из рыбацких сейнеров, и три тихоходных тральщика (Т-42, Т-51, «Зарница»). На 30 кораблях были установлены обмотки размагничивания, усилено артиллерийское вооружение тихоходных тральщиков и катеров-тральщиков. Проведено размагничивание кораблей и катеров. ОВР КБФ насчитывала 44 тральщика и 96 катеров-тральщиков²¹.

В состав ОВР Кронштадтского морского оборонительного района (КМОР) КБФ вошли десять катеров-тральщиков типа КМ-4, из которых сформировали 7-й дивизион, командиром которого назначили старшего лейтенанта Ф.Б. Мудрака. Корпус катера был деревянный, два двигателя позволяли развивать скорость до 18 узлов. Автономность возросла до 250 миль. Катера имели подсекающие тралы, глубинные бомбы, подрывное вооружение, крупнокалиберные пулемёты ДШК, дымовые шашки и стрелковое оружие на восемь человек экипажа²².

Катера-тральщики стали отработать борьбу с магнитными минами способом глубинного бомбометания на Большом корабельном и Северном кронштадтском фарватерах. Этот способ в дальнейшем активно использовался при производстве тральных работ в прибалтийской зоне.

Противоминное обеспечение конвоев также в основном осуществлялось катерами-тральщиками. За формирование конвоев, шедших из Кронштадта, отвечал штаб ОВР КМОР, с островов — штаб ОВМБ (Островной военно-морской базы). Непосредственное руководство конвоями осуществляли в основном командиры дивизионов тральщиков или офицеры штаба ОВР.

В 1943 году из Кронштадта на острова и обратно была осу-

ществлена проводка 72 конвоев, перевезены более 31 200 т грузов и около 103 тыс. человек. При этом тихоходными тральщиками совершены 153 выхода в море, катерами-тральщиками — 260, катерами-дымзавесчиками — 251²³. Однако кораблей охранения не хватало. Нередко одной парой тральщиков осуществлялась проводка до десяти судов.

Чтобы ограничить возможности КБФ, гитлеровцы решили усилить Нарген-Порккалауддскую и Гогландскую минно-артиллерийские позиции. С этой целью они выставили более 23 тыс. мин и минных защитников²⁴. В конце 1943 года Нарген-Порккалауддская минная позиция была оборудована противолодочными сетями, которые полностью перекрыли выход из Финского залива. Это крайне затруднило выход советских подводных лодок в Балтийское море. Так, в 1943 году Балтийский флот потерял 5 подводных лодок, из них 4 погибли при попытке форсировать Гогландскую и Нарген-Порккалауддскую позиции²⁵. Учитывая сложившуюся обстановку, тральщики ОВР КМОР в начале сентября 1943 года начали разведывательное траление на Восточном Гогландском плёсе,

в котором участвовали катера-тральщики 1-го и 3-го дивизионов, а затем 2-го и 4-го дивизионов. Командный пункт командира бригады траления капитана 1 ранга Ф.Л. Юрковского находился на о. Лавенсаари. Это разведывательное траление завершило тральные работы 1943 года. Тральщики соединения прошли с тралами 70 443 мили, уничтожили более 300 мин и минных защитников²⁶.

Самоотверженный труд лично-го состава тральных сил, меры по размагничиванию кораблей и использование неконтактных тралов позволили в 1942—1943 гг. значительно снизить потери от мин, однако они по-прежнему представляли главную угрозу кораблям и судам Краснознамённого Балтийского флота (табл. 4).

Большое оперативное напряжение и значительные потери тральщиков, которые полностью не восполнялись, увеличили нагрузку на тральные силы. С начала войны по июль 1944 года флот получил от промышленности 12 тральщиков и 142 катера-тральщика. За 1941—1943 гг. вытравлены 688 контактных и 246 неконтактных мин, 111 минных защитников²⁷. Потери за этот период составили 47 тральщиков и 31 катер-тральщик²⁸.

Таблица 4

Потери кораблей и судов КБФ при переходах в 1942—1943 гг.

Год	Потери боевых кораблей			Потери транспортов и прочих судов			Всего погибло на переходе морем		
	Всего от воздействия оружия	В т.ч. от мин	Проц.	Всего от воздействия оружия	В т.ч. от мин	Проц.	Всего от воздействия оружия	В т.ч. от мин	Проц.
1942	445	225	55,5	18	2	11,1	63	227	42,9
1943	228	114	50	8	5	62,5	36	119	52,8

Составлена по: Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: военно-исторический очерк. Т. III. М.: Главный штаб Военно-морского флота, 1962. С. 305.

Для противодействия войскам Ленинградского фронта, которые перешли в наступление на Карельском перешейке, противник усилил свои военно-морские силы в восточной части Финского залива. Привлекался и финский флот. На подходах к проливу Транзунд и островам Бьёрке и Тиуринсари противником были обновлены старые минные заграждения и поставлены новые, прикрыты минными полями и дозорами коммуникации между Выборгом и Коткой. Финны установили также минные заграждения южнее пролива Койвисто до Халли и между Сейвесте и Ино²⁹. Это было связано с попыткой предотвратить использование советских военно-морских сил на морском фланге сухопутного фронта. Противник активно использовал шхерный фарватер между Коткой и Выборгским заливом для перевозок войск, техники и боеприпасов. Балтийские моряки получили приказ овладеть островами на подходах к Выборгскому заливу и островами Бьёркского архипелага.

Корабли 1-й бригады траления и вновь сформированная 2-я бригада траления, несмотря на противодействие батарей с острова Бьёрке, приступили к тралению пролива Бьёркезунд. Противник вынужден был оставить острова Выборгского залива. Советские войска получили возможность высадиться на материковое побережье Финляндии. КБФ надёжно прикрывал приморский фланг Ленинградского фронта, лишив вражеские корабли доступа в Выборгский залив.

В ходе битвы за Ленинград корабли ОВР участвовали в проводке 723 конвоев, на судах которых перевезены 300 тыс. человек и 5000 т военной техники, боеприпасов и других грузов³⁰.

В конце 1943 года началась усиленная подготовка войск, оборонявших Ленинград, к наступлению. Краснознамённый Балтийский флот должен был организовать перевозку войск 2-й армии из Ленинграда и с мыса Лисий Нос на Ораниенбаумский плацдарм. Из-за малых глубин,

большой опасности подрыва на немецких неконтактных минах переброску войск осуществляли два сетевых заградителя («Онега» и «Вятка»), шесть тихоходных тральщиков, восемнадцать буксиров с самоходными баржами и две самоходные десантные баржи. Переброска осуществлялась только в ночное время, иногда под непрерывным артиллерийским огнём неприятеля³¹.

В 1943 году обеспечение тральщиков тралами улучшилось. Из центра поступили английские электромагнитные и акустические тралы, кабель для ПЭМТ и трал-барж. Однако эти поставки не обеспечивали потребности флота. Основная часть трального вооружения производилась на ленинградских заводах и собственными силами.

На основе накопленного боевого опыта борьбы с минами в 1943 году на флоте была создана действенная система противоминной обороны. К началу летней кампании 1944 года флот получил от промышленности 12-й дивизион катеров-тральщиков типа КМ, эскадренный тральщик «Василий Громов». Увеличилось число магнитных тральщиков³². Сошли со стапелей тральщики-«стотонники», из которых был сформирован 7-й дивизион малых базовых тральщиков (ДМБТЩ) (командир дивизиона капитан 2 ранга В.К. Кимаев)³³.

Дивизион сразу получил боевую задачу по тралению Нарвского залива. Времени на подготовку, изучение навигационной и минной обстановки не было. 8 сентября начали траление. После первого галса³⁴ командир дивизиона В.К. Кимаев отказался от прикрытия, которое осуществляли три катера-тральщика, шедшие впереди «стотонников», и пошёл на второй галс. Это привело к трагедии — флагманский тральщик подорвался на mine и затонул, погиб весь экипаж, в т.ч. и командир дивизиона.

Освобождение от врага южного побережья Финского залива от Невской губы до Нарвского залива увеличило операционную

зону флота. Была сформирована Лужская военно-морская база (командир контр-адмирал И.Д. Кулешов). Тральщики приступили к тралению минных заграждений южнее Гогланда. Разведывательное траление на подходах к Нарвскому заливу продолжилось в ещё больших масштабах. Необходимо было проложить фарватеры в Нарвский залив, вдоль побережья Эстонии, очистить от мин подходы к Усть-Нарве.

Чтобы предотвратить выход советского флота на коммуникации Балтийского моря, немецкий флот за период с марта по сентябрь 1944 года дополнительно поставил 13 873 мины и минных защитника³⁵. Фактически Финский залив представлял собой сплошное минное поле. Всего к концу кампании 1944 года здесь с обеих сторон было выставлено около 66 500 мин³⁶.

Тральные работы осуществляли тральщики 1-й бригады траления, ОВР Островной и Лужской военно-морских баз. Количество дивизионов тральщиков, участвовавших в тралении, доходило до 10. И без того непростая минная обстановка осложнялась активным противодействием противника.

В ходе боевой работы совершенствовались старые и опробовались новые способы и приёмы борьбы с минами. Для поиска и уничтожения мин-ловушек стали применять катера типа ЗИС, имевшие малую осадку. Перед началом траления их направляли на разведку фарватеров. Обнаруженную ловушку уничтожали, либо подвизывали конец к тросу ловушки и дергали за него, либо подвешивали подрывной патрон на один из колпаков мины и поджигали запальный шнур.

После разведки фарватера к тралению приступали катера-тральщики, используя катерные тралы. Они, проходя двумя-тремя галсами, разряжали минное поле. Вслед за катерами-тральщиками шли катера типа «Р», которые тралили фарватер параванными тралами. Окончательную чистку проводили тихоходные тральщики или «стотонники», вооружённые буксируемыми тралами³⁷.

Гитлеровцы считали Нарвскую минную позицию непреодолимой, однако личный состав тральных сил успешно справился с поставленной задачей по её прорыву. В результате были уничтожены 630 мин и 191 минный защитник³⁸. Зона базирования флота несколько увеличилась за счёт Выборгского залива и Нарвы. Но это не решало проблему выхода кораблей КБФ в море, что в свою очередь не позволяло оказывать полноценную поддержку армии. Необходимо было проложить фарватеры во вражеских минных заграждениях в западном направлении.

Успех Прибалтийской наступательной операции, которая началась 14 сентября 1944 года, во многом зависел от безопасности фарватеров Балтики.

Бывший нарком Военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецов отмечал: «Самым большим препятствием для плавания в море оставались мины. Их было выставлено невероятное множество по всему Финскому заливу... Прежде всего придётся заниматься минами: пробивать фарватеры через минные поля, а это потребует времени и огромных усилий»³⁹.

Корабли и катера ОВР, 1-й и 2-й бригад траления заранее протралили прибрежные районы. С образованием 24 августа 1944 года Таллинского морского оборонительного района в состав его Охраны водного района вошла 1-я бригада траления. После освобождения Таллина корабли бригады приложили немало усилий, чтобы обезопасить подходы к городу, его рейды и гавани, которые были минированы противником.

Во второй половине 1944 года расширилась зона базирования и операционная зона действия сил флота, которая распространилась на всё Балтийское море и его проливы, что привело к коренным изменениям в боевой деятельности КБФ. По решению Ставки ВГК в составе флота создавались три оборонительных района: Кронштадтский (КМОР), Таллинский (ТМОР) и Рижский (РМОР). Выросли объём и мас-

штабы траления, объём перевозок, следовательно, возросло количество конвоев, в проводке которых активно участвовали тральщики, а их критически не хватало. Из 60 тральщиков специальной постройки (БТЩ и РТЩ) в строю находились 14. 80 проц. тральщиков и катеров-тральщиков требовался ремонт. При этом катера-тральщики по своим тактико-техническим характеристикам не могли использоваться для траления в открытом море⁴⁰.

Боевая деятельность флота планировалась в соответствии с операциями сухопутных войск в Прибалтике, что значительно увеличило потребность в конвоировании и межбазовых перевозках, организация которых определялась «Положением о конвойной службе», введённым 25 марта 1944 года, и «Наставлением по конвоированию судов». В ходе конвоирования кораблей и судов приходилось преодолевать многочисленные минные позиции, созданные флотом нацистской Германии. В 1944 году для обеспечения охраны конвоев были привлечены 876 кораблей и катеров, при этом проведены 299 конвоев, которые насчитывали 1514 транспортов и судов⁴¹.

Опасный изнурительный труд, требовавший выдержки, инициативы, стойкости, мужества и профессионализма, способствовал тому, что к концу 1944 года были уничтожены 3151 мина и минный защитник (в т.ч. 134 неконтактные мины). Пройдено за тралами 285 380 миль, при этом потери составили 34 тральщика, из них на минах потеряны 23 тральщика и катера-тральщика, или 42,6 проц. от всех потерь за 1944 год⁴². Таким образом, за 1944 год тральщиками было пройдено за тралами, протралена площадь и вытралено мин значительно больше, чем за период 1941—1943 гг.⁴³

За ратный труд 1-я бригада траления (командир контр-адмирал Ф.Л. Юрковский) была награждена орденом Красного Знамени. Командир 1-го гвардейского Краснознамённого дивизиона катеров-тральщиков капитан-

лейтенант Григорий Яковлевич Оводовский удостоился звания Героя Советского Союза.

В 1944 году корабельный состав тральных сил пополнили 22 тральщика водоизмещением 100—120 т и 55 катеров-тральщиков⁴⁴.

Контр-адмирал Ю.В. Ладинский, командир ОВР Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны, в военно-историческом очерке «На фарватерах Балтики» образно подвёл итоги 1944 года: «Наши Вооружённые Силы, очистив от фашистской нечисти родную землю, громили врага в его собственном логове. Плечом к плечу с Советской армией на её приморском фланге доблестно сражался прославленный Краснознамённый Балтийский флот. В его первых рядах курсом на запад по фарватерам Балтики шли корабли Охраны водного района»⁴⁵.

Организационная структура КБФ в 1945 году подверглась существенным изменениям. В системе действовавших (КМОР, ТМОР) были созданы новые оборонительные морские районы: Островной (на основе Рижского) и Юго-Западный. Так как в этих районах имелись большие минные поля и отдельно выставленные неконтактные мины, минная опасность для них являлась главной.

После освобождения от германских нацистов Риги тральщики стали прокладывать фарватеры в Рижском заливе. Траление осуществляли корабли 3-й бригады траления (командир бригады капитан 1 ранга И.И. Мешко, впоследствии его сменил капитан 2 ранга П.Г. Артеменко). 3-я бригада была создана в конце войны. В её состав вошли девять дивизионов тральщиков. Это были корабли с улучшенными тактико-техническими характеристиками по сравнению с кораблями довоенной постройки, способные уничтожать и неконтактные мины.

В течение 1945 года траление производилось в западной части Финского залива, в районах Мемеля, Пиллау, Кёнигсбергского канала, Фриш-Гаф, Данцига и других районах Балтийского

моря. За январь—май 1945 года катерами-тральщиками были затралены и взорваны 994 мины, из них 65 неконтактных. Кроме того, обнаружены и частично уничтожены 544 плавающие мины⁴⁶.

К концу апреля 1945 года в состав КБФ входили три бригады траления с общим числом тральщиков 294. Но и этих сил не хватало для организации послевоенного траления. Очищение Балтийского моря от мин продолжалось до 1957 года⁴⁷.

Несмотря на то что авторами собран и изучен достаточно большой массив информации, сложно делать однозначные, категоричные выводы в одной статье, однако изложить свою оценку необходимо. Она сводится к следующему.

1. Краснознамённый Балтийский флот внёс весомый вклад в победу над врагом:

- сорваны планы немецко-фашистского командования по завоеванию господства в Балтийском море, захвату Ленинграда, уничтожению КБФ;

- несмотря на противодействие противника, флот выполнил задачу прикрытия с приморского направления флангов фронтов и армий, активно действовал на коммуникациях противника, что способствовало срыву воинских перевозок, перегруппировки сил и фактической блокаде немецких группировок с моря.

2. Высокую эффективность минного оружия подтвердил опыт боевых действий на Балтийском море в годы Великой Отечественной войны. Убедительным доказательством этого являются результаты сравнительного анализа:

- потери от минного оружия составили на КБФ — 32 проц., на флоте Германии — 21 проц. от общих потерь корабельного состава⁴⁸;

- объём расхода ресурсов, боеприпасов и потерь на потопленную единицу (корабль, транспорт) ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны. Авиации флота требовалось для этого совершить 80 самолёто-

вылетов, израсходовать 10,7 т авиационных бомб, 2,7 торпеды, при этом потери КБФ составляли 2,1 самолёта. Подводным лодкам — пять боевых походов, расход восьми торпед и при этом потери — 0,39 подводной лодки. Расход же мин на потопленный корабль или транспорт флота противника составлял 144 единицы⁴⁹.

Опыт современных войн свидетельствует, что использование минного оружия может привести к полной блокаде морских коммуникаций и прекращению морских перевозок.

3. На КБФ была создана система противоминной обороны (ПМО). Формы организации траления и структура ПМО менялись с учётом изменявшейся обстановки и задач, решавшихся флотом. В начале войны это были ОВР Главной базы и ОВР Кронштадтской базы, штаб Минной обороны, затем ОВР военно-морской базы, в которые входили отряды траления, позже — бригады траления, сохранившиеся до конца войны.

Особенно следует подчеркнуть огромное напряжение и нагрузку на личный состав тральных сил. Об этом свидетельствует боевая деятельность 1-го дивизиона базовых тральщиков, который провёл за тралами 190 подводных лодок, более 300 боевых кораблей, вспомогательных судов и транспортов; уничтожил 297 мин и 47 минных защитников, три самолёта противника; перевёз более 30 тыс. человек вместе с техникой и вооружением⁵⁰. Всего же кораблями и катерами траления КБФ за 1941—1945 гг. вытралены и уничтожены 12 763 донные и якорные мины, пройдено 1 231 000 миль, из них с тралами 782 600 миль⁵¹.

4. По инициативе начальника минно-торпедного управления ВМФ контр-адмирала И.И. Шибачева боевой опыт траления неконтактных мин был систематизирован и обобщён в двухтомном руководстве «Немецкие неконтактные мины и способы борьбы с ними» в 1943 году (вып. 1) и в 1944 году (вып. 2). Этот труд сыграл большую роль в распро-

странении знаний о минах противника и организации борьбы с ними.

5. Усилиями советских учёных при активном участии офицеров научно-технического комитета ВМФ СССР, личного состава к концу войны был создан целый арсенал тралов, который значительно повысил эффективность траления, снизил потери кораблей и судов от вражеских мин:

- для контактного траления: катерный трал (КТ), облегчённый трал Шульца (ОТШ-10), морской трал (МТ-1, М-2, МТ-3), катерный параванный трал (КПТ), катерный змейковый трал (КМЗ), облегчённый парный трал (ОПТ) и др.;

- для неконтактного траления: хвостовой магнитный трал (ХМТ), катерный электромагнитный трал (КЭМТ-2), баржевый электромагнитный трал (БЭМТ), петлевой электромагнитный трал (ПЭМТ-1, ПЭМТ-3), буксируемый магнитный трал (БМТ), буксируемый акустический трал (БАТ-2) и др.

6. Флот недооценил минную опасность, которая для Балтийского театра являлась главной. Если общее количество потерь боевых кораблей, катеров и судов КБФ за время войны составило 681 единицу, то половину боевых кораблей флот потерял от подрыва на минах. Прежде всего это относилось к потерям базовых и рейдовых тральщиков — 61 единица (15 проц. от общего числа тральщиков), а катеров-тральщиков — 54 (37 проц.)⁵².

7. Отсутствие достаточного количества имевших боевой опыт офицерских кадров затрудняло реорганизацию штабов, формирование новых соединений тральных сил, влияло на слаженность в работе флагманских специалистов, планирование боевых действий, управление силами в процессе траления.

8. Опыт боевого траления, накопленный балтийцами в годы Великой Отечественной войны, актуален и сегодня, его необходимо использовать при создании системы современной противоминной обороны на вероятных театрах военных действий.

- ¹ Трибуц Б.Ф. Подводники Балтики атакуют. Л.: Лениздат, 1963. С. 44.
- ² Ладинский Ю.В. На фарватерах Балтики. М.: Военное изд-во МО СССР, 1973. С. 74.
- ³ Николаев В.В., Романовский В.Н. Морские сапёры. М.: Воениздат, 1967. С. 9.
- ⁴ Майстер Юрг. Война на море в восточно-европейских водах 1941—1945 гг. М.: Эксмо, 2005. С. 58.
- ⁵ Дважды Краснознамённый Балтийский флот. М.: Военное изд-во, 1990. С. 206.
- ⁶ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: военно-исторический очерк. Т. III. М.: Главный штаб Военно-морского флота, 1962. С. 251.
- ⁷ Там же. С. 197, 198.
- ⁸ Йолтуховский В.М. Тральщики ВМФ СССР в предвоенные и военные годы // Судостроение. 2015. № 5. С. 77.
- ⁹ Иванушкин П.Г. Роль базовых тральщиков на Балтике в годы войны // Краснознамённый Балтийский флот в Великой Отечественной войне: статьи и очерки. М.: Наука, 1981. С. 194.
- ¹⁰ Там же. С. 196.
- ¹¹ Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ — Архив Военно-морского флота (Архив ВМФ). Ф. 92. Оп. 52. Д. 72. Л. 4—9.
- ¹² Попернацкий Е.Н. Тральные силы Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 3. Калининград: Янтарный сказ, 2000. С. 120.
- ¹³ Магнитостатические взрыватели — это тип неконтактных взрывателей, которые срабатывают под воздействием магнитного поля корабля.
- ¹⁴ Краснознамённый Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941—1945: статьи и очерки. С. 289.
- ¹⁵ Йолтуховский В.М. Тральщики и тралы ВМФ СССР (1941—1945) // Судостроение. 2016. № 6. С. 72, 73.
- ¹⁶ Трибуц Б.Ф. Указ. соч. С. 280.
- ¹⁷ Архив ВМФ. Ф. 5498. Оп. 66. Д. 21. Л. 70.
- ¹⁸ Там же. Ф. 92. Оп. 52. Д. 33. Л. 571.
- ¹⁹ Там же. Д. 42. Л. 106.
- ²⁰ Там же. Л. 269.
- ²¹ Там же. Л. 4—9.
- ²² Мудрак Ф.Б. На тральных галсах. М.: Военное изд-во МО СССР, 1980. С. 38.
- ²³ Архив ВМФ. Ф. 92. Оп. 52. Д. 84. Л. 45.
- ²⁴ Трибуц В.Ф. Балтийцы наступают. М.: Воениздат, 1969. С. 23, 24.
- ²⁵ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг... С. 278.
- ²⁶ Архив ВМФ. Ф. 92. Оп. 52. Д. 77. Л. 5, 6; Д. 84. Л. 5.
- ²⁷ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг... С. 306.
- ²⁸ Архив ВМФ. Ф. 11. Оп. 1446. Д. 9. Л. 25—28.
- ²⁹ Майстер Юрг. Указ. соч. С. 87.
- ³⁰ Кузнецов И.М. Балтийский флот в битве за Ленинград // Наука. Общество. Оборона. 2017. № 3.
- ³¹ Попернацкий Е.Н. Указ. соч. С. 122.
- ³² Ладинский Ю.В. Указ. соч. С. 132.
- ³³ Мудрак Ф.Б. Указ. соч. С. 119.
- ³⁴ Галс — отрезок пути корабля (судна) от поворота до поворота при плавании переменными курсами, при тралении мин — тральный галс.
- ³⁵ Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М.: Военное изд-во МО СССР, 1973. С. 353.
- ³⁶ Трибуц В.Ф. Балтийцы наступают. С. 166.
- ³⁷ Архив ВМФ. Ф. 58. Оп. 10. Д. 8. Л. 111.
- ³⁸ Там же. Л. 113.
- ³⁹ Кузнецов Н.Г. Курсом к Победе. М.: Военное изд-во МО СССР, 1975. С. 392.
- ⁴⁰ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг... С. 368.
- ⁴¹ Архив ВМФ. Ф. 1106. Оп. 18031. Д. 20. Л. 9.
- ⁴² Там же. Л. 3.
- ⁴³ Трибуц В.Ф. Краткий обзор боевой деятельности Краснознамённого Балтийского флота в наступательных операциях 1944—1945 гг. // Краснознамённый Балтийский флот в завершающий период Великой Отечественной войны 1944—1945 гг. М.: Наука, 1975. С. 19.
- ⁴⁴ Архив ВМФ. Ф. 1106. Оп. 18450. Д. 27. Л. 167.
- ⁴⁵ Ладинский Ю.В. Указ. соч. С. 157, 158.
- ⁴⁶ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг... С. 456.
- ⁴⁷ Попернацкий Е.Н. Указ. соч. С. 124.
- ⁴⁸ Басов А.В. Основные результаты боевой деятельности КБФ в Великой Отечественной войне // Моряки-балтийцы в боях на море и на суше 1941—1945 гг. Кн. 4. М.: Наука, 1992. С. 503.
- ⁴⁹ Сталбо К.А. Анализ потерь Советского ВМФ в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Морской сборник. 1991. № 5. С. 18.
- ⁵⁰ Краснознамённый Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941—1945... С. 196, 197.
- ⁵¹ Попернацкий Е.И. Указ. соч. С. 124.
- ⁵² Басов А.В. Указ. соч. С. 501, 502.

A.V. Lebedev, V.V. Rudoy

«FIRST AND FOREMOST, WE WILL NEED TO DEAL WITH THE MINES: CREATING CHANNELS THROUGH MINEFIELDS...»

The combat activities of the mine-clearing units and ships of the Red Banner Baltic Fleet during the Great Patriotic War (from 1942 to May 1945)

Information about authors. Aleksandr Lebedev — assistant professor of the department of humanities and socio-economic disciplines at the Baltic Higher Naval School named after Admiral F.F. Ushakov, captain 1st rank (ret.), Cand. Sc. (Hist.), associate professor (city of Kaliningrad. E-mail: lebedev.45@mail.ru);

Vladimir Rudoy — assistant professor of the department of humanities and socio-economic disciplines at the Baltic Higher Naval School named after Admiral F.F. Ushakov, captain 1st rank (ret.), Cand. Sc. (Mil.), associate professor (city of Kaliningrad. E-mail: K-497@mail.ru).

Summary. This paper analyzes the various mine-clearing designs that were used by mine-clearance units. It also examines the combat tactics of ships and minesweepers of the Red Banner Baltic Fleet during the defense of Leningrad and the liberation of the Karelian Isthmus and the Baltic republics. Particular attention is given to the analysis of the activities of mine-clearance forces in support of the combat operations of fleet ships, especially submarines and frontline maritime transport, as well as convoy service and mine countermeasures. This paper examines the activities of the German command during the Great Patriotic War, focusing on their efforts to create minefields in the Gulf of Finland in order to block the Soviet navy. It also draws conclusions about the combat operations of the Baltic Fleet's minesweeping forces. The paper emphasizes that despite the fact that mines were a major threat in the Baltic Sea during the war, they continue to be significant in modern warfare. The combat experience of minesweeping units and ships from the Baltic fleet therefore remains relevant today.

Keywords: Great Patriotic War 1941—1945; Red Banner Baltic Fleet; defense of Leningrad; operations to liberate the Karelian Isthmus and the Baltic countries; defense of mines; minesweeping forces; minesweepers; non-contact mines; I.I. Shibayev; N.N. Andreyev; F.L. Yurkovskiy.

«...ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ ОСУЩЕСТВИЛ ГРУППОВУЮ ЭВАКУАЦИЮ БОЛЬНЫХ ПРОКАЗОЙ ИЗ АРМЕЙСКОГО И ФРОНТОВОГО РАЙОНОВ»

**Вклад военных медиков в спасение жизней пациентов лепрозориев
Абинского района в период битвы за Кавказ (1942—1943 гг.)**

Сведения об авторе. Карташев Игорь Владимирович — ведущий специалист центра изучения истории медицины Ставропольского государственного медицинского университета, кандидат исторических наук (г. Ставрополь. E-mail: kartashev_iv@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается деятельность военно-санитарной службы Красной армии по организации и проведению уникальной операции — массовой эвакуации из района боевых действий в глубокий тыл пациентов, имущих, сотрудников Абинского и Холмского лепрозориев Краснодарского края в период его захвата германскими войсками в ходе битвы за Кавказ (1942—1943 гг.). Отмечается вклад военных медиков в спасение жизней больных лепрой (проказой), а также в налаживание функционирования лепрозориев после освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков. Упоминаются наиболее отличившиеся сотрудники медико-санитарной службы Черноморской группы войск (ЧГВ) Закавказского фронта (ЗакФ). Автором использованы документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, филиала ЦАМО РФ (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург), результаты предыдущих научных исследований, справочные материалы и другие сведения, в т.ч. размещённые на сетевых ресурсах. Ряд документов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; битва за Кавказ; Черноморская группа войск; военно-медицинская служба; эвакуация; здравоохранение; лепрозорий; Холмская; Абинская; больные; лепра; проказа.

К началу Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в регионе, известном своими природно-климатическими факторами, находилось большое количество санаторно-курортных и специализированных медицинских учреждений различного типа. Наряду с санаториями Сочи и Кавказских Минеральных Вод, учреждениями по оказанию психоневрологической помощи был ряд лепрозориев, в т.ч. Холмский и Абинский, размещавшихся на территории Абинского района Краснодарского края. Холмский лепрозорий функционировал с 1905 года. В 1937 году при нём организовали детский дом для здоровых детей, чьи родители были больны лепрой (проказой). К 1941 году их количество достигло 90 человек¹. В 1936 году в 12 км от станции Линейная

(сегодня — станция Ахтырская) началось строительство Абинского лепрозория, первая очередь которого была сдана в 1938 году. В общей сложности в строительство лепрозориев в предвоенные годы государство вложило 9 млн руб.².

Осенью 1941 года в связи с приближением противника к Ленинграду в Абинский лепрозорий, находившийся в безопасном на тот момент районе страны, из Ленинградской области были эвакуированы пациенты и сотрудники лепрозория «Крутые ручьи»³. Однако менее чем через год война пришла и на землю Кубани. В ходе наступления на южном участке фронта в июле—августе 1942 года враг, рвавшийся к нефтеносным районам Баку, Грозного и Майкопа, захватил значительную часть территории Северного Кавказа.

Станица Холмская была занята противником к исходу дня 19 августа 1942 года, Абинская — в течение следующих

суток⁴. В последующие месяцы линия фронта, проходившая южнее станиц, в непосредственной близости от лепрозориев, была

нестабильной. Высоты в районе Абинской, Холмской, Эриванской, Шапсугской неоднократно переходили из рук в руки. Благодаря

героическим усилиям партизан и подразделений 47-й армии захватить станицы Эриванскую и Шапсугскую, открывавшие путь к перевалам, а затем и к Черноморскому побережью, германским войскам не удалось⁵. В конце августа — начале сентября 1942 года в Абинский лепрозорий приезжали четверо гитлеровцев, которые осмотрели его строения и территорию. 14 сентября из прилегавшего к этому лепрозорию виноградника немцы увели двух находившихся там больных. Информация об этом была передана в особый отдел 339-й стрелковой дивизии 47-й армии⁶.

По другой информации, в эти же дни, в середине сентября 1942 года, группа партизан отряда «Шторм» во главе с его командиром В.В. Петренко, возвращаясь с боевого задания, получила информацию о нахождении немцев в винограднике в районе лепрозория. Захватив одного из них в плен, партизаны передали его в качестве «языка» в воинскую часть⁷. Подобный интерес противника к лепрозорию не сулил ничего хорошего: с большой долей вероятности его пациенты, как и многие другие «ненужные» с точки зрения нацистской идеологии люди, были бы уничтожены. Именно такая судьба постигла сотни больных костным туберкулёзом детей, находившихся на лечении в санаториях Теберды и Архыза, воспитанников Ейского детского дома, пациентов психиатрических больниц региона⁸.

В этой связи, несмотря на сложную боевую обстановку, советским командованием было принято решение об эвакуации лепрозориев на восток страны, в глубокий тыл. Его реализация затруднялась в первую очередь тем, что прилегавший к территории лепрозориев район был захвачен врагом. Покинуть его можно было только по горным и лесным тропам, добравшись до села Пшада на Новороссийско-Сухумском шоссе — стратегически важной трассе, соединявшей главные

А.-Г. И. Мирский

узлы обороны советских войск на Черноморском побережье с республиками Закавказья.

К середине сентября 1942 года в Абинском и Холмском лепрозориях в общей сложности находились 645 человек, из них 446 больных лепрой и детей, а также 199 человек личного состава. После тщательно проведённого медицинского осмотра для эвакуации были отобраны 359 пациентов лепрозориев и детского дома. Остальные 87 человек по состоянию здоровья были признаны нетранспортабельными, их было решено оставить на месте. Из числа личного состава для эвакуации были отобраны 129 сотрудников. Вывозу также подлежали медико-санитарное и хозяйственное имущество общим весом до 10 т, а также личное имущество и продукты эвакуируемых весом до 40 т. Таким образом, требовалось организовать перевозку 488 человек и около 50 т груза. Для ухода за нетранспортабельными больными были оставлены 70 сотрудников лепрозориев, в т.ч. врач-специалист Л.Г. Семенихина. Для этой группы больных военные медики выделили соответствующее количество медсанхозимущества и продуктов на 3 месяца⁹.

Людмила Гавриловна Семенихина родилась в 1917 году в станице Лабинской Кубанской области. После описываемых событий в январе 1943 года добровольно вступила в ряды Красной армии, будучи призванной Абинским РВК. Службу капитан медицинской службы Семенихина начала в должности младшего врача пункта медицинской помощи 900-го артиллерийского полка 339-й стрелковой дивизии 47-й армии. Позже — врач-ординатор операционно-перевязочного взвода 422-го отдельного медико-санитарного батальона 339-й Таманской Краснознамённой стрелковой дивизии 16-го стрелкового корпуса 56-й (затем — Приморской) армии. Была награждена медалью «За боевые заслуги», орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени¹⁰.

Стоит отметить, что среди эвакуируемого контингента могли быть и лица из числа личного состава войск Закавказского фронта. Так, лепрозный больной военнослужащий М.Ф. Зозуля в первой половине сентября 1942 года был доставлен в инфекционный госпиталь (ИГ) № 814, который с 1 сентября дислоцировался в Сочи¹¹. В письме руководству вспомогательного эвакуопункта № 104 и ИГ-814 22 сентября 1942 года исполнявший обязанности начальника военно-санитарного управления (ВСУ) ЧГВ ЗакФ военврач 1 ранга Ф.Д. Мешман указывал на необходимость отправки данного больного в лепрозорий, который в свою очередь подлежал эвакуации¹².

В соответствии с заранее разработанным планом перевозка от Абинского и Холмского лепрозориев до первого лагеря, расположенного в 2 км от хутора Папайский Пшадского сельсовета Геленджикского района, была осуществлена конным транспортом. Для этого использовались 150 повозок, 60 из которых были выделены санитарным отделом 56-й армии из состава конно-санитарной роты, 90 повозок

предоставило командование 339-й стрелковой дивизии. В связи с исключительно тяжёлой дорогой пришлось значительно уменьшить нагрузку на каждую повозку. Тот, кто был способен передвигаться самостоятельно, шёл пешком. В этой связи эвакуация была осуществлена в два эшелона.

Начавшись в ночь на 16 сентября, она была завершена в ночь на 22 сентября 1942 года. Больные разместились во временном лагере в стороне от дорог, были приняты меры по их охране и изоляции от окружающих. На время пребывания в пути и в лагере они находились под наблюдением врачей-лепрологов и врача-эпидемиолога. Весь личный состав транспортно-гужевого подразделения дивизии, принимавших участие в эвакуации, по окончании перевозок был подвергнут санитарной обработке: военнослужащие помыты в бане, их вещи пропущены через дезкамеру, повозки обработаны дезраствором. Территория лагеря после вывоза оттуда больных была продезинфицирована.

Следующий этап состоял в переброске эвакуируемых во второй лагерь — пункт сбора для последующей посадки на судно, организованный в 1,5 км от порта Джубга. Перевозка в этот лагерь была осуществлена автомашинами санитарного отде-

ла 56-й армии и 20 машинами, выделенными из состава автомобильного батальона Черноморской группы войск ЗакФ. К утру 26 сентября второй этап эвакуации был завершён. В пути и в лагере больные находились под постоянным наблюдением врачей¹³.

Нельзя сказать, что эвакуация проходила без сложностей. Преодоление десятков километров по бездорожью для больных людей само по себе было делом крайне тяжёлым. Были и организационные проблемы. Так, первая партия из 12 автомашин, направленных 17 сентября 1942 года в Пшаду, была использована не для вывоза контингента лепрозория, а для эвакуации группы раненых военнослужащих в Туапсе. В связи с этим руководству санитарного управления пришлось повторно направлять запрос о предоставлении начальником автодорожного управления ЧГВ полковником Н.В. Страховым 20 автомашин 24 сентября 1942 года сроком на двое суток для перевозки больных из Пшады в Джубгу. Повторная заявка 18 сентября была направлена и на имя начальника отдела военных сообщений ЧГВ подполковника Н.П. Пидоренко о предоставлении транспортного судна для эвакуации больных лепрой¹⁴.

В 00 ч 27 сентября 1942 года в порт Джубга прибыло выделенное для эвакуации лепрозориев судно «Адлер», которое наряду с пароходами «Азов» и «Интернационал», теплоходами «Тракторист», «Райкомвод» в это время осуществляло перевозки в интересах фронта на линии Туапсе — Геленджик¹⁵. Больные и имущество были погружены на пароход, который уже в 02:00 27 сентября вышел из Джубги в сопровождении двух сторожевых кораблей в направлении порта Батуми. Весь личный состав, автомашины, принимавшие участие в эвакуации, а также площадка второго лагеря, после того как её покинули люди, были подвергнуты дезобработке. 28 сентября в 22:00 судно прибыло в Батуми. 29 сентября больные и имущество были перегружены в военно-санитарный поезд (ВСП), который 30 сентября в 06:45 отбыл по маршруту Батуми — Баку. В конечном итоге больные лепрой и сопровождавший их персонал прибыли на территорию Казахской ССР, где и находились до конца войны.

Для организации эвакуации лепрозориев ВСУ ЧГВ был командирован помощник начальника 2 отдела военврач 2 ранга А.-Г. И. Мирский. Именно он отвечал за проведение эвакуации вплоть до погрузки больных на военно-санитарный поезд в Батуми. Кроме него, в этой работе принимали участие начальник 2-го отделения санитарного отдела 56-й армии военврач 2 ранга И.И. Закутинский, начальник медицинского отделения ИГ-4330 военврач 2 ранга Б.М. Волошинов, старшая медицинская сестра ИГ-4330 А.С. Федоренко. С учётом важности и сложности успешно проведённой групповой эвакуации больных лепрой из армейского района в условиях боевой обстановки группе военных медиков приказом военного совета ЧГВ была объявлена благодарность¹⁶.

Военврач 2 ранга Абрам-Гилель Иосифович Мирский с 23 июня 1941 года являлся начальником полевого подвижного госпита-

Перезахоронение советских воинов
пос. Ахтырский Краснодарского края, 7 мая 1967 г.
Музей Абинского района

ля (ППГ) № 577 12-й армии, с марта по июль 1942 года — начальником санитарно-эпидемиологического отряда (СЭО) № 314 12-й армии, с июля 1942 года — помощником начальника 2-го отдела военно-санитарного управления ЧГВ. Ему как квалифицированному специалисту по борьбе с инфекционными заболеваниями и хорошо проявившему себя организатору в сентябре 1942 года было поручено провести эвакуацию пациентов Абинского и Холмского лепрозориев.

В характеристике А.И. Мирского, награждённого в ноябре 1942 года за успешно проведённую эвакуацию больных лепрой орденом Красной Звезды, отмечено следующее: «Несмотря на исключительную сложность этой операции, военврач 2 ранга Мирский вместе с группой медицинских работников, которую он возглавлял, выполнил это задание на “отлично”. В трудных условиях горных малопроезжих дорог, в обстановке войскового района, находившегося под обстрелом вражеской авиации, он вывез всех больных, личный состав и имущество лепрозориев. Благополучно доставив их морским путём в Батуми, перегрузил на военно-санитарный поезд для дальнейшей эвакуации в глубокий тыл. Тов. Мирский осуществил, таким образом, впервые в истории медицины групповую эвакуацию больных проказой из армейского и фронтового районов»¹⁷. Позже полковник медицинской службы А.-Г. И. Мирский был отмечен ещё двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За боевые заслуги» и другими наградами.

Начальник 2-го отделения санитарного отдела 56-й армии военврач 2 ранга Исаак Иосифович Закутинский на протяжении 14 суток, от момента начала эвакуации до погрузки больных на судно в Джубге, проводил санитарную обработку людей, участвовал в организации мест их временного размещения, осу-

Б. М. Волошинов

ществлял дезинфекцию транспорта и территории лагерей»¹⁸. По окончании операции был награждён медалью «За боевые заслуги», позже — медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орденом Красной Звезды.

В течение 19 суток участвовал в эвакуации контингента лепрозориев начальник медицинского отделения ИГ-4330 военврач 2 ранга Борис Михайлович Волошинов. Во многом благодаря его усилиям погрузка на пароход в Джубге была проведена за 1 ч 45 мин вместо отведённых на неё 3 ч, что позволило судну в темноте пройти один из наиболее опасных участков пути. Отметим, что в случае гибели теплохода «Армения», вышедшего из порта Ялта 7 ноября 1941 года в 8:00, именно задержка с отправкой судна, как показало проведённое ещё в 1941 году расследование, стала одной из причин случившейся трагедии¹⁹. Горький опыт, безусловно, был учтён.

В Батуми военврач 2 ранга Б.М. Волошинов 29 сентября всю ночь обеспечивал погрузку больных, их личных вещей, продуктов питания на ВСП²⁰. После

завершения операции в октябре 1942 года его назначили на должность начальника ИГ-4292. Он был удостоен медали «За боевые заслуги», позже — орденов Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени и других наград. Участие во впервые проведённой в истории групповой эвакуации больных лепрой из армейского и фронтового районов отмечено в наградных документах старшей медицинской сестры ИГ-4330 военфельдшера Анны Самойловны Федоренко²¹.

Пока основная часть больных лепрой находилась в Казахстане, на территории Холмского лепрозория, более удалённого от мест прохождения боевых действий, оставались нетранспортабельные пациенты обоих лепрозориев. В январе 1943 года, в период подготовки наступательной операции советских войск, в зоне ответственности 47-й армии были построены и улучшены ряд дорог, в т.ч., как отмечал маршал А.А. Гречко, отрезок Пшада — лепрозорий протяжённостью 12 км. В ходе ожесточённых боёв в период с 18 по 21 февраля 1943 года были освобождены станицы Северская, Ильская, Холмская, посёлок Ахтырский и станция Линейная²², 23 марта — станция Абинская. При этом на территории лепрозориев осуществлялись захоронения советских воинов из состава частей 339-й стрелковой дивизии, погибших в период обороны и освобождения региона. Документы свидетельствуют о том, что в районе Холмского лепрозория захоронения происходили на территории так называемого нового лепрозория Абинского района в ноябре—декабре 1942 года и в конце февраля 1943 года²³. Позже, в частности 7 мая 1967 года, в посёлке Ахтырском осуществлялись торжественные перезахоронения павших воинов.

После освобождения станиц Абинской и Холмской в течение следующих нескольких месяцев 1943 года на территории обоих лепрозориев были рас-

квартированы различные воинские части. Военнослужащие размещались в помещениях, использовали без санитарной обработки кровати, столы, инвентарь, контактировали с больными. В такой ситуации, по словам главного врача лепрозориев Степанова, оградить личный состав частей от инфицирования было практически невозможно. В то же время у людей не отмечались какие-либо признаки заболевания, так как инкубационный период по лепре в среднем составлял 3—5 лет.

8 июня 1943 года руководство Холмского лепрозория в обращении в адрес начальника ВСУ Северо-Кавказского фронта (СКФ), вновь сформированного 24 января 1943 года на базе Северной группы войск ЗакФ, просило принять меры, которые содействовали бы не только исключению заражения военнослужащих, но и восстановлению нормальной работы лечебного учреждения в соответствии с распоряжением Наркомздрава СССР. В этой связи начальник ВСУ СКФ генерал-майор медицинской службы Н.И. Завалишин направил донесение на имя начальника штаба фронта генерал-майора И.А. Ласкина. Изложив ситуацию, он просил принять меры по исключению нахождения личного состава

частей на территории лепрозория²⁴.

В июле 1943 года начальником Управления войск НКВД по охране тыла СКФ полковником С.М. Фадеевым был инициирован вопрос о переводе Холмского лепрозория на новое место. Это было связано с планировавшимся строительством новой дороги на Пшаду и закрытием дороги к лепрозорию. Однако заместитель начальника ВСУ СКФ полковник медицинской службы А.Е. Соколов в докладе военному совету СКФ просил оставить Холмский лепрозорий, который наряду с Абинским являлся одним из крупнейших в Советском Союзе, на прежнем месте. Своё решение он аргументировал наличием значительных очагов лепры в Ростовской области и на Кубани. К примеру, в мае 1943 года в селе Глафировка Лиманского района Краснодарского края среди гражданского населения были выявлены 11 лепрозных больных²⁵.

При этом связь лепрозория со станцией Холмской предлагалось осуществлять по лесной тропе и через реку Зыбза. Одновременно требовалось завершить выселение с его территории размещавшихся там воинских частей и представителей гражданского населения, установив режим ох-

раны. Докладная аналогичного содержания была направлена в адрес начальника противозидемического управления Главного военно-санитарного управления Красной армии генерал-майора медицинской службы Т.Е. Болдырева. В результате лепрозорий остался на прежнем месте, продолжив работу, как отмечалось в документах, «без ущерба для дорог стратегического значения»²⁶.

С 1945 года Холмский лепрозорий стал именоваться отделением Абинского лепрозория, а в 1948 году Абинский лепрозорий был переведён в Краснодарский экспериментально-клинический лепрозорий (больница Очаповского). Несмотря на организационные мероприятия, с 1945 года стала налаживаться эпидемиологическая работа, начались выезды на обследование по Кубани. С 1949 года больных стали выписывать на амбулаторное лечение.

В 1952 году началось строительство новых жилых домов, коттежей, бани, котельной, новой школы, очистных сооружений, пищеблока, клуба сотрудников, здания администрации. Понемногу устраивались быт сотрудников и пациентов лепрозория, лечебная база. Был построен стационар со всеми видами обслуживания и амбулаторной службы.

В 1962 году было окончательно закрыто Холмское отделение лепрозория, и все врачи, вспомогательные службы и больные переселились в Абинский клинический лепрозорий.

Свежих случаев лепры за последние годы не выявлено. С 1991 года учреждение продолжало функционировать как Абинский краевой лепрозорий, располагаясь в посёлке Синегорск Абинского района Краснодарского края. Вплоть до 2008 года при нём действовал детский дом²⁷.

Подводя итог, отметим следующее. Благодаря решительным и грамотным действиям руководства и специалистов санитарной службы ЧГВ ЗакФ в сложных условиях обстановки

Перезахоронение советских воинов, погибших в районе лепрозория
пос. Ахтырский Краснодарского края, 1960—1970-е гг.
Музей Абинского района

удалось организовать и провести групповую эвакуацию почти 500 человек контингента и сотрудников Холмского и Абинского лепрозориев и детского дома для здоровых детей, чьи родители являлись пациентами этих учреждений. Кроме того, был осуществлён вывоз около 50 т имущества, личных вещей и продуктов питания.

Военно-медицинская служба, сумев обеспечить сохранение жизней большого числа людей, приобрела бесценный опыт планирования и проведения лечебно-эвакуационных мероприятий в армейском и фронтовом районах во взаимодействии с другими службами Красной армии и гражданскими учреждениями с использованием

различных видов транспорта. Благодаря самоотверженному труду врачей, медсестёр, нянечек и всего обслуживающего персонала лепрозория в борьбе с лепрой как в годы войны, так и в послевоенное время значительно улучшилась медико-санитарная обстановка на территории Абинского района Краснодарского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственное казённое учреждение здравоохранения «Лепрозорий» министерства здравоохранения Краснодарского края. История лепрозория (http://лепрозори.рф/istoriya_leprozoriya).

² Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (военно-медицинских документов) (г. Санкт-Петербург) (Филиал ЦАМО РФ). Ф. 28. Оп. 7559. Д. 19. Л. 175.

³ Дуйко В.В., Валова О.Г., Рябуха М.Г. и др. Лепра на Юге России // Главный врач Юга России. 2007. № 3(11). С. 22.

⁴ Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. С. 133.

⁵ Лютов Е.Е. Боевые действия в Абинском районе южнее станиц Ахтырской — Холмской в августе—декабре 1942 г. // «Копыл»: ежеквартальный историко-краеведческий альманах. 2013. № 2. С. 29—32.

⁶ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 17. Оп. 52989. Д. 3. Л. 18.

⁷ Фуфалько Б.Д. Славянский партизанский куст: историко-документальный очерк // Славянский краевед: приложение к историко-краеведческому альманаху «Копыл». 2013. № 1. С. 61.

⁸ Карташев И.В. Здравоохранение на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942—1943 гг. Ставрополь: Изд. СтГМУ, 2022. С. 205; Об уничтожении немецко-фашистскими оккупантами пациентов психиатрической больницы в дер. Микулино Лотошинского района Московской обл. в 1941 г. и воспитанников-инвалидов Симферопольского дома-интерната в г. Ейске в 1942 г. см.: Кикнадзе В.Г., Романько С.В., Саенко А.С. [и др.] Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны: монография / Под науч. ред. В.Г. Кикнадзе. М.: Прометей, 2024. С. 97, 475—186; 808—811, 872—875. EDN: DPTLDX.

⁹ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 17. Оп. 52989. Д. 3. Л. 23.

¹⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2356. Л. 201; Оп. 686044. Д. 2348. Л. 231.

¹¹ Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941—1945 гг. (www.soldat.ru/hospital.html).

¹² Филиал ЦАМО РФ. Ф. 17. Оп. 52989. Д. 3. Л. 23.

¹³ Там же. Л. 60.

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Вайнер Б.А. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1989. С. 132.

¹⁶ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 17. Оп. 52989. Д. 3. Л. 60.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 233. Л. 652.

¹⁸ Там же. Л. 592.

¹⁹ Следственное дело о гибели теплохода «Армения». 1941 г. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Республике Крым.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 233. Л. 587.

²¹ Там же. Л. 616.

²² Гречко А.А. Указ. соч. С. 291, 346.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. А-71693. Д. 1921. Л. 2—5.

²⁴ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 7559. Д. 19. Л. 154—155.

²⁵ Там же. Д. 40. Л. 80.

²⁶ Там же. Д. 19. Л. 175—176.

²⁷ Государственное казённое учреждение здравоохранения «Лепрозорий» министерства здравоохранения Краснодарского края. История лепрозория (http://лепрозори.рф/istoriya_leprozoriya).

I.V. Kartashev

«...FOR THE FIRST TIME IN MEDICAL HISTORY, PERFORMED A MASS EVACUATION OF LEPROSY PATIENTS FROM MILITARY AND FRONT-LINE AREAS»

The role of military doctors in saving the lives of patients in leprosy hospitals in the Abinsk region during the Battle of the Caucasus (1942—1943)

Information about author. Igor Kartashev — leading specialist of the Center for the Study of the History of Medicine at Stavropol State Medical University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Stavropol. E-mail: kartashev_iv@mail.ru).

Summary. This paper discusses the work of the Red Army's military sanitary service in organizing and executing a unique operation: the evacuation of patients, equipment, and staff from leprosy hospitals in Abinsk and Kholmnsk, Krasnodarskiy Kray, during the occupation of the region by German forces during the Battle of the Caucasus (1942—1943). The paper highlights the contribution of medical professionals in saving the lives of patients with leprosy and restoring the function of these hospitals after the liberation of the area from Nazi control. The paper also mentions some of the most notable members of the medical staff of the Black Sea Group of Forces of the Transcaucasus Front who were involved in this operation. The author used documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation and a branch of the Central Archive of the Ministry, as well as results of previous scientific research and reference materials. The author also used information from online resources. Some documents were introduced into scientific circulation for the first time in this study.

Keywords: Great Patriotic War; Battle of the Caucasus; Black Sea Group of Forces; military medical service; evacuation; health care; leprosarium; Kholmnskaya; Abinskaya; patients; leprosy.

«БАТАРЕЯ “РС”... ТРЕМЯ ЗАЛПАМИ ПО ПРОТИВНИКУ НАНЕСЛА ЕМУ ТАКИЕ ПОТЕРИ, ЧТО ОН ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ВЫВОЗИЛ РАНЕНЫХ И ПОДБИРАЛ УБИТЫХ...»

Новые данные о действиях батареи реактивной артиллерии под командованием капитана И.А. Флёрова в Смоленском сражении 1941 года

Сведения об авторе. Милютин Александр Анатольевич — исследователь, член РВИО (Москва. E-mail: aldr@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена реконструкции хронологии формирования и боевых действий батареи реактивной артиллерии под командованием капитана И.А. Флёрова с конца июня по 7 августа 1941 года. До недавнего времени единственными архивными источниками о формировании батареи и отправке её на фронт были приказ командующего войсками МВО от 28 июня 1941 года, справка № 2 от 6 июля 1941 года за подписью военного инженера 1 ранга В.В. Аборенкова и два донесения подполковника А.И. Кривошапова (от 19 июля 1941 г. и 30 марта 1942 г.), сопровождавшего батарею на фронт. Оба донесения и справка № 2, частично недостоверные по содержанию, противоречившие друг другу, не отражали реальных событий. Вследствие этого ратный подвиг воинов батареи оставался малоизвестным. Анализ этих документов был затруднён из-за отсутствия в научном обороте параллельных материалов. Источником для настоящей статьи послужили выявленные автором и вводимые в научный оборот ранее неизвестные немецкие и советские архивные документы из национального архива США (NARA), Центрального архива Министерства обороны РФ, Архива УФСБ России по Омской области и др. Новизна работы заключается в воссоздании хронологии формирования и боевых действий батареи во время Смоленской оборонительной операции согласно введённым в оборот источникам, оценке реального численного и боевого состава батареи в означенный период. Всё это в комплексе обуславливает актуальность представляемого исследования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; Смоленская оборонительная операция (июль 1941 г.); реактивные установки «катюша»; НИИ-3; БМ-13; батарея капитана И.А. Флёрова.

В книге «Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне»¹ эпизод о формировании батареи взят из приказа командующего войсками МВО № 10864 от 28 июня 1941 года. Действия батареи под Оршей описаны так же, как и в рапорте подполковника А.И. Кривошапова² от 30 марта 1942 года³, т.е. было 2 залпа 15 июля 1941 года. В обоих эпизодах нет ссылок на архивные источники, но содержание соответствует указанным документам.

Среди современных исследователей можно выделить С.В. Гурова, который специализируется на техническом устройстве реактивных установок⁴. Но в его совместной статье с Э.Э. Навогонским отсутствует критическое осмысление источников⁵, в т.ч. информации из книги Н.М. Афанасьева, ос-

нованной на воспоминаниях батарейцев⁶.

Действия, совершённые воинами батареи во главе с капитаном И.А. Флёровым в июле 1941 года, по праву можно назвать героическими, доблестными, важными по своему значению, совершёнными в трудных условиях. Представим, что необходимо в боевых условиях испытать новое оружие, которое не только не принято на вооружение, не прошло полигонных испытаний, но даже изготовлено не на заводе, а в мастерских НИИ-3 (Реактивный научно-исследовательский институт, с 1937 г. НИИ-3). Причём новое оружие, а это установки БМ-13 (первое название — механизированные установки, МУ), известные позже как «катюши», уже изрядно изношено в процессе испытаний экспериментальных

партий ракет, местами покрыто ржавчиной при хранении на открытом воздухе без надлежащего обслуживания.

К началу войны в СССР имелось лишь 7 экспериментальных установок, состояние которых оставляло желать лучшего, о чём свидетельствуют документы. В письме директору НИИ-3 от 21 мая 1941 года по вопросу рекламации Центральной военной базы (ЦВБ) № 36 к НИИ-3 начальник 3-го отдела Управления вооружения наземной артиллерии (УВНА) ГАУ КА военинженер 1 ранга Ильюшин отмечал: «Доставленные для сдачи на военную базу № 36 две автоустановки для пуска РС (реактивных снарядов. — Прим. авт.), изготовленные в НИИ-3, находились в безобразном состоянии...»⁷.

В июне 1941 года три установки были отправлены на

Софринский полигон для показательных стрельб для членов Правительства СССР. Обследование состояния техники перед стрельбами показало, что «в результате плохого хранения автоустановки приведены в неудовлетворительное состояние. Направляющие спарки, являющиеся одним из наиболее ответственных механизмов автоустановки, почти сплошь покрыты глубокой ржавчиной... Автоустановки поставлены на хранение на болотистом грунте. В результате этого при выдаче 7.6.41 в течение трёх часов две автоустановки не могли быть выведены с технической территории Базы и были вытащены лишь с помощью трактора»⁸.

С установками в таком состоянии батарея под командованием капитана Флёрова и была отправлена на фронт.

Недостаточной была и подготовка самих батарейцев. Личный состав подразделения, включая командиров, не имел понятия о новом совершенно секретном оружии. Рядовой и сержантский состав был набран на сборных пунктах Москвы за одни сутки. Хорошо, что вместе с батареей отправились инженеры НИИ-3 А.С. Попов и Д.А. Шитов, которые в течение нескольких дней должны были научить расчёты обращению с установками и ракетами, хотя и ракет пока не было в наличии. Отсутствовали утверждённые таблицы для стрельбы, а ведь траектория полёта реактивного снаряда отличается от траектории снаряда ствольной артиллерии. Не было нормативных документов по эксплуатации и обслуживанию установок. Запрещено было вести записи при пояснениях инженеров. При этом комсостав батареи должен был научить семь огневых расчётов синхронным действиям при залповой стрельбе из неизвестных установок.

Кроме того, командный и начальствующий состав батареи до отправки на фронт должен был сначала получить наряды, а затем по ним имущество

на складах: обмундирование, стрелковое вооружение и боеприпасы к нему, гаубицу для пристрелки и снаряды к ней, медицинское, штабное, хозяйственное, инженерное имущество, средства химзащиты, продукты питания и полевую кухню, грузовые автомашины ГАЗ-АА из народного хозяйства вместе с призванными водителями, грузовые машины ЗИС-5 для перевозки снарядов и сами снаряды (ЗИС-5 и реактивные снаряды не были получены), автомастерскую (не получена), водомаслозаправщик (не получен), штабную машину на базе ГАЗ-АА (она же санитарная) и прочее имущество, которое полагалось отдельной батарее для выполнения боевой задачи.

24 июня начальник Генштаба Красной армии (НГШ КА) генерал армии Г.К. Жуков со ссылкой на приказ наркома обороны СССР маршала С.К. Тимошенко издал приказ о формировании пяти отдельных артиллерийских дивизионов реактивной артиллерии на базе Горьковского училища зенитной артиллерии к 15 июля 1941 года⁹. Однако установки для дивизионов ещё не были изготовлены.

28 июня начальник Главного артиллерийского управления Красной армии (ГАУ РККА) генерал-полковник Н.Д. Яковлев издал приказ № 277313сс о формировании отдельной артбатареи РГК со ссылкой на приказ наркома обороны¹⁰. Батарею необходимо было сформировать к 30 июня, т.е. за один день 29 июня. Этот приказ, вероятно, поступил с самого верха, т.к. из журнала посещений председателя Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталина известно, что 27 июня до 23 ч 00 мин у него были маршал С.К. Тимошенко и генерал армии Г.К. Жуков.

В тот же день, 28 июня, приказ был транслирован штабом Московского военного округа (МВО) начальнику 1-го Московского артиллерийского училища (1 МАУ) полковнику Ю.П. Бажанову и соответствующим службам

округа (приказ МВО № 10864)¹¹. Батарею было приказано сформировать к исходу 30 июня, т.е. за два дня, что также было нереально.

Комсостав батареи был назначен из кадровых военнослужащих, а начсостав — из запаса, всего 15 человек, несмотря на то что полковник Ю.П. Бажанов в донесении об отправке батареи на фронт указал, что она укомплектована по штату комначсостава 14 человек¹².

Комсостав: командир батареи капитан И.А. Флёров, военком политрук И.Ф. Журавлёв, помком лейтенант К.К. Сериков, начальник связи старший лейтенант П.К. Витряк, командир взвода управления лейтенант М.И. Науменко, командир 1-го огневого взвода лейтенант Н.А. Малышкин, командир 2-го огневого взвода лейтенант И.Ф. Костюков, командир 3-го огневого взвода лейтенант А.С. Подгорный, командир взвода боепитания лейтенант Н.Н. Бобровников, командир транспортного взвода лейтенант А.В. Кузьмин.

Техсостав: помпотех воентехник 2 ранга И.Н. Бобров, электротехник и пиротехник воентехник 2 ранга А.К. Поляков, техник по авто воентехник 2 ранга И.Д. Скигин.

Адмхоз и медсостав: начфин техник-интендант 2 ранга Я.И. Терпеливый, военфельдшер батареи старший военфельдшер Ю.В. Автономова.

По временному штату в батарее должно было быть девять установок РА БМ-13¹³, однако две установки с Воронежского завода им. Коминтерна не прибыли, и батарея убыла на фронт с семью экспериментальными установками, которые уже были изрядно потрепаны отстрелом опытных партий снарядов и не были предназначены для боевых действий. Две установки были отправлены из Воронежа в Москву согласно донесению военпреда завода в 6 ч 00 мин 2 июля¹⁴, а 6 июля находились на Центральной военной базе

Командно-начальствующий состав батареи РА под командованием капитана И.А. Флёрова

*Фотографии взяты из учётно-послужных карт
Коллаж выполнен автором*

Экспериментальная установка батареи под командованием капитана И.А. Флёрова (внизу) и захваченная немцами серийная установка (вверху)

Коллаж выполнен автором

№ 36 в г. Бабушкино Московской области¹⁵.

Как говорилось выше, в отчёте о формировании батареи¹⁶ полковник Ю.П. Бажанов указал, что она сформирована по штату, но это не соответствовало действительности.

Подразделение вышло на марш в 22 ч 2 июля¹⁷, однако военинженер 1 ранга В.В. Аборенков, курировавший формирование батареи от ГАУ КА, отчитался о её отправке на фронт уже 1 июля¹⁸.

Экспериментальные установки батареи под командованием капитана И.А. Флёрова¹⁹ на базе автомашины ЗИС-6 имели некоторые отличия от серийных машин. Визуальное отличие — необлегчённые направляющие (в октябре 1941 г. под Вязьмой немцы захватили несколько серийных установок с боеприпасами, изучили их и сделали фотоснимки).

Штат на 198 человек не был заполнен, несмотря на то что полковник Ю.П. Бажанов отчитался об укомплектованности батареи личным составом на 100 проц. Данных о фактическом составе батареи не выявлено, но в подразделении не было двух расчётов по причине отсутствия двух установок из девяти, 30 машин ЗИС-5 с водителями из взвода боевого питания. Отсутствовали походная зарядная станция (ПЗС), водомаслозаправщик и автомастерская. Таким образом, в батарее в строю было не более 140—145 человек из 198 по штату, а возможно, и меньше.

Только 7 июля был сформирован 554-й отдельный автобатальон для доставки боеприпасов на фронт. Многие призванные из запаса водители не имели достаточного опыта в перевозке взрывоопасных грузов, некоторые из них никогда не ездили в колонне, не совершали длительных маршей.

8 июля авторота этого батальона получила наряд на доставку 900 выстрелов в батарею капитана Флёрова по маршруту ЦВБ № 36 — артсклад на стан-

ции Красное в 65 км западнее Смоленска. Но артсклад служил лишь ориентиром для встречи с представителем батареи. Причём после доставки боеприпасов авторота должна была поступить в распоряжение командира батареи. Именно это свидетельствует о том, что 2 июля батарея ушла на фронт без боеприпасов и автомобилей взвода боевого питания.

В ночь с 8 на 9 июля на ЦВБ № 36 прибыла авторота, в которой были 32 машины ЗИС-5 (из них одна для перевозки бочек с бензином и одна запасная) из расчёта погрузки 900 выстрелов (30 выстрелов на машину). Однако авторота получила только 600 выстрелов. Погрузили по 20 выстрелов на грузовик (по 10 ящиков). После оформления документов авторота убыла к месту назначения²⁰.

11 июля в 14 ч 00 мин автоколонна с боеприпасами прибыла на ст. Красное, которую в это время бомбила немецкая авиация. Представитель батареи автороте не встретил, а при рассредоточении автоколонны с целью избежать атак авиации «потерялись» несколько машин с боеприпасами. Проведённое в конце августа расследование на ЦВБ № 36 показало, что две машины разгрузились в вагоны на артскладе на ст. Красное²¹. Одна машина — на аэродроме в Смоленске, где груз был принят как авиабомбы²², и одна машина — на артскладе № 1405 под Вязьмой²³.

В итоге на позицию батареи были доставлены 520 выстрелов из 600. И хотя показания отдельных командиров и начальников, сопровождавших колонну, частично противоречивы, наличие первичных документов (актов сдачи-приёмки или расписок), а также показания водителей и сопровождавших лиц позволили установить достоверные факты.

В тот же день 11 июля с ЦВБ № 36 вышла вторая колонна с 252 выстрелами для батареи капитана Флёрова. Очевидная причина выдачи 252 выстрелов

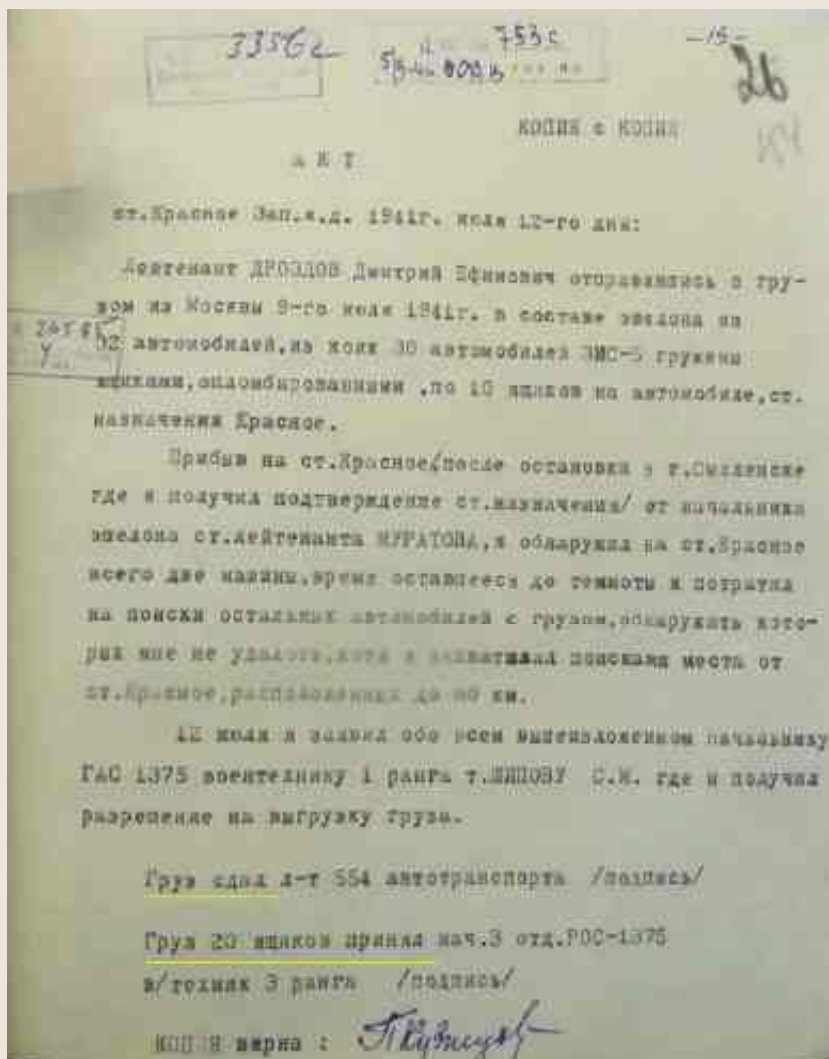
вместо 300 — их отсутствие на базе. Всего обеими колоннами были отправлены 852 выстрела из 900 по наряду.

Вместе с тем в документах ГАУ КА доставка боеприпасов описана иначе. Так, военинженер 1 ранга В.В. Аборенков в справке № 2 от 6 июля 1941 года указал, что с батареей были отправлены 1500 выстрелов, а сама она самостоятельно транспортировала 600 выстрелов. Эти сведения не соответствовали действительности. Батарея ушла на фронт без выстрелов к установкам. Критика документов А.И. Кривошапова и В.В. Аборенкова приведена в отдельной статье²⁴.

До 12 июля боевые расчёты изучали матчасть и отрабатывали навыки обращения с установками, в т.ч. стрельбы

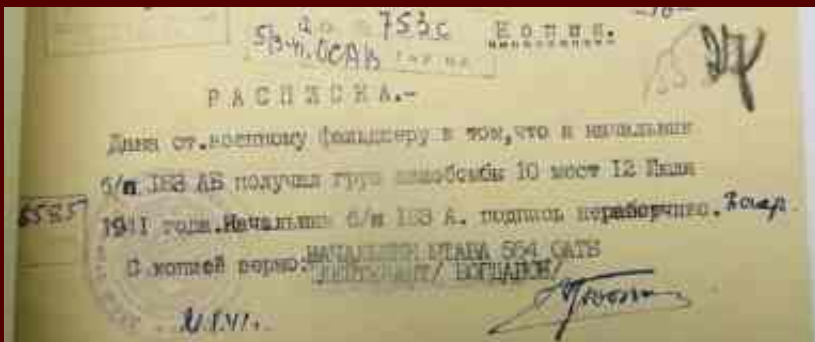
залпом, хотя этот вид стрельбы не испытывался даже на полигоне. Он требовал синхронных действий всех семи расчётов, т.к. после залпа следовало привести установки в походное положение и немедленно покинуть огневую позицию, чтобы не попасть под контрбатарейный огонь противника. Дело в том, что при залпе РА в небо поднималось большое облако пыли и дымных следов от ракетных двигателей, которые демаскировали позиции.

12 июля последовало распоряжение заместителя начальника артиллерии Западного фронта генерал-майора Г.С. Кариофилли об отправке пяти машин с боеприпасами (100 снарядов) на огневые позиции батареи²⁵, причём было указано, что остальные

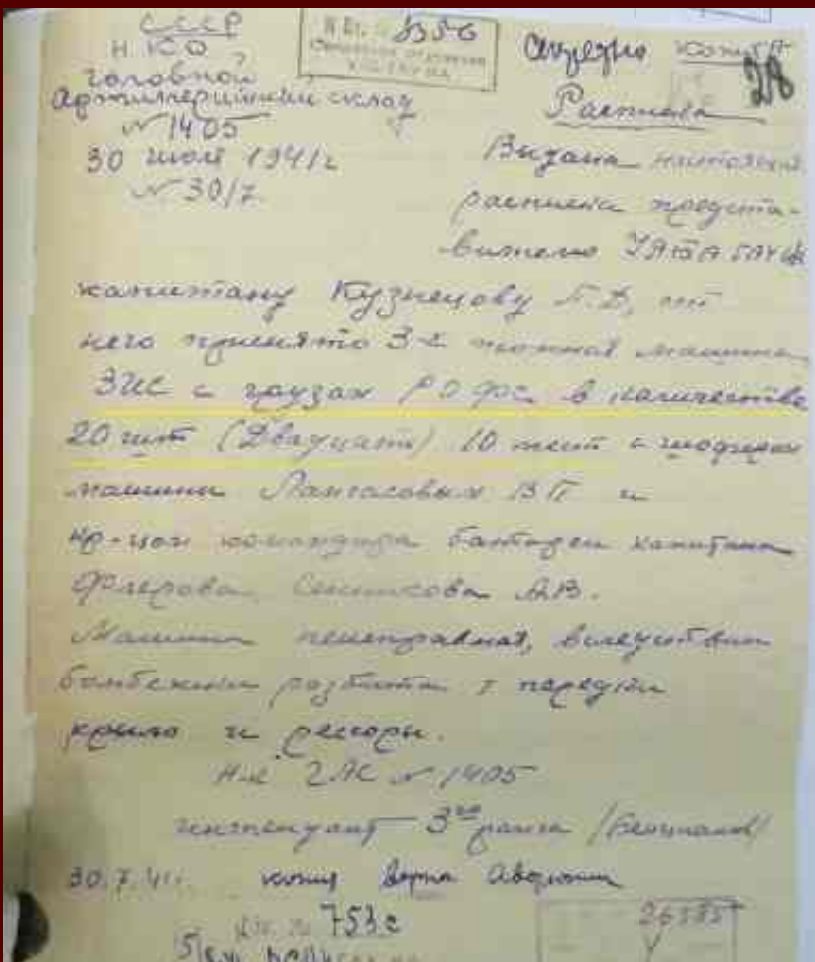

Акт о сдаче 40 выстрелов в 20 ящиках на ГАС № 1375

Фото автора

Расписка о сдаче 20 выстрелов в 10 ящиках на 183-ю авиабазу под Смоленском
Фото автора

Расписка о сдаче 20 выстрелов в 10 ящиках на ГАС № 1405 под Вязьмой
Фото автора

Распоряжение заместителя начальника артиллерии Запфронта генерал-майора Г.С. Кариофилли о направлении пяти машин на огневые позиции батареи капитана И.А. Флёрова
Фото автора

25 машин находятся в районе станции Красное. Получение распоряжения подтвердил сопровождавший батарею представитель ГАУ КА воентехник 1 ранга К.В. Егоров²⁶.

Доставка пяти машин подтверждается его же объяснительной запиской²⁷, в которой говорилось: «На огневые позиции (ОП) прибыли на 5 машинах вместе с представителем штаба фронта 12 июля в 23 ч 30 м. Для приёмки имущества капитан Флёров назначил своего помощника по технической части воентехника 2 ранга Боброва И.Н.²⁸, который 5 машин принял на ОП».

Из этого можно сделать вывод, что до 12 июля не было расхода боеприпасов, доставленных первой автоколонной, следовательно, залп по Орше был первым боевым применением реактивных установок (РУ) БМ-13 в СССР. О том, что первая автоколонна доставила боеприпасы не в полном объёме, заместитель начальника артиллерии Запфронта генерал-майор Г.С. Кариофилли ещё не знал.

После выполнения задачи автороте было приказано явиться к генерал-майору Кариофилли в полном составе. Под выполнением задачи подразумевался расход всех боеприпасов.

Так как штаб Западного фронта планировал переместиться из д. Гнездово в 14 км западнее Смоленска в район Вязьмы, батарея 10 июля передислоцировалась в район расположения штаба 20-й армии в дер. Белеи (Беляи) (около 60 км западнее Смоленска)²⁹, поскольку РУ и ракеты были секретными, а штаб имел достаточные силы и средства, чтобы обеспечить надёжную охрану особого подразделения. 12 июля 20-я армия впервые указала в своём подчинении «Особую батарею реактивного действия», но без сведений о её составе³⁰.

Причём батарея подчинялась Западному фронту³¹, а 20-й армии — только в оперативном отношении, и даже не отчиты-

валась перед штабом армии. Об этом заявил его представитель при расследовании Особым отделом (ОО) НКВД Запфронта факта недопоставки снарядов в батарею³².

13 июля в 6 ч утра вторая колонна с боеприпасами прибыла на станцию Красное, где её должен был встретить представитель батареи. После безуспешных поисков представителя часть машин была разгружена в железнодорожные вагоны на артскладе³³, который готовился к эвакуации, а остальные машины, для разгрузки которых не хватило вагонов, убыли обратно в Москву³⁴. Таким образом, батарея получила только 520 из 852 выстрелов, отправленных с ЦВБ № 36.

14 июля 1941 года с ЦВБ № 36 была отправлена машина с инструментами, которая на следующий день была уничтожена авиацией противника в 2 км от Смоленска³⁵.

Последующее расследование неполной доставки выстрелов в батарею, проведённое ОО НКВД Запфронта, показало, что выстрелы, разгруженные в вагоны на артскладе на ст. Красное, вероятно, были уничтожены во время бомбардировки эшелона при следовании его в тыл, т.к. эшелон не прибыл на станцию назначения. Но материалы следствия в отношении количества недоставленных боеприпасов были неточны и основаны только на показаниях лиц, которые не обладали всей полнотой информации, тогда как расследование, проведённое на ЦВБ № 36, имеет полный набор первичной документации.

Общая обстановка в районе действий 20-й армии Запфронта складывалась следующим образом. 11 июля 29-я моторизованная дивизия (мд) 2-й танковой группы под командованием генерал-полковника Г. Гудериана прорвала оборону 20-й армии у Копыси (23 км южнее Орши), захватила плацдарм на берегу

Днепра и обеспечила переправу 18-й танковой дивизии (тд).

Немецкой 17-й танковой дивизии командир 47-го танкового корпуса (тк) поставил задачу: при слабом сопротивлении советских войск занять Оршу, а при сильном сопротивлении — оставить у Орши только небольшой заслон для прикрытия северного фланга корпуса³⁶.

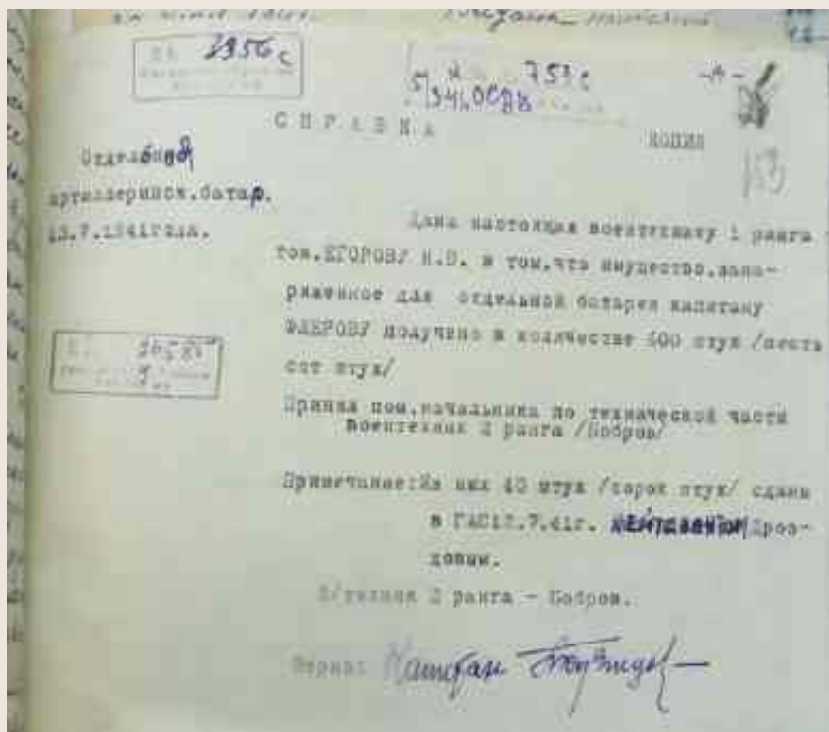
Наши части, кроме 73-й стрелковой дивизии (сд), 12 июля отошли на восточный берег Днепра в районе Орши, взорвав автодорожный мост в Орше и железнодорожный мост в 4 км южнее города. Однако, по данным немецкой авиаразведки, между взорванными мостами осталась действовавшая понтонная переправа³⁷.

73 сд 13 июля заняла оборону между реками Оршицей и Днепром, имея задачу не допустить выхода противника к Минскому шоссе³⁸. В складывавшейся критической обстановке для недопущения прорыва противника и было задействовано Особое подразделение РА.

Батарея капитана Флёрова, получив 100 снарядов в 23 ч 30 мин 12 июля, произ-

вела 13 июля первый и единственный залп из 6 исправных установок по железнодорожному вокзалу в Орше, действуя из района обороны 73 сд. Одна установка из семи была полностью неисправна и не сделала ни одного выстрела до отправки в ремонт после выхода батареи из окружения в начале августа.

Однако подполковник А.И. Кривошапов в докладе от 19 июля³⁹ начальнику ГАУ КА генерал-полковнику Н.Д. Яковлеву сообщил о двух залпах по Орше 14 июля (всего 190 выстрелов). Эти сведения недостоверны как по количеству выстрелов, так и по дате, т.к. на огневых позициях имелось только 100 выстрелов для одного залпа из шести установок (96 выстрелов). Указанного А.И. Кривошаповым залпа по переправе через Днепр не было. Причина того, что он доложил о двух залпах, вероятно, была связана с желанием ответственных лиц скрыть «потерю» нескольких машин с боеприпасами, т.к. первоначально предполагалось, что «потеряны» пять автомашин (100 выстрелов), поэтому сдат-

Справка помощника командира батареи по техчасти И.Н. Боброва командованию автороты
Фото автора

чики «уговорили» командование батареи подписать документы на приёмку 600 выстрелов⁴⁰.

40 выстрелов, сданных лейтенантом Д.Е. Дроздовым на головной артсклад (ГАС) № 1375 (ст. Красное), не были получены батареей: эти выстрелы вместе с боеприпасами, разгруженными на этом складе второй автоколонной, были вывезены грузовым железнодорожным составом, который не прибыл в пункт назначения.

По Орше был произведён только один залп. И дата залпа 13, а не 14 июля. 14 июля немцы уже заняли не только Оршу на западном и восточном берегах Днепра, но и район между реками Оршица и Днепр в 14 км севернее Орши. Расстояние до цели почти в два раза превышало предельную дальность стрельбы реактивных установок (около 8 км).

Залп батареи по Орше не был зафиксирован противником (17 тд), т.к. это бронетанковое соединение в полном составе 13 июля ещё не вошло в город. В восточную часть города вошёл только небольшой отряд немецкой разведки, а остальные части дивизии находились вне городской черты. Залп же был произведён по железнодорожному вокзалу, находившемуся в западной части Орши. На фрагменте карты показаны примерное место огневой позиции, расположение цели (стрелка) и место фактического падения реактивных снарядов (отмечено кружком). Дополнительно можно отметить, что все последующие залпы первых батарей, в т.ч. батареи капитана Флёрова, были зафиксированы немцами. А для части залпов было указано даже количество выстрелов в залпе и действие снарядов у цели.

Расстояние от огневой позиции батареи до цели было около 6 км, и почти все ракеты упали в районе пристанционного посёлка, который сгорел⁴¹. Ни наших, ни немецких эшелонов на станции не было.

17 июля согласно немецким документам⁴² над Оршей барражировали пять советских самолётов, однако бомбы они не сбрасывали. Вероятно, это прилетала наша авиаразведка для фиксации результатов стрельбы батареи капитана И.А. Флёрова.

15 июля немецкая 7-я танковая дивизия перерезала Минское шоссе в районе г. Ярцево (северо-восточнее Смоленска), а ещё через несколько дней немецкая артиллерия начала интенсивный обстрел Соловьёвской переправы через Днепр на Старой Смоленской дороге, срывая вывод советских войск и эвакуацию техники. Части 16, 19 и 20-й армий Запфронта оказались в оперативном окружении.

В тот же день с южной стороны к Смоленску вышла 29-я моторизованная дивизия противника и захватила южную часть города до Днепра. Ей была поставлена задача захватить плацдарм на северном берегу реки и, соединившись с 7-й танковой дивизией 39 тк 3-й танковой группы под командованием генерал-полковника Г. Гота у г. Ярцево, полностью окружить наши войска. Однако героическая оборона частей 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина сорвала этот план, и немецкие части вынуждены были двигаться вдоль левого берега Днепра, надеясь соединиться у Старой Смоленской дороги.

Так формировалось кольцо окружения под Смоленском, и батарея капитана И.А. Флёрова в дальнейшем действовала именно в этих условиях.

19 июля батарея дала три залпа под г. Рудней. Залпы зафиксированы немцами как «огонь автоматических быстростреляющих орудий»⁴³. Расположение частей обеих сторон на вечер 19 июля показано на фрагменте немецкой карты 5-го армейского корпуса⁴⁴.

В докладе военного совета Западного направления в Ставку

ВГК 24 июля о действиях батареи под Рудней отмечалось: «Особенно эффективное и успешное действие в разгроме 5-й пехотной дивизии оказала батарея “РС”, которая тремя залпами по сосредоточенному в Рудня (так в источнике. — **Прим. авт.**) противнику нанесла ему такие потери, что он целый день выводил раненых и подбирал убитых, остановив наступление на целый день»⁴⁵.

И хотя реальные результаты были совсем не такими успешными, как они представлены в докладе, но именно этот доклад, отметивший высокую эффективность нового оружия, послужил толчком к бурному развитию реактивной артиллерии. Почему же германские пехотинцы дрогнули и бежали с поля боя, а командование 5-й пехотной дивизии (пд) остановило наступление на сутки? Ответ на первый вопрос кроется в генетической памяти немецких солдат о результатах применения химического оружия во время Первой мировой войны и массового поражения личного состава от его воздействия. Разбрызгивающаяся ярко-жёлтая самовоспламеняющаяся жидкость, которая появлялась при разрыве снарядов советской РА, была очень похожа на отравляющее вещество (ОВ). Об интересе немцев к вопросам производства и применения химоружия Красной армией свидетельствует наличие соответствующих вопросов, которые задавало германское командование советским военнопленным в начальный период войны.

Ответ на второй вопрос заключается в том, что 5 пд получила приказ сменить в Рудне 12-ю танковую дивизию (39 тк 3-й танковой гр.) и заняла город только одним батальоном⁴⁶, т.к. это была полоса действий 35 пд (разделительная линия между дивизиями проходила севернее Рудни), которая увязла в боях с прорывавшейся из окружения 153-й стрелковой дивизией РККА западнее г. Рудни. Как только 35 пд вышла к Рудне,

батальон 5 пд вернулся в расположение своей дивизии.

После четырёх залпов в батарее осталось 136 снарядов из 520, т.е. чуть больше, чем на один батарейный залп, который батарея должна была иметь для самообороны, и до выхода из окружения батарейных залпов больше не было.

Подтверждением того, что батарея до 20 июля сделала четыре залпа, является рапорт командира автороты, который в тот день сообщил, что получил для отправки в Москву 192 пустых ящика из-под боеприпасов⁴⁷. Дело в том, что сами ящики не только были возвратной

тарой, но и подлежали строгой отчётности, по которой отслеживался расход боеприпасов. В 192 ящиках размещались 384 снаряда, которыми можно было произвести четыре залпа из шести установок по 16 ракет. И так как по г. Рудне 19 июля было сделано три залпа из шести установок, то по Орше мог быть произведён только один залп из шести установок, что дополнительно подтверждает отсутствие второго залпа по Орше.

29 июля батарея дала залп одной установкой по д. Ивахово в 14 км севернее Смоленска, в результате чего получил ожо-

ги лейтенант из артполка немецкой 5 пд⁴⁸. После обстрела Ивахово в батарее осталось 120 выстрелов⁴⁹.

Об эффективности применения советской реактивной артиллерии в то время можно судить по рекомендации Верховного командования сухопутных войск Германии (ОКХ), в которой отмечалось: «Противник применил по одной позиции артиллерийские боеприпасы, наполненные зажигательной жидкостью. Верховное командование сухопутных войск на это рекомендует: <...> Для обороны против боеприпасов с зажигательной жид-

Фрагмент карты г. Орши с нанесёнными данными о залпе батареи

Нанесение данных на фрагменты карт ГШ РККА N-36-39-Биг и «склейка» карт выполнены автором

костью необходимо применять защитные накидки, которые довольно-таки нечувствительны к действию горючей жидкости. О появлении зажигательных боеприпасов необходимо докладывать»⁵⁰.

Защитные накидки в германской армии применялись против отравляющих веществ. Однако в июле 1941 года под Смоленском она столкнулась с другим видом боеприпасов. С каждым днём увеличивалось и количество установок РА в РККА. Кроме залпов батареи капитана И.А. Флёрова, в самом конце июля были зафиксированы залпы батареи лейтенанта А.М. Куна⁵¹ в группе Калинина (генерал-лейтенант С.А. Калинин командовал в Смоленском сражении 24 А, а затем одной из оперативных групп Западного направления). Опергруппа Калинина была образована приказом ГК Западного направления № 0080 от 22 июля 1941 года в составе 166, 91 и 89 сд⁵² (затем 19-я армия)⁵³. Таким образом, было установлено, что в первых боеприпасах реактивной артиллерии боевая часть заполнялась самовоспламеняющейся жидкостью типа КС, применявшейся также в некоторых типах бутылок для борьбы с танками. В арсенале РА Красной армии имелись реактивные химические снаряды РХС длиной 160 см, ёмкостью боевой части 6 куб. дм, осколочно-фугасные снаряды РОФС длиной 144 см. Был и ещё один вид боеприпаса для использования в РУ. До октября 1941 года советская реактивная артиллерия применяла снаряды длиной около 120 см, которые использовались с боевой частью в виде химснаряда ствольной артиллерии калибра 122 мм ёмкостью боевой части 2 куб. дм⁵⁴. На возможность монтажа боевой части снаряда 122 мм на ракетный двигатель указано в работе С.Н. Резниченко⁵⁵.

Какие же РС и с какой боевой частью использовались в первых залпах батареи РА капитана И.А. Флёрова? В делах ГАУ КА

полностью отсутствуют документы на этот счёт. Однако согласно немецким документам, в которых говорится о действии снарядов у цели, можно сделать вывод, что использовались не РОФС, а именно боеприпасы с самовоспламеняющейся жидкостью в боевой части от 122 мм химснарядов. И только с октября 1941 года в части реактивной артиллерии стали поступать боеприпасы с осколочно-фугасной боевой частью РОФС (4,9 кг взрывчатого вещества), которых впоследствии так боялись немецкие войска.

Как же батарее удалось выйти из окружения, если практически вся техника советских войск, оказавшихся в окружении, была потеряна? После прибытия в составе 20-й армии к Соловьёвской переправе командование батареи убедилось, что перебросить установки на восточный берег не удастся. В этих тяжёлых условиях капитан Флёров получил разрешение попытаться спасти машины на переправе 16-й армии в районе дер. Ратчино, южнее Соловьёвской переправы. Однако батарея получила разрешение переправить только боевые установки и один грузовик с боеприпасами, а всю остальную технику оставить на западном берегу Днепра. Для переброски на другой берег выстрелы пришлось снять с боевых машин и переносить по мосту на руках (масса одного выстрела, содержавшего самовоспламеняющуюся жидкость в боевой части, более 30 кг). Таким образом, в начале августа удалось вывести из окружения все семь боевых установок и 112 выстрелов. К сожалению, несколько РС были утеряны при опасной и тяжёлой ручной транспортировке по мосту (в документах приводятся разные данные), а четыре ракеты сгорели в транспортной автомашине до переправы. По этому поводу также было расследование ОО НКВД Запфронта⁵⁶.

После выхода из окружения две установки были отправлены в Москву на ремонт. Анализ

возникших при эксплуатации повреждений помог существенно улучшить конструкцию серийных установок.

Первая РУ была отправлена в ремонт в сопровождении боевого расчёта 6 августа. От командира батареи личный состав сопровождал воентехник А.К. Поляков.

Собственно, ратный подвиг батарейцев заключался в том, что в сложнейших условиях окружения поставленная командованием задача по первому боевому залповому применению установок реактивной артиллерии была выполнена. Все секретные РУ и боеприпасы к ним не оказались в руках противника, а были выведены из окружения. Задача была выполнена, несмотря на то что до отправки на фронт личный состав подразделения не имел представления об установках и реактивных снарядах (РС), а сами экспериментальные РУ предназначались для полигонных испытаний боеприпасов.

К сожалению, все документы отдельной батареи сгорели в штабной машине под бомбёжкой до переправы через Днепр у д. Ратчино. И то, что удалось восстановить, является лишь небольшим фрагментом боевой истории уникального подразделения.

Последний залп батареи в качестве отдельного подразделения согласно оперсводке № 85 штаба Запфронта был произведён 7 августа в районе Соловьёвской переправы⁵⁷, чтобы помочь частям Красной армии, выходящим из окружения.

8 августа батарея под командованием капитана И.А. Флёрова вошла в состав 42-го отдельного артиллерийского дивизиона как 3-я батарея. В конце августа все экспериментальные установки были заменены на четыре серийные, и личный состав приведён в соответствие со штатом батареи в составе дивизиона. Часть командного состава была переведена на должности в штабе дивизиона.

¹ Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1955. Фотокопии предоставлены С.В. Гуровым.

² **Александр Иванович Кривошапов** — начальник метеослужбы Управления боевой подготовки Главного артиллерийского управления Красной армии (УБП ГАУ КА).

³ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Оп. 12196. Д. 572. Л. 52—59.

⁴ **Гуров С.В.** Из истории создания и развития полевой реактивной артиллерии в СССР в период Великой Отечественной войны // Ракетная техника. URL: <https://missilery.info>.

⁵ **Гуров С.В., Навогонский Э.Э.** Из истории формирования и боевого пути специальной батареи «РС» под командованием И.А. Флёрова // Там же.

⁶ **Афанасьев Н.М.** Подвиг первых ракетчиков. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1972.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 6. Л. 36.

⁸ Там же. Л. 64.

⁹ Там же. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 44. Л. 1, 2.

¹⁰ Там же. Д. 39. Л. 110. Штат батареи на 5 листах, упомянутый в приказе как приложение, отсутствует в деле.

¹¹ Там же. Л. 113—114.

¹² Там же. Л. 111—112.

¹³ Там же. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 14.

¹⁴ Там же. Д. 6. Л. 141.

¹⁵ Там же. Л. 116.

¹⁶ Там же. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 39. Л. 111—112.

¹⁷ Там же. Пометка о дате и времени отправки батареи.

¹⁸ Там же. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 13.

¹⁹ Там же. Л. 20.

²⁰ Там же. Оп. 12196. Д. 1. Л. 134.

²¹ Там же. Л. 154.

²² Там же. Л. 155.

²³ Там же. Л. 156.

²⁴ **Милютин А.А.** «К вопросу о достоверности Справок Аборенкова и Докладов Кривошапова» // URL: <https://aldr-m.livejournal.com>.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12196. Д. 1. Л. 159.

²⁶ Там же. Л. 134.

²⁷ Там же. Л. 135.

²⁸ **Бобров Илья Назарович** (1907 г.р.), мобилизован из запаса 29 июня 1941 г., данные учётно-послужной карты (УПК).

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 244. Отчётная карта Западного фронта 8—14 июля 1941 г.

³⁰ Там же. Д. 49. Л. 120—121 об.

³¹ Там же. Д. 25. Л. 14.

³² Архив УФСБ России по Омской обл. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 21—22.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12196. Д. 557. Л. 11.

³⁴ Там же. Л. 10.

³⁵ Там же. Д. 1. Л. 162.

³⁶ National Archives and Records Administration (NARA). Т. 314. R-1098. Fr. 0107. Здесь и далее перевод немецких документов осуществлён автором.

³⁷ Там же. Fr. 0096.

³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 49. Л. 129.

³⁹ Там же. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 49. Л. 180—184.

⁴⁰ Там же. Оп. 12196. Д. 1. Л. 153. Копия.

⁴¹ Война 1941—1945 гг. глазами мальчишки: из «воспоминаний» В.А. Кар-

па. Ч. 1 // Отвага. 2012. 28 декабря. URL: <http://otvaga2004.ru>; Институт истории Национальной академии наук Беларуси. Ф. 1а. Оп. 1а. Д. 7. Л. 1—97.

⁴² NARA. Т. 314. R-408. Fr. 0244.

⁴³ Там же. Т. 315. R-245. Fr. 0073.

⁴⁴ Там же. Т. 314. R-248. Fr. 0520.

⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 246. Оп. 12928 сс. Д. 2. Л. 38—41; Ф. 208. Оп. 2511. Д. 209. Л. 8; Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 37. Воениздат МО СССР, 1959. С. 50.

⁴⁶ NARA. Т. 314. R-24.6. Fr. 0073.

⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12196. Д. 1. Л. 163—165.

⁴⁸ NARA. Т. 314. R-246. Fr. 0331.

⁴⁹ Архив УФСБ России по Омской обл. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 4—5 (дело сформировано из копий документов, заверенных архивом).

⁵⁰ NARA. Т. 314. R-246. Fr. 0332.

⁵¹ **Кун Александр Михайлович** — лейтенант, командир батареи № 19 19-й армии, сформированной из 9 установок, впоследствии разделённой на две батареи № 19 (5 установок) и № 16 (4 установки).

⁵² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 6. Л. 36.

⁵³ NARA. Т. 315. R-629. Fr. 0236.

⁵⁴ **Резниченко С.Н.** Реактивное вооружение советских ВВС 1930—1945. М.: Бедретдинов и Ко, 2007. С. 942.

⁵⁵ Там же. С. 470.

⁵⁶ Архив УФСБ России по Омской обл. Ф. 78. Оп. 1. Д. 66. Л. 4—5. Копия, заверенная архивом.

⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 84. Л. 213.

A.A. Milyutin

«THE ROCKET ARTILLERY BATTERY, WITH ITS THREE SALVOS, CAUSED SUCH HEAVY LOSSES TO THE ENEMY THAT THEY SPENT THE ENTIRE DAY EVACUATING THE WOUNDED AND COLLECTING THE DEAD»

New information about the actions of captain I.A. Flyorov's rocket artillery battery during the Battle of Smolensk in 1941

Information about author. Aleksandr Milyutin — researcher, member of the Russian Military Historical Society (Moscow. E-mail: aldr@yandex.ru).

Summary. This paper reconstructs the chronology of the formation and combat operations of a rocket artillery battery under the command of captain I.A. Flyorov, from late June to August 7, 1941. Until recently, the only available archival sources on the formation of the battery and its deployment to the frontline were the order of the commander of the Moscow Military District, dated June 28, 1941; a certificate No. 2, dated July 6, 1941, signed by military engineer V.V. Aborenkov; and two reports by Lieutenant Colonel A.I. Krivoshepov, dated July 19 and March 30, respectively, which accompanied the battery as it traveled to the front. Both the reports and the certificate contain some inconsistencies and contradictions, making it difficult to determine the exact sequence of events. As a result, the heroic actions of the soldiers in this unit remain largely unrecognized. Analysis of these documents has been hampered by the lack of additional materials available for comparison and study. The source material for this paper is previously unpublished German and Soviet archival documents from the US National Archives (NARA), the Central Archives of the Russian Ministry of Defense, and the Archives of the Federal Security Service of Russia in Omsk, among others. These documents were identified and made available to scholars by the author. The novelty of this research lies in the reconstruction of the chronology of the battery's formation and combat operations during the Smolensk defensive operation, based on these sources. Additionally, an assessment of the battery's actual strength and readiness at the time is provided. Together, these factors determine the relevance of this study.

Keywords: Great Patriotic War 1941—1945; Smolensk defensive operation (July 1941); Katyusha rocket launchers; NII-3; BM-13; captain I.A. Flyorov's battery.

«МЫ БЫЛИ ПЕРВОЙ ПАРТИЕЙ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ МАНЬЧЖОУ-ГО, ПРИБЫВШИХ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

Оперативно-чекистская работа с интернированными и военнопленными
на спецобъекте № 45 Управления НКВД/МВД по Хабаровскому краю
в 1945—1950 гг.

Сведения об авторе. Дорохов Вячеслав Жоржович — профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, доктор исторических наук, доцент (г. Хабаровск. E-mail: dorohova_elen@mail.ru).

Аннотация. В 1945—1950 гг. в Хабаровске на спецобъекте № 45 УНКВД по Хабаровскому краю профессионалы НКВД/МВД пять лет вели с генералами японской Квантунской армии, а также экс-императором, экс-чиновниками и генералами Маньчжоу-го оперативно-чекистскую работу по выявлению военных преступников и сбору доказательств их преступлений. Сформированная ими обширная доказательная база стала основой советских обвинений в Международном военном трибунале для Дальнего Востока в 1946—1948 гг. и на Хабаровском процессе 1949 года, позволила на Токийском процессе изобличить японских милитаристов в намерении развязать агрессивную войну против СССР и оккупировать его территории; на Хабаровском процессе доказать разработку и применение Японией бактериологического оружия. Благодаря доказательствам преступлений виновные были привлечены к ответственности, процесс в Хабаровске приобрёл большое значение для создания международной правовой базы, запрещающей разработку биологического оружия, и стал одним из значимых событий XX века, вошёл в историю в одном ряду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами.

Ключевые слова: НКВД/МВД СССР; спецобъект № 30 УНКВД по Читинской области; спецобъект № 45 УНКВД/УМВД по Хабаровскому краю; экс-император Пу И; интернированные; японские военнопленные; генералитет Квантунской армии; оперативно-чекистская работа; агентура; свидетели обвинения; Международный военный трибунал для Дальнего Востока; Токийский процесс; подготовка и применение бактериологического оружия; Хабаровский процесс; японские военные преступники.

«Именно советские следователи собрали неопровержимые улики, которые изобличили вину милитаристской Японии в совершении преступлений против человечества, в подготовке бактериологической войны», — заявил Президент России В.В. Путин на 44-м заседании Российского организационного комитета «Победа»¹.

«Пока не все материалы введены в научный оборот... Военные преступления и преступления против человечности не имеют срока давности. Все причастные к бесчеловечным деяниям должны быть установлены, — подчеркнул на Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» заместитель председателя Следственного комитета России А.В. Фёдоров. — Перед судом на Хабаров-

ском процессе предстали всего 12 человек, тогда как большинство совершивших указанные преступления, сотрудники бактериологических отрядов, в том числе 731 и 100 японской Квантунской армии, а всего таковых было — свыше 4 тысяч, включая руководство, получили в США защиту от преследования». И добавил, что у Следственного комитета России есть все правовые и нравственные основания провести такую же работу в отношении японских преступников, совершивших преступления во время Второй мировой войны. Это будет предупреждением тем, кто и сегодня вынашивает идеи биологической войны².

Советские следственные органы собрали весомую доказательную базу, но «исследователи сошлись во мнении: несмотря на определённые успехи в изучении

организации Хабаровского процесса, всё же множество вопросов остаются малоизученными или вовсе выпадают из поля зрения историков». В частности, слабо изучено то, «как выстраивалась следствен-

ная работа по выявлению японских военных преступников»³. Этой работе на спецобъекте № 45 Управления НКВД/МВД по Хабаровскому краю в 1945—1950 гг. посвящена данная статья.

По приказу НКВД СССР № 00991 от 27 августа 1945 года в Управлении НКВД по Хабаровскому краю сформировали отдел по делам военнопленных и интернированных⁴ (ОПВИ, вскоре преобразованный в управление — УПВИ) и приступили к обустройству лагерей для них⁵. К концу сентября 1945 года были образованы 14 лагерей (№ 1—5, 16—22, 46, 48) и спецобъект № 45 общей штатной численностью 3620 сотрудников НКВД⁶. Управление лагеря № 16 — в районе железнодорожной станции Хабаровск 1, в здании бывшего изоляционно-пропускного пункта⁷ Дальневосточной железной дороги. Его 24 лагерных отделения — во всех районах города⁸. Спецобъект № 45 — в центре города, на ул. Сапёрной, 42 (ныне ул. Дикопольцева, 34), в каменном двухэтажном здании курсов местной противовоздушной обороны⁹, переоборудованном в кратчайший срок. Штат сотрудников спецобъекта № 45 был невелик: начальник майор А.Ф. Денисов, его заместитель по оперативной работе капитан Б.Ф. Аснис, заместитель по хозяйству, начальник финансового отдела, бухгалтер, кладовщик, врач и охрана из 16 человек.

После пленения 16 (по другим данным, 17 или 19) августа 1945 года на аэродроме г. Мукдена Пу И — последнего императора династии Цин, двухлетним взойшедшего на престол в 1906 году и шестилетним в 1912-м отречённого от него¹⁰, с 1932 года императора образованного японской военщиной на оккупированной территории марионеточного государства Маньчжоу-го¹¹ — главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А.М. Василевский 22 августа потребовал

отменить его арест и передать со свитой из ведения НКВД подразделением «Смерш», указав, что «маньчжурский император Пу И должен быть отправлен в Читу (Молоковка)¹² и интернирован, но не арестован»¹³. В тот же день Василевский направил командующим фронтами приказание № 156/нш передавать подразделениям «Смерш» всех капитулировавших генералов и офицеров японской армии¹⁴. Экс-императора и 8 человек его свиты в статусе интернированных отправили самолётом в Читу под присмотром сотрудников «Смерш». Пу И в своих воспоминаниях отметил: «Мы были первой партией военных преступников Маньчжоу-го, прибывших в Советский Союз»¹⁵.

Их разместили на спецобъекте № 30 УНКВД по Читинской области — в оборудованном в селе Молоковка здании одноимённого санатория РККА в 20 км от Читы¹⁶. Пу И вспоминал: «Три раза в день нас кормили сытной русской пищей и один раз днём поили чаем. Доктора и медицинские сёстры постоянно осматривали и лечили нас. В нашем распоряжении были радиоприёмник, книги и газеты, настольные игры»¹⁷.

6 октября 1945 года УНКВД по Читинской области получило распоряжение замнаркома внутренних дел СССР генерал-полковника В.В. Чернышёва отправить верхушку Маньчжоу-го и японских военачальников в Хабаровск. Там генералов и офицеров разместили в городе на спецобъекте № 45, Пу И со свитой и экс-чиновниками Маньчжоу-го — в районе посёлка Красная Речка на так называемой даче начальника УНКВД по Хабаровскому краю, переоборудованной для содержания интернированных и неофици-

ально названной загородным филиалом спецобъекта № 45.

Начальник УНКВД по Хабаровскому краю генерал-лейтенант И.И. Долгих докладной запиской в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР сообщил, что на спецобъекте № 45 (в городе и филиале) к 18 декабря 1945 года содержались 215 японских, китайских генералов войск Маньчжоу-го и членов правительства Маньчжоу-го во главе с Пу И¹⁸. Среди них были все три пленённых в Маньчжурии японских генерала (это воинское звание в армии Японии было выше генерал-лейтенанта, ниже генералиссимуса, принадлежавшего императору) — Ямада Отодзо, главнокомандующий японским 3-м фронтом; Кита Сэйичи, командующий японским 1-м фронтом. В лагере № 16 под командованием майора государственной безопасности Я.И. Довбича содержался 9981 военнопленный.

Как вспоминал Г.Г. Пермяков, который к декабрю 1945 года прибыл в Хабаровск на должность переводчика оперативного отдела управления по делам военнопленных и интернированных Управления НКВД (УНКВД, с 1946 г. — УМВД) по Хабаровскому краю и проработал с Пу И около пяти лет, в Красной Речке для экс-императора и его семьи был создан «лагерь-санаторий». На втором этаже двухэтажной дачи рядом с кабинетом начальника спецобъекта оборудовали большое помещение с двумя окнами, семью кроватями и пианино¹⁹.

С весны 1946 года Пу И вывозили на беседы в краевое УМВД. На даче его свидетельства запи-

Арест главнокомандующего Квантунской армией генерал-полковника Ямада Отодзо. Слева от него заместитель командующего Забайкальским фронтом генерал-полковник М.П. Ковалёв. Справа — начальник управления контрразведки «Смерш» Забайкальского фронта генерал-лейтенант А.А. Вадис
г. Чанчунь. 3 сентября 1945 г.

Фото А. Егорова

Военный контрразведчик Александр Вадис: к 120-летию со дня рождения // Сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Vadis.htm.

Расположение отряда № 731 в Харбине

«Абсолютная бесчеловечность»: как создатели японского биологического оружия оказались на скамье подсудимых в СССР // Сайт «РТ на русском». 2024. 29 декабря. URL: <https://ru.rt.com/uako>.

Здание в Хабаровске на ул. Дикопольцева, 34, в котором в 1945—1950 гг. находился спецобъект № 45. В то время оно было двухэтажным. Позже надстроили третий этаж. Ныне в здании расположена городская поликлиника № 3

сывали два человека, как позже выяснилось, «для Международного военного трибунала в Токио»²⁰.

В июле 1946 года Пу И с приближёнными перевели на спецобъект № 45 в Хабаровск²¹. Там военнопленные японцы жили на втором этаже. Интернированных представителей Маньчжоу-го разместили на первом, рядом с помещениями администрации, Пу И с родственниками — отдельно от его экс-министров в двух комнатах²². Экс-императору и экс-чиновникам стали ежемесячно выплачивать денежное пособие — по 30 руб., родственникам и слугам Пу И — по 15 руб.²³ Как вспоминали Пермяков и Пу И, высокопоставленных японцев содержали не хуже²⁴.

В январе 1946 года по распоряжению НКВД СССР в УНКВД по Хабаровскому краю создали во главе с его начальником генерал-лейтенантом И.И. Долгих и замначальника полковником П.П. Соколовым специальную следственную группу с целью сбора разоблачительных материалов для советского обвинения в Международном военном трибунале для Дальнего Востока (известном также как Токийский трибунал, процесс в нём — как Токийский), показаний военнопленных и интернированных, выявления и разработки бывших сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов Японии²⁵.

Пермяков вспоминал, что не всегда усилия оперработников приносили нужные результаты. Японские генералы часто уклонялись от ответов на вопросы о преступлениях. Так, генерал-лейтенант Хата Хикосабуро ограничился показаниями о легендарном советском разведчике Рихарде Зорге, а на другие вопросы отвечал односложно: «Я руководил, в детали не вникал». В июне 1946 года его этапировали в Москву и изъяли яд из-под коронки зуба²⁶.

К 1 июня 1946 года на спецобъекте № 45 содержали

227 военнопленных и интернированных²⁷. К январю 1947 года их число достигло 234, включая 24 бывших членов правительства Маньчжоу-го и экс-императора, 135 японских генералов и адмиралов, 20 китайских и 4 монгольских из бывшей армии Маньчжоу-го²⁸, 6 японских офицеров, 35 японских и 10 китайских солдат²⁹. Число военнопленных, содержащихся в лагере № 16, выросло до 10 999 человек, распределённых по Хабаровску в 21 лагерном отделении³⁰.

С началом Токийского процесса 3 мая 1946 года операторы активизировали сбор сведений для советских обвинений. Летом 1946 года в Хабаровск из Москвы прибыла следственная группа в составе полковников И.И. Тупикова, И.И. Клыкова и М.М. Кудрявцева. Она на спецобъекте № 45 с участием опытных местных оперативников собирала информацию о бактериологическом отряде № 731, искала свидетелей преступлений, выявляла диверсантов, военных преступников и японских военнопленных, которые могли выступить свидетелями на Токийском процессе³¹.

12–18 июня в качестве свидетеля усиленно допрашивали Пу И. 25 июня протоколы его допросов направили в Токио³². 31 июля Пу И с пятью советскими представителями вылетел из Хабаровска во Владивосток, через несколько дней — на аэродром Ацуги в 50 км от столицы Японии³³ и 9 августа 1946 года был доставлен в Токио. Его неожиданное появление на процессе стало сильным ходом советской делегации, сенсацией, произвело примерно такое же впечатление, как появление на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля взятого в плен в Сталинграде фельдмаршала Ф. Паулюса. Американские адвокаты старались опорочить экс-императора и позицию СССР. Но Пу И держался стойко и оправдал надежды на него советского

руководства³⁴. После восьми дней показаний Пу И его возвращение в СССР задержали почти на 6 дней по вине американцев, которые пытались собрать доказательства того, что трибунал против возвращения Пу И в нашу страну. Но не смогли. И 6 сентября Пу И вернулся в Хабаровск³⁵.

Всего в работе группы во главе с Долгих в разное время участвовали более 1000 человек. В результате тщательного изучения отобрали 30 японских генералов, 36 старших офицеров и 11 экс-чиновников, которые выразили готовность выступить в Токийском трибунале. О каждом кандидате в свидетели Долгих докладывал главе МВД СССР генерал-полковнику С.Н. Круглову. Министр — главе советского правительства И.В. Сталину, который окончательно определял, кто из японцев станет свидетелем советского обвинения. Из них отобрали две группы по три свидетеля. Первая — бывший начальник железнодорожного сообщения Маньчжоу-го генерал-лейтенант Кусаба Тацуми, бывший замначальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацумура Томокацу и бывший начальник отделения штаба Квантунской армии подполковник Сэджима Рёдзо. После подготовки и доклада Сталину, который санкционировал участие этих свидетелей в процессе, их отправили на военный аэродром под Владивостоком. Оттуда — в японский аэропорт Ханэда и отвезли в бывшее здание фирмы «Мицубиси», в котором размещались советские участники трибунала. После выступлений свидетелей возвратили в Хабаровск. Кроме Кусаба, который в ночь на 20 сентября 1946 года накануне его выступления в трибунале покончил с собой. Из-за этого вторую группу — бывшего командующего 3-й японской армией 1-го фронта Квантунской группировки генерал-лейтенанта Мураками Кэйсаку, бывшего правителя общих дел (премьер-

министра) Маньчжоу-го Такэбэ Рокудзо и бывшего начальника шифровального отдела штаба Квантунской армии майора Мацуура Кусуо — перед отправкой в Токио отвезли в Москву и провели с ними беседы. После выступлений на процессе возвратили в СССР. Свидетели вели себя на процессе достойно, не дав защите обвиняемых возможности использовать их показания в своих целях, хотя та старалась понудить свидетелей дать желаемые ею ответы³⁶.

За первый год работы на спецобъекте № 45 следственная группа завербовала 15 военнопленных, в т.ч. 6 генералов. В оперативную разработку попал и китаец Чжан Шао Зи, сын премьер-министра Маньчжоу-го Чжан Цзинхуэя, добровольно заявивший о желании помогать Советскому Союзу³⁷.

В итоговой справке за 1946 год руководство спецобъекта отметило, что среди военнопленных генералов в агентурно-оперативную разработку «по выявлению преступлений в войну» первыми попали Хасимото Тораносукэ, генерал-лейтенант в отставке с 1936 года, бывший президент палаты религиозных обрядов при правительстве Маньчжоу-го, начальник управления храмов и церемоний, заместитель председателя госсвета; Симидзу Норицунэ, генерал-лейтенант, бывший командующий 5-й армией 1-го фронта Квантунской армии; Акияма Ёситака, генерал-лейтенант, бывший старший военный советник Маньчжоу-го. Также допрашивали Сея-Хираку, генерал-лейтенанта в отставке с 1939 года, бывшего командующего укрепрайоном Расон в Корее; Кавамэ Таро, генерал-майора, начальника штаба 34-й армии 17-го фронта Квантунской армии; Кобаяси Кэнго, вице-адмирала, бывшего командира особого полигона Лушунь, командующего крепостью Порт-Артур; Кавасима Киоси, генерал-майора медслужбы, бывшего начальника производственного отдела от-

ряда № 731; Кадзицука Рюдзи (в других источниках Рюудзи), генерал-лейтенанта медслужбы, бывшего начальника санитарной службы Квантунской армии. Свидетельские показания дали ещё 24 военнопленных и интернированных. В 1946 году на спецобъекте выявили 18 человек, в прошлом занимавшихся разведывательной деятельностью, и подобрали упомянутых ранее ключевых свидетелей обвинения³⁸.

Наряду со сведениями о преступлениях японской военщины в 1946 году накапливали иную информацию, условно разделённую на 4 категории: сетования о несчастьях Японии в результате разгрома и капитуляции, высказывания о политико-экономических проблемах Японского государства, реакция на внутреннюю и внешнюю политику СССР, беспокойство о материальном положении семей и родственников, оставшихся в Маньчжурии, Корее и Японии³⁹.

По распоряжению Москвы на всех генералов, офицеров и интернированных вели дела — формуляры, в которых накапливали информацию о них, в т.ч. материалы оперативно-чекистской работы. Так, в дело генерал-майора Аримура Цунэмити, бывшего командующего округом Кайсю (района Ханжоу), включили и передали американцам информацию о том, что он, будучи начальником лагерей на Малайском полуострове, обращался с военнопленными американцами, англичанами и индонезийцами так, что многие из них погибли. В дело китайца Лю Бин, генерал-майора бывшей армии Маньчжоу-го, бывшего командира её 3-й пехотной бригады, внесли информацию о том, что он высказывал «террористические взгляды по отношению руководства китайской компартии». В формуляре другого китайского генерала, командующего 1-м военным округом Маньчжоу-го Ван З Юй, зафиксированы его слова

о том, что «в ближайшем будущем Чан Кай-Ши одержит окончательную победу над коммунистической партией» и негативные отзывы о ней. Айсиньгёро Пу Цзе, младший брат Пу И, Жунь Ци, муж Вань Жун, третьей сестры экс-императора, и Хуан Фу Цунь, бывший министр земледелия Маньчжоу-го, высказывали недовольство СССР, предрекали ему войны и гибель⁴⁰.

Персонал спецобъекта отслеживал реакции военнопленных на события, отражённые в прессе. Так, в связи с Фултонской речью У. Черчилля генерал-майор Кубо Мунэхара, бывший начальник Мукденского охранного отряда, и генерал-майор Янасэ Коодзабуро, бывший начальник комендантского отдела военного министерства Маньчжоу-го, высказали сожаление об отношении Черчилля к СССР, утверждали, что «по окончании войны принимать противоположную позицию — очень нехорошее дело... в будущем возможно возникновение войны Англии и США против СССР... лучше всего Японии сохранить нейтралитет». А генерал-лейтенант Симидзу Норицунэ, бывший командующий 5-й армией 1-го фронта Квантунской армии, заявил: «Сталин сделал довольно сильное опровержение на речь Черчилля». Генерал-лейтенант Кога Рюитару, бывший командир 127-й пехотной дивизии 3-й армии 1-го фронта Квантунской армии, утверждал, что речь Черчилля «представляет собой нападение на Советский Союз»⁴¹.

В филиале спецобъекта № 45 в посёлке Красная Речка агент зафиксировал разговоры Оцу Тосио, бывшего губернатора Карафутто (южной части острова Сахалин, входившей в Японскую империю с 1905 по 1945 г.), с генералом Ямада Отодзо, экс-главкомом Квантунской армией, и генерал-лейтенантом Мураками Кэйсаку, бывшим командующим 3-й армией 1-го фронта Квантунской

армии, о причинах поражения Японии: «из-за отсутствия господства в воздухе и на море», а также потому, что «чуть ли не вся необходимая промышленность внутри страны (Японии. — **Прим. авт.**) была разрушена бомбардировками» и из-за неправильной оценки сил Германии, нехватки нефти и «жизненных припасов». Агент записал и разговор того же бывшего губернатора с генералом Кита Сэйити, бывшим командующим 1-м фронтом Квантунской армии, о том, что «в момент начала войны кабинет Тодзио (правительство Японии во главе с премьером Хидэки Тодзио с 18 октября 1941 по 22 июля 1944 г. — **Прим. авт.**) проводил политику террора, решительно борясь со свободой слова и сажая в тюрьмы даже тех, кто только лишь критиковал войну. Это послужило причиной роста народной ненависти к правительству»⁴².

Лю Сен Лян, генерал-майор, командир 17-й бригады войск Маньчжоу-го, полагал, что «после Первой мировой войны весь мир смотрел на Советский Союз как на врага, готовясь к нападению на него... После Второй мировой войны опять все намереваются напасть на Советский Союз»⁴³.

В начале 1947 года оперативники вновь сосредоточили внимание на сборе информации о разработке бактериологического оружия, допрашивали причастных к ней, в первую очередь генерал-майора медслужбы Кавасима Киоси⁴⁴ и генерала Ямада Отодзо⁴⁵.

8 января 1948 года заместитель начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенант А.З. Кобулов шифротелеграммой № 17901 потребовал новых допросов генералов⁴⁶. 16 февраля 1948 года последовало указание оперативного управления ГУПВИ МВД СССР № 52/1239 «об организации допросов и документации преступной деятельности... бывших работников японских разведывательных, контрразведывательных и

карательных органов, занимавшихся активной деятельностью против СССР», для подготовки и рассмотрения их дел военным трибуналом⁴⁷.

Когда стало ясно, что Токийский процесс не достигнет всех поставленных СССР целей, министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов 19 июля 1948 года направил министру иностранных дел СССР В.М. Молотову докладную записку с предложением: «МВД СССР считает целесообразным провести открытый судебный процесс над японскими военнопленными преступниками»⁴⁸. Он сообщил в ней результаты оперативно-чекистских мероприятий в Хабаровске, сбора информации о разработке Японией бактериологического оружия.

С начала 1948 года кардинально изменился режим содержания высокопоставленных военнопленных на спецобъекте. 19 июня 1948 года МВД СССР приказом утвердило статус режимного для хабаровского лагеря военнопленных № 16⁴⁹. Хотя статус спецобъекта № 45 официально не изменили, но и там режим стал существенно строже. Но не для всех. Пу И со свитой продолжал пользоваться благорасположением администрации. Ему по-прежнему позволяли гулять по центральной улице Ленина, сотрудники спецобъекта брали его с собой на реку купаться⁵⁰.

А генералов подвергали плотной агентурной обработке, связанной со сбором доказательной базы. По распоряжению главы МВД на спецобъекте № 45 интенсифицировали оперативно-чекистскую работу. Вели многодневные перекрёстные допросы и очные ставки. В июне 1948 года допрос генерал-майора медслужбы Кавасима Киоси⁵¹ об отряде 731 провёл прибывший из Москвы генерал-лейтенант А.З. Кобулов⁵².

Постепенно расширялся круг подозреваемых. 16 августа 1948 года в Москву послали

Международный трибунал заседал в Итигайском дворце — бывшей штаб-квартире императорской японской армии

Подсудимые на Хабаровском процессе

Арт-объект «Часы смерти», созданный студентами Тихоокеанского государственного университета в Хабаровском краевом парке имени Н.Н. Муравьёва-Амурского к Международному научно-практическому форуму «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы», — солнечные часы, на которых в полдень тень падает на столбик с отметкой 731, через шесть часов — на столбик 100, напоминая о японских отрядах с этими номерами. Красная башня посередине символизирует мощь победителей — Красной армии

протоколы допросов бывшего адъютанта командующего Квантунской армией майора Мураками Сигимицу и бывшего замначальника штаба Квантунской армии генерал-майора Мацумура Томокацу⁵³. Их показания дополнили материалы, собранные в 1946—1947 гг., что позволило перейти к основательной разработке темы биологического оружия, деятельности японских отрядов № 731, 100, 1644 («Эй», некоторое время назывался отрядом «Тама») и 8604 («Нами»)⁵⁴.

Советское руководство и МИД стремились обеспечить международную поддержку линии СССР на заключение советско-японского мирного договора, которое Япония увязывала с освобождением военнопленных. В июне 1948 года ГУПВИ МВД СССР запросило из Хабаровска списки генералов, подлежащих репатриации. К тому времени их число на спецобъекте № 45 сократилось с 135 до 124. Генерал-лейтенант И.И. Долгих направил в ГУПВИ два списка. В первом — 66 японских генералов, которых рекомендовалось репатриировать, во втором — 58 «не подлежащих репатриации»⁵⁵. В декабре 1948 года вернулись на родину 8 генералов, включённых в первый список, и 5 — во второй. Двоих рекомендованных к репатриации осудил военный трибунал войск МВД СССР Дальневосточного военного округа (ДВО) по статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж): 1 июня 1948 года заместителя начальника штаба 1-го фронта генерал-майора Сакама Кунъити, 11 января 1949-го начальника штаба 34-й армии 17-го фронта Квантунской армии генерал-майора Кавамаэ Таро.

В целом в результате интенсификации оперативно-чекистской работы в 1947—1948 гг. удалось выявить 7180 бывших работников разведки и контрразведки, карательных структур; 637 бывших членов диверсионных подразделений и школ подготовки диверсантов;

206 бывших работников отряда 731, связанных с подготовкой бактериологической войны; 38 генералов и офицеров, причастных к подготовке пограничных провокаций и вооружённого нападения на СССР; 119 бывших руководителей «фашистского общества “Киовакай”»; 640 человек, не желавших сотрудничать с лагерной администрацией, «ставящих перед собой задачу совершения враждебных действий в лагерях МВД»; 50 бывших руководителей учреждений Маньчжоу-го и Японии⁵⁶.

25 марта 1949 года в СССР оставались 97 936 японских военнопленных и интернированных. В отношении 8870 из них органы МВД проводили оперативную разработку и не рассматривали возможность репатриировать их в ближайшей перспективе⁵⁷.

23 апреля 1949 года министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов направил И.В. Сталину доклад № 1717/к, который начинался словами: «В результате агентурно-следственных мероприятий... в лагерях МВД выявлено более 200 бывших работников так называемого противозидемического отряда № 731 и его филиалов, которые под прикрытием снабжения водой Квантунской армии занимались изысканием бактериальных средств и способов их применения в войне против Советского Союза и Китая». Изложив информацию об этом, министр завершил доклад словами: «МВД СССР считает целесообразным провести над руководящими работниками противозидемического отряда открытый судебный процесс».

На рядовых работников этого отряда, по согласованию с органами прокуратуры, дела рассматривать на закрытых судебных заседаниях военных трибуналов.

Докладывая, прошу Вашего решения»⁵⁸.

10 июня 1949 года Совмин СССР принял постановление

№ 2326-905С о репатриации в июне—ноябре 95 461 японского военнопленного. 89 213 передали органам репатриации до 1 ноября. О возможности репатриации остальных по решению Совмина СССР № 5938-1924СС от 2 ноября необходимо было представить правительству предложения МВД СССР. Оно сочло возможным репатриировать ещё 1664 военнопленных японцев, передать правительству КНР 971 совершившего преступления в Китае и предложило оставить в СССР 4573 японских военнопленных, в т.ч. 1690 осуждённых.

30 сентября 1949 года С.Н. Круглов и первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко направили И.В. Сталину докладную записку с проектом постановления Совмина СССР об организации в Хабаровске открытого судебного процесса над руководящими работниками японского «противозидемического отряда № 731»⁵⁹. Его 8 октября утвердило Политбюро ЦК ВКП(б)⁶⁰.

Руководство УМВД Хабаровского края, выполняя указание первого заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника И.А. Серова от 3 августа 1949 года № 493/001086/с/00995 «арестовывать и привлекать к уголовной ответственности: разведчиков, контрразведчиков, агентуру, командно-преподавательский состав и курсантов шпионско-диверсионных школ и отрядов, а также работников “противозидемических” отрядов»⁶¹, направило материалы о японских генерал-майорах Мацумура Томокацу, Хамада Дзюносукэ и генерал-лейтенанте Хасимото Тораносукэ в военный трибунал войск МВД СССР ДВО, который рассмотрел их на двух заседаниях 5 июня, 25 августа 1949 года и приговорил троих генералов по статьям 58-6 и 58-9⁶² УК РСФСР к 25 годам заключения⁶³.

В рамках подготовки к судебному процессу в Хабаровске раз-

вернулась работа с основными фигурантами и свидетелями. Так, Ямада Отодзо допрашивали в марте, апреле, октябре, ноябре и декабре 1949 года⁶⁴. С 20 по 23 октября 1949-го допросили 11 военнопленных — свидетелей и обвиняемых от рядового до генерала. Свидетельские показания получили от интернированного японца Озеки Сигео⁶⁵, санитаря отряда 731 Оосава Мацуо⁶⁶, майоров Карасава Томио⁶⁷ и Иинумо Хиромото⁶⁸. В качестве обвиняемых допрашивали генерал-майоров медслужбы Сато Сюндзи⁶⁹, Кавасима Киоси⁷⁰ и генерал-лейтенанта медслужбы Кадзицука Рюдзи⁷¹. Интенсивная следственно-оперативная работа велась практически ежедневно. Последний перед процессом допрос свидетеля — военнопленного Тачибана Такео — состоялся 22 декабря 1949 года⁷².

Военный трибунал Приморского военного округа, рассмотрев 25—30 декабря 1949 года дело 12 японских военных преступников, обвинённых в создании и применении бактериологического оружия, т.к. в то время в СССР смертная казнь была отменена, приговорил к заключению в исправительно-трудовой лагерь: на 25 лет бывшего главкома Квантунской армией генерала Ямаду Отодзо, бывшего начальника санитарного управления Квантунской армии генерал-лейтенанта медслужбы Рюдзи Кадзицука, бывшего начальника ветеринарной службы Квантунской армии генерал-лейтенанта ветеринарной службы Такахаси Такаацу, бывшего начальника производственного отдела отряда № 731 генерал-майора медслужбы Киоси Кавасима; на 20 лет — бывшего начальника санитарной службы 5-й армии генерал-майора медслужбы Сато Сюндзи, бывшего начальника отделения производственного отдела отряда № 731 майора медслужбы Карасава Томио; на 18 лет — бывшего началь-

**Пу И в форме
главнокомандующего
армией Маньчжоу-го**
*Хабаровские тайны
последнего императора
Китая // Хабаровский край
сегодня. 2024. 26 декабря.*

ника учебно-просветительного отдела отряда № 731 подполковника медслужбы Ниси Тосихидэ; на 15 лет — бывшего сотрудника отряда № 100 старшего унтер-офицера Митомо Кадзуо; на 12 лет — бывшего начальника филиала № 643 отряда № 731 майора медслужбы Оноуэ Масао; на 10 лет — бывшего научного работника отряда № 100 поручика ветеринарной службы Хиразакура Дзенсаку; на 3 года — бывшего санитаря-лаборанта филиала № 162 отряда № 731 Курусима Юдзи, на 2 года — бывшего санитаря-практиканта филиала № 643 отряда № 731 ефрейтора Кикучи Норимицу⁷³. Всех их содержали в комфортных условиях лагеря № 48 для высшего командного состава германской и японской армий в селе Чернцы Ивановской области. Т. Такахаси и Т. Карасава умерли; двое, отбыв наказание полностью, остальные — частично, в 1951—1956 гг. были репатриированы⁷⁴.

7 января 1950 года министр иностранных дел СССР

А.Я. Вышинский и министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов представили И.В. Сталину докладную записку о репатриации военнопленных японских генералов, сообщив, что из 167 пленённых в 1945 году 10 были осуждены, 22 умерли, 15 репатриированы. Из оставшихся планировали 80 репатриировать, 24 осудить, 17 передать властям КНР⁷⁵.

К 15 апреля 1950 года в Хабаровском крае остались два лагеря военнопленных — № 16 и № 50 (бывший спецобъект № 45). В них содержались 1617 военнопленных и интернированных⁷⁶.

С мая по июнь 1950 года были осуждены на сроки от 15 до 25 лет по статье 58-6 УК РСФСР 16 японских генералов. Одного из них — генерал-лейтенанта Минэки Тоичиро — Президиум Верховного суда СССР 27 сентября 1950 года приговорил к расстрелу⁷⁷, заменённому 20 годами лишения свободы. В 1956 году все они, кроме четырёх умерших, были репатриированы в Японию.

Правительство СССР 14 июля 1950 года приняло постановление о передаче Пу И властям КНР⁷⁸. В Китай отправили и его свиту, и интернированных китайских и монгольских генералов бывшей армии Маньчжоу-го. 18 генералов-японцев в июле—августе 1950 года передали властям КНР⁷⁹. Оставшихся репатриировали в Японию.

К сентябрю 1950 года, т.к. в Хабаровском крае не осталось высокопоставленных военнопленных и интернированных, бывший спецобъект № 45, реорганизованный в октябре 1949 года в лагерь военнопленных № 50, расформировали.

Значение пятилетней оперативно-чекистской работы профессионалов НКВД/МВД на спецобъекте № 45 заключается в том, что они вооружили советских обвинителей на Токийском и Хабаровском процессах обширной документальной базой. Благодаря ей

Токийский трибунал в приговоре констатировал, что «намерение вести войну против СССР было одним из основных элементов военной политики Японии. Военная партия Японии была полна решимости оккупировать дальневосточные территории СССР, так же, как и другие части Азиатского континента»⁸⁰. Но Токийский трибунал не дал оценки преступлениям разработчиков

бактериологического оружия во главе с начальником отряда 731 генерал-лейтенантом Сиро Иси. А Хабаровский процесс благодаря добытым оперативно-чекистской работой доказательствам преступлений против человечности, изуверских опытов над людьми, которыми были уничтожены, по разным оценкам, 3—10 тыс. человек, осудил участников разработки, ис-

пытаний и применения бактериологического оружия, позволил восторжествовать Нюрнбергским принципам⁸¹, имел огромное значение для создания международной правовой базы, запрещающей разработку биологического оружия⁸², и стал одним из значимых событий XX века, вписанных в историю в одном ряду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заседание Российского организационного комитета «Победа» // Официальный сайт Президента России. 2021. 9 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/66642>.

² Заместитель председателя СК России выступил на Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» // Сайт Следственного комитета РФ. 2021. 6 сентября. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1606900>.

³ Ким С. Хабаровский процесс-49. Научное осмысление и историческая память // Сайт Российского исторического общества. 2021. 15 декабря. URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=6557.

⁴ Жадан А.В. Организация лагерей НКВД для японских военнопленных на территории Хабаровского края в августе—декабре 1945 г. (по материалам архивов НКВД-МВД) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 2. С. 59.

⁵ Приказ НКВД СССР от 1 сентября 1945 г. «Об организации лагерей НКВД для военнопленных № 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22» // Архив Управления МВД России по Хабаровскому краю (АУМВД по ХК). Ф. 39. Оп. 1. Д. 162. Л. 127; Приказ НКВД СССР от 8 сентября 1945 г. «Об организации лагерей НКВД для военнопленных № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8» // Там же. Л. 128.

⁶ Там же. Ф. 33. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

⁷ Изоляционно-пропускной пункт — учреждение для медико-санитарного и противозидемического обеспечения организованных групп гражданского населения и воинских контингентов. Создаются на железнодорожных станциях, в портах. См.: Изоляционно-пропускной пункт // Большая советская энциклопедия в 30 т. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 93.

⁸ Пермяков Г. Пу И. Пять лет вместе // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2003. № 4. С. 291; Плискина В.Н. Некоторые страницы из истории лагеря № 16 УМВД

по Хабаровскому краю для японских военнопленных // Культура и наука Дальнего Востока. 2020. № 1. С. 71.

⁹ Богданов С.А. Местная противовоздушная оборона Хабаровского края в 1946—1961 гг. // Экономика, управление, общество: история и современность. Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск: Дальневосточный ин-т управления — фил. РАНХиГС, 2019. С. 167.

¹⁰ В результате Синьхайской революции 1911—1912 гг. документ об отречении от имени шестилетнего императора Пу И 12 февраля 1912 г. подписала регент — вдовствующая императрица Луңьюй. См.: Синьхайская революция // Большая российская энциклопедия: электронная версия. URL: <https://bigenc.ru/c/sin-khaikaia-revolutsiia-923315>.

¹¹ Звягинцев А.Г. Пу И был очень гибким и очень жизнелюбивым человеком // Российская газета. 2018. 18 декабря. № 285. URL: https://rg.ru/2018/12/18/zviagincev-pu-i-byt-ochen-gibkim-i-ochen-zhizneliubivym-chelovekom.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

¹² Молоковка — курорт. Ныне отделенный микрорайон Читы.

¹³ Архив Управления ФСБ России по Саратовской области (АУФСБ по СО). Ф. 14. Оп. 5. Д. 937. Л. 60. Цит. по: Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией. Сборник документов. М.: Связь эпох; Кучково поле, 2020. С. 257.

¹⁴ АУФСБ по СО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 937. Л. 61. Цит. по: там же. С. 258.

¹⁵ Пу И. Первая половина моей жизни. М.: Прогресс, 1968. С. 409.

¹⁶ Кузнецов С.И., Карасёв С.В. Интернирование в СССР высшего командного состава Квантунской армии, императора и правительства Маньчжоу-го // Советско-японская война 1945 года и проблема военнопленных. Саппоро: Центр славянских исследований университета Хоккайдо, 2001. С. 6, 7.

¹⁷ Пу И. Указ. соч. С. 410.

¹⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. С. 5.

¹⁹ Пермяков Г. Император в Хабаровске // Тихоокеанская звезда. 2000. 18 августа.

²⁰ Константинов Г.Д. Последний император Китая в СССР. Хабаровск: Б.И., 2011. С. 185.

²¹ Там же. С. 352.

²² Там же. С. 188.

²³ Там же. С. 239.

²⁴ Пермяков Г. Пу И. Пять лет вместе. С. 292; Пу И. Указ. соч. С. 413; Константинов Г.Д. Указ. соч. С. 195.

²⁵ АУМВД по ХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 175. Л. 84.

²⁶ Пермяков Г. Пу И. Пять лет вместе. С. 296.

²⁷ Справка начальника УПВИ УМВД по Хабаровскому краю о численности военнопленных в лагерях МВД и спецгоспиталях, дислоцирующихся на территории Хабаровского края, по состоянию на 1 июня 1946 г. // Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2512. Л. 407.

²⁸ Пермяков Г. Пу И. Пять лет вместе. С. 307.

²⁹ АУМВД по ХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 175. Л. 37.

³⁰ Там же. Д. 186. Т. 2. Л. 69.

³¹ Тайная миссия «царь-группы» // Тихоокеанская звезда. 2000. 1 июня.

³² Без срока давности: отряд 731 и спецобъект № 45 // Момент истины. 2023. 21 сентября. URL: <https://moment-istini.ru/news/bez-sroka-davnosti-otryad-731-i-spetsobekt-45.html>.

³³ Плискина В.Н. Русские переводчики из Харбина // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 76.

³⁴ Звягинцев А.Г. Указ. соч.

³⁵ Там же.

³⁶ Кириченко А.А. За кулисами трибунала // Великая Победа. В 15 т. М.: Издательство «МГИМО—Университет». С. 94, 95.

³⁷ АУМВД по ХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 175. Л. 38.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 469. Л. 34, 35, 41—80; Оп. 10с. Д. 147. Л. 342—352; Документ № 10. Товарищу Сталину И.В. 23 апреля 1949 г. № 1717/к // Архив Президента РФ (АП РФ).

Ф. 3. Оп. 66. Д. 1065. Л. 11—21. Цит. по: Доклад Сталину о японском «бактериологическом» отряде № 731 // Родина. 2010. № 9. URL: <https://rodina-history.ru/2025/08/29/dokument-10.html>.

³⁹ АУМВД по ХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 175. Л. 40.

⁴⁰ Там же. Л. 40, 41.

⁴¹ Там же. Д. 190. Л. 51—54.

⁴² Там же. Д. 175. Л. 45, 46.

⁴³ Там же. Л. 49—51.

⁴⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 28—38.

⁴⁵ РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 51. Л. 24—30.

⁴⁶ Там же. Л. 53.

⁴⁷ Там же. Д. 10. Л. 52.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 173—179.

⁴⁹ АУМВД по ХК. Ф. 35. Оп. 2. Д. 9. Л. 152.

⁵⁰ Пермяков Г. Пу И. Пять лет вместе. С. 305.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-9492. Оп. 10с. Д. 147. Л. 319—338.

⁵² РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 62. Л. 1—12.

⁵³ АУМВД по ХК. Ф. 35. Оп. 2. Д. 9. Л. 149, 153.

⁵⁴ См.: Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Речь государственного обвинителя государственного советника юстиции 3 класса Л.Н. Смирнова // Красная звезда. 1950. 1 января. С. 3.

⁵⁵ АУМВД России по ХК. Ф. 35. Оп. 2. Д. 9. Л. 51—59.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 3112. Л. 161—163.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Документ № 10.

⁵⁹ Докладная записка С.Н. Круглова и А.А. Громыко И.В. Сталину с проектом постановления Совета Министров СССР об организации в г. Хабаровске открытого судебного процесса над руководящими работниками японского

«противоэпидемического отряда № 731». 30 сентября 1949 г. // Архив внешней политики РФ. Ф. 07. Оп. 224. П. 6. Д. 52. Л. 2—4. Цит. по: Хабаровский процесс. Документальные свидетельства: сб. док. М.: Б.и., 2021. С. 79, 80.

⁶⁰ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1065. Л. 22, 23—30.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 1. Ч. 2. Л. 91, 91 об.

⁶² Статья 58-9 УК РСФСР. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества... См.: Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. М.: Госиздат юридической литературы, 1950. С. 41, 42.

⁶³ Японские генералы в советском плену 1945—1956 гг. // Блог в LiveJournal автора ronin_077. 2021. 6 июля. URL: <https://ronin-077.livejournal.com/98659.html>.

⁶⁴ Интернет-проект «Хабаровский процесс над японскими военными преступниками 1949 г.». URL: <https://khabarovsk1949.rusarchives.ru>.

⁶⁵ РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 55. Л. 12—18.

⁶⁶ Там же. Д. 52. Л. 95—101.

⁶⁷ Там же. Д. 51. Л. 93—100.

⁶⁸ Там же. Д. 57. Л. 172—174.

⁶⁹ Там же. Д. 62. Л. 13—16.

⁷⁰ Там же. Д. 54. Л. 7—11.

⁷¹ Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 56. Л. 286—294.

⁷² ГА РФ. Ф. Р-7867. Оп. 2. Д. 262. Л. 39—45.

⁷³ Судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в создании и применении

бактериологического оружия. Приговор // Правда. 1950. 1 января. С. 3—5.

⁷⁴ Дальний Восток СССР: 1941—1945 гг. Владивосток: Дальнаука, 2020. С. 694, 695; Кузнецов Д.В. Оружие дьявола: разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931—1945 гг.). Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. университета, 2019. С. 157—161; Ким С.П. Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945—1956 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Б.и., 2016. С. 235.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 8, 9.

⁷⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 51 Л. 1—26.

⁷⁷ 12 января 1950 г. Президиум Верховного Совета СССР после трёхлетней отмены вернул смертную казнь Указом «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). М.: Госиздат юридической литературы, 1956. С. 397.

⁷⁸ Звягинцев А.Г. Указ. соч.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 399.

⁸⁰ Звягинцев А.Г. Указ. соч.

⁸¹ См.: Принципы международного права, признанные статутот Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml.

⁸² Юрист оценил вклад Хабаровского процесса 1949 г. в запрет биологического оружия // РИА «Новости». 2021. 30 августа. URL: <https://ria.ru/20210830/khabarovskiy-1747867991.html>; Кикнадзе В.Г. Великая Победа над фашизмом. Фальсификация — нет! М.: Прометей, 2025. С. 388—398.

V.Zh. Dorokhov

«WE WERE THE FIRST GROUP OF MANCHUKUO WAR CRIMINALS TO ARRIVE IN THE SOVIET UNION»

Operational and security work with internees and prisoners of war at Special Facility No. 45 of the NKVD / Ministry of Internal Affairs Directorate for Khabarovskiy Kray from 1945 to 1950

Information about author. Vyacheslav Dorokhov — Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, D. Sc. (Hist.), associate professor (city of Khabarovsk. E-mail: dorohova_elen@mail.ru).

Summary. From 1945 to 1950, specialists from the People's Commissariat for Internal Affairs and the Ministry of Internal Affairs worked at Special Facility No. 45 in Khabarovskiy Kray for five years. During this time, they conducted operational security work with generals from the Japanese Kwantung Army and officials and generals of Manchukuo in order to identify war criminals and collect evidence of their crimes. This extensive body of evidence formed the basis for Soviet accusations against Japanese militarists at the International Military Tribunal in the Far East (1946—1948) and the Khabarovsk trials (1949). This evidence enabled the conviction of Japanese intent to launch an aggressive war against the USSR and occupy its territory at the Tokyo trials, as well as proving Japan's use of biological weapons at the Khabarovsk trials. Thanks to this evidence, those responsible were brought to justice. The Khabarovsk trial was significant in establishing an international legal framework that prohibits the development of biological weapons. It became one of the most significant events of the 20th century and is remembered alongside the Nuremberg and Tokyo trials.

Keywords: NKVD / Ministry of Internal Affairs of the USSR; Special Facility No. 30 of the NKVD Directorate for Chita Oblast; Special Facility No 45 of NKVD / Ministry of Internal Affairs Directorates for Khabarovskiy Kray; former Emperor Pu Yi; internees; Japanese prisoners of war; generals of Kwantung Army; operational Cheka work; agents; prosecution witnesses; International Military Tribunal for Far East; Tokyo Trials; preparation and use of bacteriological weapons; Khabarovsk trials; Japanese war criminals.

«НЕВЕРОЯТНО КОЩУНСТВУЮТ НЕМЕЦКИЕ ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ НАД ЦЕРКВАМИ»

Обстрелы и осквернение германскими войсками православных храмов
на белорусских землях в 1914—1918 гг.

Сведения об авторе. Самович Александр Леонидович — член Белорусского общества архивистов, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (г. Минск, Беларусь. E-mail: as27-72@mail.ru).

Аннотация. В статье раскрываются факты совершения кайзеровскими войсками в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. намеренных обстрелов православных храмов и монастырей. В ходе этих зверских действий осквернялись почитаемые прихожанами святыни, осуществлялись порча и уничтожение церковного имущества, происходило глумление над религиозными чувствами и убеждениями верующих. В ходе работы над статьёй автором были использованы архивные документы, которые впервые вводятся в научный оборот. Они служат наглядным доказательством антигуманной, бесчеловечной сущности «германской военной машины».

Ключевые слова: военные преступления; обычаи войны; обстрелы храмов; осквернение святынь; Первая мировая война; Российская империя; церковь; Чрезвычайная следственная комиссия.

История Первой мировой войны 1914—1918 гг. обширна и многогранна. Это прежде всего политические интриги, в которых кроются истоки и причины военного противостояния России и блока Центральных держав, масштабные кровавые сражения сухопутных армий, стратегические успехи и просчёты

штабов, бесконечные потоки беженцев, оккупация, плен, революционные настроения уставших от тягот окопной жизни и бессмысленных потерь солдатских масс.

Вместе с тем в горниле войны на прочность проверялись не только военный и экономический, но также и духовный потенциал вовлечённых в неё стран. Документы созданной весной 1915 года в России Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками зафиксировали одну из самых мрачных сторон человеческой истории — моменты, когда война не только отнимала жизни, но и разрушала границы морали, человечности. Сохранившиеся архивные материалы красноречиво свидетельствуют о том, что не только в местах, где разворачивались ожесточённые бои и сражения, но также и на прифронтовой территории кайзеровские войска намеренно игнорировали духовно-нравственные устои и патриархальный уклад жизни

российского общества. В ЧСК скрупулёзно фиксировали и расследовали такого рода факты¹. Для их выявления и тщательного документирования в составе её 3-го делопроизводства было создано специальное структурное подразделение — отдел «Б», занимавшийся военными преступлениями в отношении общественной безопасности (бомбёжки, грабежи, оскорбление святынь).

Выявление фактов обстрела церквей, разбойных нападений, грабежей, издевательств над священнослужителями и прихожанами производилось специально уполномоченными дознавателями (штатными и внештатными) путём тщательного сбора и изучения свидетельских показаний, а также (по возможности) осмотра и фотофиксации мест совершённых врагом преступлений. Показания очевидцев, зафиксированные в материалах ЧСК, призваны были стать одним из важнейших доказательств посправа противником общепризнанных норм международного гуманитарного права.

Официальное издание ЧСК:
«Наши враги. Обзор действий
Чрезвычайной следственной
комиссии». Т. I. Петроград,
1916. 499 с.
РГБ

Следует особо отметить, что в ряде статей принятой в 1907 году IV Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» содержались чёткие требования к воюющим о необходимости щадить храмы, не допускать действий, направленных на уничтожение и захват церковной собственности, а также проявлять уважение к религиозным убеждениям и отправлению обрядов веры (например, ст. 27, 46, 56 Конвенции)².

Как известно, в дореволюционной России Церковь была неразрывно связана с государством, а православие являлось не только духовной, но и идеологической скрепой страны. Понятия веры, царя и отечества официально ставились в один ряд в расчёте на то, что укоренившаяся в народе религиозность наилучшим образом исполнит охранительную функцию в российском обществе. Ступивший на русскую землю враг хорошо осознавал консолидирующую силу Церкви и намеренно совершал варварское разрушение храмов, производил захват и уничтожение церковной утвари, изощрённо глумился над чувствами верующих с целью расшатать духовные устои русского народа и ослабить его волю к сопротивлению.

Обращение ЧСК к свидетельствам недостойного, кощунственного отношения противника к священному месту или предмету не случайно. Установление конкретных действий такого рода служило лучшим опровержением транслировавшейся немецкой пропагандой «созидательной» и «цивилизующей» миссии Германии на славянских землях. В изданном в 1916 году обзоре деятельности ЧСК особо подчёркивалось, что «осквернение храмов, весьма часто совершаемое неприятельскими войсками, представляет собой ничем не оправдываемое нарушение не только норм меж-

дународного права, но самых святых и заветных велений религиозной совести»³.

Примером могут служить зафиксированные в одном из дел ЧСК следующие свидетельские показания крестьянина Вилейской волости Виленской губернии: «При отступлении неприятеля германцы подвергли обстрелу и бомбардировке церковь в д. Нарочь. Бомбардировали они её где-то на расстоянии 12 вёрст. Во время бомбардировки церкви наших войск в д. Нарочь не было... Я полагаю, что обстреливали и бомбардировали умышленно, так как снаряды густо падали вокруг самой церкви»⁴.

На факт бомбардировки с воздуха православного храма в местечке Городок Вилейского уезда в марте 1917 года обратил внимание Святейшего правительствующего синода архиепископ Литовский и Виленский Тихон. Как указывалось в его сообщении, «13 февраля, когда в церкви совершалось последование вечерни, над храмом появился неприятельский аэроплан, который некоторое время кружился в этом месте с очевидным намерением бросить бомбу в церковь. Во время стихирь на “Господи, воззвах” раздался оглушительный взрыв, все находившиеся в церкви молящиеся и говеющие ученики невольно вздрогнули; посыпались разбившиеся стекла»⁵. Вскоре выяснилось, что с немецкого летательного аппарата одновременно были сброшены три авиабомбы, которые разорвались в двадцати шагах от храма, оставив после себя три большие воронки.

Изложенный факт говорил о многом — в действиях германского лётчика отчётливо прослеживался религиозный характер военного противостояния 1914—1918 гг. Целенаправленный обстрел храма воспринимался российским обществом не иначе как бес-

компромиссное столкновение расчётливо-рационального «протестантского» мира с высокодуховным «православным». Ставя Святейший синод в известность о таком ничем не оправданном с военной точки зрения акте немецкой агрессии, архиепископ в конце своего сообщения счёл необходимым добавить, что «все описанное вызывает в народе крайнее возмущение к врагу, кощунственно посягнувшему на святыню»⁶.

Такого рода военные преступления, прямо противоречившие букве и духу IV Гаагской конвенции, совершались противником и в ряде других мест. Так, о плачевном состоянии оказавшейся под обстрелом Вилейской Свято-Георгиевской церкви сообщил архиепископу Тихону в своём рапорте от 28 ноября 1915 года Вилейский благочинный священник Антоний Миронович: «Шестью попавшими в нее орудийными снарядами проломана и изрешечена крыша, сильно поврежден средний купол, в котором переломаны устои и фасадные башни, а также выбито 146 стекол в окнах»⁷.

«Рыцарь большой дороги».
Карикатурный образ
кайзеровского офицера на фоне
горящих хат и мёртвых тел
<https://www.litfund.ru>

Прицельное сбрасывание бомб с германского аэроплана
<https://smolbattle.ru>

Разбитое огнём германской артиллерии внутреннее убранство
 православной церкви
 г. Сморгонь, 1916 г.
<https://urokiistorii.ru>

Пострадавшая от вражеского обстрела Михайловская церковь
 г. Сморгонь, 1916 г.

На исправление полученных храмом повреждений, по предварительной оценке благочинного, требовалась немалая по тем временам сумма — около 2000 руб.

Впрочем, не только обстрелы, но и немые свидетельства хозяйничанья вражеских войск на нашей земле — разбросанные иконы, разбитое и похищенное имущество разорённых храмов — говорили сами за себя. В том же рапорте благочинного приводится яркий пример откровенного святотатства германцев. В частности, речь шла о приписной Покровской церкви в местечке Куренец Вилейского уезда. «Она вся целиком, включая и алтарную часть, обращена была немцами в конюшню, причём лошади вводились в алтарь чрез царские ворота», — отмечалось в документе, составленном по результатам визуального осмотра храма⁸. Следы глумления противника над священными предметами встречались повсюду. Как следует из информации, доведённой архиепископом Тихоном до членов Святейшего синода, «царские ворота оказались снятыми с завес, по-видимому, для удобства ввода лошадей; Св. Престол сдвинут с места, а все находившееся на нем оставлено в разбросанном виде; иконы сняты со стен, а древки от хоругвей служили разделением стойл; по всей церкви и в алтарь натаскано соломы и повсюду видны конские испражнения; кружки взломаны, а замки от дверей попорчены»⁹. В доказательство этих слов был представлен фотографический снимок, запечатлевший все внутренние повреждения храма. Отметим, что события в местечке Куренец нашли отражение и в официальных публикациях ЧСК. В них сообщалось также и о смелой попытке белорусского крестьянина Петручука воспрепятствовать намерению врага осквернить Покровскую церковь¹⁰.

Наряду с ведением прицельного огня по православным храмам и монастырям во многих документах ЧСК зафиксированы также факты аморальных действий немецких военнослужащих в отношении почитаемых верующими священных предметов. Например, в одном из следственных дел отражены следующие показания каноника Ново-Георгиевской крепости М. Сидорова: «В Гродне меня в числе 15 других пленных отправили в местную тюрьму; там я сначала часа 3 был заперт в тюремной церкви. Она была превращена в портняжную мастерскую; иконы были сорваны и сложены кучей; часть из них была поломана и побита; немцы, работавшие там, курили и топтали иконы»¹¹. Слова артиллериста почти дословно повторил дознавателю и рядовой 10-го Туркестанского пехотного полка А. Агейкин: «Когда я находился в плену и помещался в тюрьме в Гродне, то видал, что тюремная церковь была превращена в портняжную мастерскую <...>. Некоторые иконы были на своих местах, другие были сорваны, порочены и валялись на полу»¹². Подобные факты приводятся и в ряде других свидетельских показаний. Например, со слов бежавшего из плена рядового 232-го пехотного Радомысльского полка Ф. Чистякова явствует, что в октябре 1916 года в церкви монастыря, находившегося на территории Брест-Литовской крепости, «германцы сделали конюшню, иконы сорвали и поломали; <...> выброшенные иконы валялись за окнами около церкви и ограды»¹³. Схожую картину обрисовали после побега из вражеского плена рядовые А. Шаповалов и С. Гуменюк из состава 195-го Оровайского и 84-го Ширванского пехотных полков: «Невероятно кощунствуют немецкие офицеры и солдаты над церквами: каждый храм отводится

под постой полковых или батальонных канцелярий, иконы выбрасываются на улицу, церковные одежды и утварь служат общим помешением; чрезвычайно дико надругались немцы над военной церковью в Картуз-Березовском лагере»¹⁴.

Особое акцентирование внимания русских солдат на кощунственном обращении противника с иконами, на наш взгляд, было связано не в последнюю очередь с характером и особенностями несения военной службы. Как известно, иконы сопровождали наших воинов повсюду: при проведении богослужений, принесении клятвенных обещаний, вручении наград, освящении оружия и полковых знамен, прощании с погибшими товарищами. Даже в сложных походных условиях и в боевой обстановке, когда не было возможности посещать полковые церкви, желающие могли помолиться перед скромными компактными выносными иконами. Воспитанные в духе христоролюбивого воинства, простые солдаты с большой душевной болью воспринимали факты издевательств врага над священными образами своих небесных заступников. Отмечая высокую набожность русских воинов, не будем сбрасывать со счетов и воздействие на них так называемого феномена «окопной религиозности», который проявлялся на фронте в условиях постоянного ощущения опасности и близости смерти.

Стремясь истощить духовный ресурс русского народа, наследники тевтонских «псов-рыцарей» не гнушались откровенным грабежом имущества храмов и монастырей. Такие вопиющие факты можно встретить, например, в материалах ЧСК, объединённых в следственное дело «О насилиях и грабежах, учинённых германцами в д. Новый Двор Логишинской вол. Пинского у. Минской губ.».

Так, в подшитом к делу докладе офицера для поручений при штабе 3-й русской армии, проводившего опрос местных жителей, сообщалось о том, что 5 сентября 1915 года в д. Новый Двор ворвались около 300 немецких солдат, которые потребовали от местного церковного старосты П. Гузаревича открыть для них двери в помещения приходского храма. Оказавшись внутри церкви, враги приступили к её опустошению. Добычей оголтелых вояк в тот день стали все найденные ими свечи, включая и те, что «поставлены были перед иконами, вставлены в паникадило и находились на Св. Престоле»¹⁵. После ограбления храма противник приступил к присвоению личного имущества прихожан. В частности, у родственника церковного старосты были отняты продукты питания, изъяты запасы фуража, а из хлева похищена домашняя живность¹⁶. Другие его односельчане пострадали не меньше.

Ознакомление с документами ЧСК не оставляет никаких сомнений в том, что как сами священные места, так и атрибуты богослужений намеренно становились объектами глумления со стороны противника. Например, рядовой конно-пулемётной команды 8-го уланского Вознесенского полка И. Карпенко сообщил представителю ЧСК, что в августе 1915 года был очевидцем того, как в местечке Постава Виленской губернии «в русском соборе на престоле валялись порванные игральные карты и окурки от папирос. Образ Спасителя был перерублен, верх собора сгорел от поджога немцами»¹⁷. И это был далеко не единичный случай, зафиксированный и оформленный ЧСК документально. Так, казак 4-й сотни 17-го Донского казачьего полка И. Елкин поведал следующее: «Я зашел посмотреть православную местную цер-

ковь деревни Грушице Минской губернии и там увидел на полу конский помет, несколько — так, штуки четыре — разбитых икон, валявшихся на полу, и там же куски изорванной новой священнической ризы»¹⁸.

Примеров такого рода сохранилось немало. Так, из опубликованного обзора деятельности ЧСК следует, что в сентябре 1915 года одно из воинских формирований германских войск, заняв с. Речки Вилейского уезда, обратило местную церковь вначале в склад для артиллерийских боеприпасов, а затем и в казарму для своих солдат. После ухода противника из села в храме были обнаружены следы устроенной немцами в священном месте вакханалии: «Престол оказался опрокинутым, плащаница брошенной на пол, в алтаре валялся котелок с пищей»¹⁹.

Как видим, материалы ЧСК подробно и многогранно отражали реалии войны, дегуманизацию врага, насилие. Конечно же, функционирование ЧСК в непростых

условиях военного времени накладывало негативный отпечаток на итоги её деятельности. Не все предпринятые шаги в рамках того или иного расследования удавалось довести до логичного конца. Многие факты нарушения противником законов и обычаев войны не могли быть обеспечены прочной доказательной базой в силу высокой подвижности линии фронта и ряда других объективных обстоятельств, создававших немало препятствий для опроса свидетелей по горячим следам, тщательного документирования и фотофиксации германских бесчинств. Тем не менее, судя по значительному объёму сохранившихся до наших дней в Российском государственном военно-историческом архиве материалов ЧСК, за относительно небольшой отрезок времени своего существования ею был проделан внушительный объём следственных работ, собран и обобщён достаточно большой документальный массив, перекликающийся с реалиями сегодняшнего дня.

Россия не раз в своей многовековой истории сталкивалась с иноземным вторжением, превращаясь в арену разрушительных по своим масштабам и последствиям военных действий. Государственные архивы сохранили немало свидетельств того, что историческое военное соперничество по линии «Запад — Восток» имело не только политико-экономическое, но в том числе и духовно-нравственное, религиозное измерение.

Не будет преувеличением сказать, что с самого начала Первой мировой войны друг другу противопоставлялись не только военное искусство, боевая выучка и вооружение войск, но также «безбожие» кайзеровской Германии и «благочестие» православной Руси. В период военного лихолетья здания церквей нередко становились такими же бастионами, как и хорошо оснащённые крепостные сооружения.

Отметим также, что ЧСК, тщательно расследовавшая преступления кайзеровских войск, сумела пережить все

Разрушенная артиллерийским огнём церковь Троицы Живоначальной

мест. Крево, 1915—1916 гг.

Немецкая фотооткрытка

<https://sobory.ru>

перипетии Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 года. В немалой степени опыт её функционирования был востребован в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Стоит отметить, что в деятельности ЧСК прослеживается немало схожего с работой широко известной Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Кроме того, материалы ЧСК, будучи изданными отдельными тематическими сборниками, активно использовались в качестве одного из эффективных инструментов информационной борьбы с

гитлеровской Германией и её сателлитами. К примеру, уже в 1942 году Управление государственными архивами НКВД СССР опубликовало сборник «Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг.», в который наряду с армейской и фронтовой документацией вошли наиболее резонансные материалы из архивного фонда ЧСК. Во введении к сборнику обращалось особое внимание на важность публикации такого рода свидетельств в связи с массовыми преступлениями, совершавшимися гитлеровцами на советской земле²⁰.

К сожалению, с течением времени проблематика соблюдения воюющими сторо-

нами норм международного гуманитарного права не утрачивает своей актуальности, получая новую остроту и звучание. Сегодня российские СМИ (в отличие от западных) чуть ли не ежедневно сообщают о разрушенных в зоне СВО и в нашем тылу православных церквях и монастырях, глумлении украинских националистов над чувствами верующих. Вне всякого сомнения, дальнейшее пристальное внимание к сохранившимся материалам ЧСК способно послужить не только глубокому пониманию событий далёкого прошлого, но и разрешению целого ряда сложных и острых проблем современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Организационные аспекты деятельности ЧСК, а также отдельные сюжеты, связанные с нарушением германской стороной законов и обычаев войны, рассматривались в работах некоторых современных российских исследователей. См., например: Асташов А.Б. «Зверства» войск антирусской коалиции в 1914—1918 гг.: военный опыт и пропаганда // Первая мировая война. Версальская система и современность: сборник статей. СПб., 2014. С. 65—73; он же. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 35—46; Богомолов И.К. Сбор сведений о военных преступлениях австро-германских войск в годы Пер-

вой мировой войны (на материалах Московской губернии) // Россия и современный мир. 2020. № 2. С. 51.

² IV Гаагская Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» [электронный ресурс] // Консорциум КОДЕКС. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259>.

³ Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии // Россия. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Т. 1: с 29 апреля 1915 по 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 297.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13159. Оп. 4. Д. 640. Л. 8.

⁵ Там же. Оп. 6. Д. 1379. Л. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 565. Л. 7.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 7 об.

¹⁰ Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии... С. 215.

¹¹ РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1292. Л. 5.

¹² Там же. Л. 5 об.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 101. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 19. Л. 3.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 937. Л. 8.

¹⁶ Зверства и грабежи немецкой армии на территории Белоруссии // Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.). Минск, 1953. С. 795.

¹⁷ РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1287. Л. 3.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 1073. Л. 2.

¹⁹ Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии... С. 215.

²⁰ Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг. / Предисл. П. Софинов. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1942. 80 с.

A.I. Samovich

«GERMAN OFFICERS AND SOLDIERS COMMITTED INCREDIBLE BLASPHEMIES AGAINST CHURCHES»

The shelling and desecration of Orthodox churches on Belarusian lands by German troops during the years 1914—1918

Information about author. Aleksandr Samovich — member of the Belarusian Society of Archivists, colonel (res.), D. Sc. (Hist.), associate professor (city of Minsk, Belarus. E-mail: as27-72@mail.ru).

Summary. This paper reveals the intentional shelling of Orthodox churches and monasteries by the Kaiser's troops during World War I (1914—1918). These brutal actions desecrated sacred places revered by parishioners, damaged and destroyed church property, and offended the religious feelings and beliefs of believers. The author used archival documents for the first time in researching this paper, which serve as clear evidence of the inhumane nature of the German war machine.

Keywords: war crimes; customs of war; shelling of churches; desecration of shrines; World War I; Russian Empire; church; Extraordinary Commission of Inquiry.

«Я СЧИТАЮ, ЧТО МОИ ОБЪЯСНЕНИЯ ОБЪЕКТИВНО НЕ МОГУТ БЫТЬ ОПРАВДАНИЕМ...»

Споры о виновниках захвата Народной армией Комуча г. Симбирска
22 июля 1918 года

Сведения об авторе. Наумов Евгений Олегович — старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, кандидат исторических наук (г. Саранск. E-mail: naumoveo@mail.ru).

Аннотация. В статье предпринята попытка разобраться в причинах захвата антибольшевистской Народной армией Комуча (Комитета членов Учредительного собрания) Симбирска 22 июля 1918 года, ставшего одной из крупнейших неудач Красной армии на начальном этапе Гражданской войны в России. Основными источниками для анализа послужили хранящиеся в Российском государственном военном архиве и Российском государственном архиве социально-политической истории малоизвестные материалы комиссии, занимавшейся расследованием обстоятельств, приведших к падению Симбирска. Кроме того, были привлечены опубликованные воспоминания участников событий. Установлено, что главной причиной захвата города неприятелем стало отсутствие единого центра, который должен был заниматься организацией обороны Симбирска. В результате основные полномочия по управлению войсками были рассредоточены между военными и гражданскими органами власти, а также политическими комиссарами, у которых постоянно возникали многочисленные разногласия по целому ряду вопросов. Впоследствии указанные споры перетекли на страницы протоколов следственной комиссии и в воспоминания, где оставшиеся в живых участники событий продолжали искать виновников падения Симбирска.

Ключевые слова: Гражданская война в России; захват Симбирска; защита города; Красная армия; Среднее Поволжье; Симбирская губерния; Восточный фронт; 1-я армия; Симбирская группа войск; бронепоезд «Свобода или смерть»; военные специалисты; измена; централизация руководства; Л.Д. Троцкий; И.И. Вацетис; М.Н. Тухачевский; В.В. Куйбышев; Г.И. Благонравов; С.М. Пугачевский; Я.М. Звирбуль; М.Б. Гольман; А.В. Полупанов.

Захват Симбирска Народной армией Комуча 22 июля 1918 года стал первым крупным поражением Красной армии на Восточном фронте. Данное воинское объединение было сформировано 13 июня для борьбы с вооружёнными силами антибольшевистских правительств, созданных в Поволжье, на Урале и в Сибири в результате выступления Чехословацкого корпуса. Для выяснения обстоятельств сдачи города на заседании ЦК РКП(б) от 29 июля была создана следственная комиссия в составе члена коллегии Наркомата юстиции Д.И. Курского, члена

ВЦИК А.П. Розенгольца и председателя Всероссийского бюро военных комиссаров И.И. Юренева¹.

Согласно предварительным сведениям, основными виновниками трагедии являлись политические комиссары, а также представители местных органов власти (совет, губисполком и губком РКП(б)). Перечисленная группа работников якобы заранее сбежала из города, не сумев наладить его оборону и проконтролировать поведение военных специалистов, значительная часть которых перешла на сторону противника².

Одним из главных подозреваемых по делу о падении Симбирска являлся Г.И. Благонравов, который ещё 22 июля был снят с должности члена РВС³. 14 июля он по собственной инициативе покинул Казань, приехал в Симбирск и создал

штаб обороны города⁴. Подобные чрезвычайные меры были обусловлены дезорганизацией военного руководства. Так, командующий Восточным фронтом И.И. Вацетис, который был назначен на указанную должность 11 июля после неудавшегося антибольшевист-

ского выступления и убийства главкома М.А. Муравьёва⁵, в тот момент находился в Москве и прибыл на участок боевых действий лишь 18 июля⁶. М.Н. Тухачевский, командующий 1-й армией, в прифронтную территорию которой входил Симбирск, также не

мог уделять полноценное внимание обороне города ввиду того, что он некоторое время исполнял обязанности командующего фронтом⁷, а впоследствии занимался приведением в порядок частей и отрядов, отступивших из-под Сызрани в Пензу⁸. Симбирская группа войск 1-й армии на тот момент фактически находилась без командира, т.к. её прежний начальник К. Иванов был арестован и отстранён от должности из-за участия в муравьёвской аванюре⁹. Кроме того, в результате целого ряда поражений войска, действовавшие на бугульминском направлении, стали стремительно отступать в сторону Симбирска.

В первую очередь следствие раскритиковало кадровую политику Г.И. Благонравова, который занимался назначением малоквалифицированных командиров на руководящие должности, что стало одной из причин возникновения большого количества проблем при налаживании управления войсками. Член РВС вынужден был оправдываться отсутствием в его распоряжении опытных специалистов. Например, подобным образом объяснялось вступление 15 июля в должность начальника Симбирской группы

войск С.М. Пугачевского, «человека без военных перспектив», по словам Г.И. Благонравова¹⁰. Аналогичную версию в своих воспоминаниях излагал чрезвычайный комендант города Я.М. Звирбуль¹¹. Однако указанные заявления звучат довольно странно, учитывая тот факт, что 4—5 июля в Симбирске была проведена мобилизация бывших офицеров, за счёт которых были укомплектованы штабные учреждения 1-й армии и её соединений¹². Вполне возможно, что Г.И. Благонравов опасался доверять ответственную должность командующего Симбирской группой войск военному специалисту.

Охарактеризованный неудачный опыт в кадровой политике оказался для Благонравова не последним. Накануне захвата города противником С.М. Пугачевский был отправлен в отставку. Вместо него был назначен «первый попавшийся» командир батальона 1-го Симбирского полка Д.И. Мороз. При этом данная перестановка была осуществлена в большой спешке, в результате чего Пугачевский официально отстранён не был, на что во время допроса сразу же обратил внимание Д.И. Курский. Более

того, А.П. Розенгольц пытался намекнуть, что подобное «двоеначалие» могло внести неразбериху в организацию обороны Симбирска. Однако Г.И. Благонравов поспешил опровергнуть их догадки следующей фразой: «Ни в коем случае... Если бы даже было бы троеначалие, это ничему не мешало бы, т.к. ни одного начальника не было»¹³. В итоге непосредственно в день взятия Симбирска 22 июля командовать некоторыми частями одноимённой группы войск пришлось самому Благонравову¹⁴. Однако если в неудачном назначении Пугачевского член РВС признавал свою вину и оправдывал его отсутствием опытных кадров, то инициаторами характеризуемой смены командующего Симбирской группы войск Благонравов называл местных советских работников, тем самым как бы открестьяваясь от не совсем рациональной меры¹⁵.

Главное недовольство ЦК РКП(б) вызвал слабый контроль местных властей и политических комиссаров над военными специалистами штаба Симбирской группы войск, часть которых перешла на сторону противника 22 июля. По мнению многих современников, саботаж во

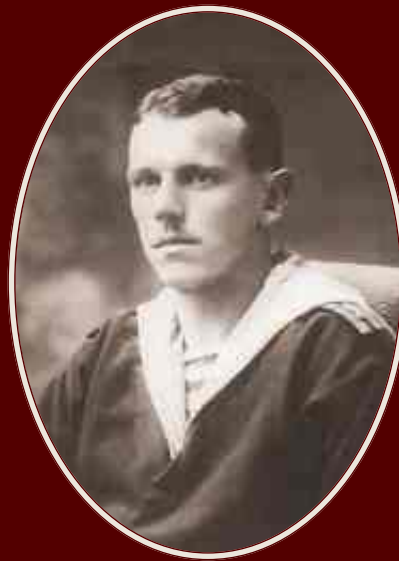
Общий вид г. Симбирска
Дореволюционная открытка

Д.И. Курский

А.П. Розенгольц

Ф.Ф. Раскольников

время организации обороны города, а также их бегство стали одной из важнейших причин сдачи Симбирска¹⁶. Однако соглашаться с выводами ЦК РКП(б) некоторые из указанных лиц отказывались. По словам Г.И. Благоднарова, члены губернского совета не только установили должный надзор над бывшими офицерами, уровень доверия к которым был очень низким, но и неоднократно пытались сосредоточить в своих руках полное управление частями и отрядами Симбирской группы войск. Сначала местные власти настаивали на необходимости пребывания их представителей в оперативном отделе штаба соединения, а затем выступили с инициативой создания независимого штаба. Если на первое предложение Благоднаров дал согласие, то от второго категорически отказался¹⁷. Несмотря на это, следственная комиссия сделала вывод о том, что именно вмешательство советских работников и политкомов в деятельность военных специалистов стало одной из причин дезорганизации в войсках. Поэтому Благоднарову на допросе 5 августа вновь пришлось оправдываться, что комисса-

ры лишь отменяли неудобные приказы¹⁸. В очередной раз член РВС заступился за политкомов, когда отвечал на вопрос Ф.Ф. Раскольникова об их вине в измене штаба Симбирской группы войск: «Нет. Это — неустрашимое явление: нельзя заставить волков воевать против волков»¹⁹.

Несколько иную информацию в записке, направленной в РВС Восточного фронта 23 июля, приводил В.В. Куйбышев, который прямо заявил: «Нам, политическим комиссарам, совершенно не знающим военного дела, сплошь и рядом приходилось брать на себя функции командования и даже решать сложные стратегические задания, что, совершенно очевидно, не может быть признано нормальным». По словам Куйбышева, «отдельные части войск считались с нами как с командованием в отдельных случаях (в особенности в вопросах снабжения), и не считались в других (в случаях получения боевых заданий)». Ситуация осложнялась тем, что в Симбирске на тот момент было сосредоточено несколько политкомов фронтового (Г.И. Благоднаров), армейского (В.В. Куйбышев) и дивизи-

онного (В. Певзнер — политком Симбирской группы войск) уровней, к каждому из которых периодически обращались по тем или иным вопросам командиры частей и подразделений²⁰.

Важнейшая претензия, высказанная в адрес комиссаров и местных работников, заключалась в том, что они якобы покинули город преждевременно, не предприняв никаких мер по организации отпора противнику²¹. Например, члены РВС в приказе от 22 июля писали, что Г.И. Благоднаров якобы уехал из Симбирска за день до его падения²². Вероятно, источником данной версии являлся заместитель председателя Симбирского губисполкома М.Б. Гольман, занимавший также должность симбирского губвоенкома. В телеграмме заведующему оперативным отделом Наркомвоен С.И. Аралову, Л.Д. Троцкому и И.И. Вацетису от 22 июля он сообщал, что Благоднаров вместе с Пугачевским «в минуту замешательства штаба [пропали] неизвестно куда. Есть предположение, что они уехали в Казань»²³. Впоследствии Г.И. Благоднаров и С.М. Пугачевский доказали, что отъезд на пароходах по Волге в сто-

рону Казани был обусловлен попыткой лично остановить отступавшие части и подразделения и вернуть их в Симбирск²⁴. Вероятнее всего, они просто не поставили местные власти в известность о том, что покидают город для предотвращения дезертирства. Однако не стоит также исключать версию, что М.Б. Гольман просто решил переложить ответственность за поражения на военное командование. Тем не менее Г.И. Благодоров, очевидно, осознавал свою вину, поэтому в показаниях и беседах с членами следственной комиссии неоднократно пытался охарактеризовать заслуги в деле обороны города. В основном это касалось вывоза им из Симбирска большой суммы денег. Например, в документе от 30 июля он писал об эвакуации 40 млн руб. из казначейства. Кроме того, с собой Благодоров забрал около 3000 руб.²⁵ Более развёрнуто о данном поступке он сообщал в разговоре с Д.И. Курским 5 августа²⁶.

Во время бесед с Г.И. Благодоровым также обсуждался вопрос о поведении представителей местных властей и армейских комиссаров — председателя Симбирского губкома РКП(б) И.М. Варейкиса, М.Б. Гольмана и В.В. Куйбышева — накануне падения города. Во всех случаях, кроме ситуации с Гольманом, о котором будет сказано ниже, Благодоров давал положительные характеристики, отмечая, что и Варейкис, и Куйбышев сохраняли самообладание, несмотря на всю катастрофичность ситуации²⁷. Вместе с тем некоторые советские работники действительно стали покидать город за несколько дней до его взятия, поэтому обвинения ЦК РКП(б) в данном случае частично подтвердились²⁸. В процитированной выше записке от 23 июля В.В. Куйбышев объяснял свой отъезд из города прежде всего переизбытком в Симбирске поли-

тических комиссаров разных уровней, а также разрешением вопроса о том, кто из них должен заниматься организацией обороны: «Распределив функции и прикрепив к Симбирску командующего группой Пугачевского с комиссаром Певзнером, я считал моё присутствие в Симбирске излишним в силу изложенных обстоятельств»²⁹. Тем не менее, узнав о том, что Пугачевский и Певзнер всё же покинули Симбирск в решительную минуту, Куйбышев изменил свою точку зрения: «...Я считаю, что мои объяснения объективно не могут быть оправданием: события возложили на меня ответственность за отсутствие в Симбирске в решительную минуту командного состава»³⁰. Поэтому Куйбышев просил освободить его от должности политического комиссара 1-й армии³¹. Однако РВС Восточного фронта отказался выполнять данную просьбу.

В телеграммах, докладных записках и воспоминаниях партийные работники также неоднократно пытались доказать свою невиновность и опровергнуть многочисленные заявления о том, что они стремительно покинули город после первых выстрелов противника, не предпринимая никаких мер. Г.И. Благодоров в беседе со следственной комиссией 5 августа отмечал, что для остановки отступавших солдат они вместе с И.М. Варейкисом вынуждены были поставить пулемётчика³². М.Б. Гольман в цитируемой выше телеграмме от 22 июля сообщал, что «совет взял в свои руки командование, назначив отдельных членов начальниками отдельных отрядов, и решив биться до последних сил»³³. При этом все участники событий аргументировали необходимость подобного вмешательства отсутствием работников штаба Симбирской группы войск. Например, В.Н. Фрейман в докладе от 1 августа писал, что

члены губисполкома работали «не покладая рук до последнего момента по снабжению, по использованию транспорта, по сдерживанию бегущих»³⁴. Похожая информация впоследствии приводилась в докладе председателя Симбирского губисполкома 7-му губернскому съезду Советов от 17 января 1919 года³⁵, в воспоминаниях Б.Н. Чистова³⁶ и Я.М. Звирбуля. По словам Звирбуля, члены губисполкома и некоторые политработники уходили из штаба последними, организовав накануне эвакуацию военного имущества на пароходах³⁷.

Руководители обороны города, оправдываясь и выставляя на передний план свои заслуги, не забывали высказывать собственную точку зрения при определении виновников трагедии, среди которых довольно часто оказывались представители военного командования. Так, много претензий было адресовано командующему Восточным фронтом И.И. Вацетису, который не смог направить в Симбирск подкрепления. Об этом сообщалось в телеграмме М.Б. Гольмана от 22 июля³⁸ и в показаниях Г.И. Благодорова от 30 июля³⁹. Примечательно, что И.И. Вацетис и без напоминаний участников обороны Симбирска прекрасно понимал значение указанного фактора, о чём свидетельствует его доклад, направленный 25 июля в Народный комиссариат по военным делам и Высший военный совет. В нём командующий фронтом оправдывался за неспособность вовремя обеспечить город вооружёнными силами. Всю вину Вацетис перекладывал на 4-й латышский полк Инзенской дивизии 1-й армии, который, находясь на отдыхе в Рузаевке Пензенской губернии, отказался выступать под Симбирск из-за усталости и отсутствия всего необходимого для ведения боевых действий. Подобным образом И.И. Вацетис оценивал

Л.Д. Троцкий

Г.И. Благонравов

И.И. Вацетис

действия отряда И.К. Трофимовского и венгерской роты, которые также должны были отправиться на помощь Симбирской группе войск из Казани ещё 20 июля. Однако выехали они лишь спустя три дня, когда город уже находился под контролем противника⁴⁰.

Аналогичные обвинения поступали в адрес командующего 1-й армией М.Н. Тухачевского. Например, Г.И. Благонравов объяснял неудачи командующего Симбирской группы войск С.М. Пугачевского в деле руководства частями и подразделениями отсутствием каких-либо указаний от своего непосредственного начальника — Тухачевского⁴¹. Несмотря на то что командарм в целом контролировал ситуацию под Симбирском и нередко направлял Пугачевскому телеграммы соответствующего характера, определённая доля истины в приведённых словах была. Как уже сообщалось, в период с 14 по 20 июля Тухачевский находился в Пензе, где занимался приведением в порядок частей Пензенской дивизии, отступившей в город после поражений под Сызранью, мобилизацией бывших офицеров и отправкой их в распоряжение штаба армии в Инзе. Однако перед этим 14 июля командарм

наделил Пугачевского всеми необходимыми правами и независимостью в командовании войсками бугульминского направления⁴².

Довольно необычную претензию в адрес М.Н. Тухачевского высказал В.Н. Фрейман в показаниях от 1 августа. Партийный работник выступил с критикой инициативы командарма в проведении призыва бывших офицеров в Симбирской губернии и комплектовании за счёт них штаба одноимённой группы войск⁴³. Однако по аналогии с Вацетисом Тухачевский в докладе, направленном в Народный комиссариат по военным делам не ранее 22 июля, поспешил отметить, что мобилизация военных специалистов была осуществлена с одобрения председателя Симбирского губкома РКП(б) И.М. Варейкиса и политического комиссара 1-й армии О.Ю. Калнина. Более того, командарм предпочёл обратить внимание на положительные стороны данной меры, которая позволила наладить управление войсками в масштабе всей 1-й армии⁴⁴.

Среди представителей военного руководства самая большая порция критики досталась командующему Симбирской группой войск

С.М. Пугачевскому, способности которого ставил под сомнение даже сам Г.И. Благонравов, назначивший его на указанную должность. Спустя много лет в воспоминаниях своё недовольство деятельностью командующего Симбирской группой войск выражали начальник Сенгилеевского сводного отряда Г.Д. Гай⁴⁵, сотрудник политотдела соединения Б.Н. Чистов⁴⁶ и комендант Симбирска Я.М. Звирбуль⁴⁷. Например, С.М. Пугачевский обвинялся в том, что не проявлял инициативы в проведении чистки офицерского состава штаба соединения и представителей командного состава частей и подразделений. Довольно активно против Пугачевского высказывались солдаты бронепоезда № 4 «Свобода или смерть», которые безуспешно пытались добиться у командующего присылки подкреплений и орудий на бугульминский участок фронта⁴⁸. Накануне захвата Симбирска противником данный конфликт перешёл в активную стадию. Прибыв с фронта в город, командир бронепоезда А.В. Полупанов, а также несколько солдат направились напрямик в штаб, где под угрозой расстрела захватили Пугачевского и пове-

М.Н. Тухачевский

В.В. Куйбышев

И.М. Варейкис

ли его на участок боевых действий для непосредственного руководства отрядами⁴⁹.

Командующему Симбирской группой войск также пришлось выступать с оправданиями. В донесении от 26 июля неспособность реорганизовать штаб соединения он объяснял практически постоянным присутствием на фронте⁵⁰. С более детальными объяснениями выступил в воспоминаниях политический комиссар 1-й армии В.В. Куйбышев, который находился в числе немногих участников событий, отказавшихся от разгромной критики С.М. Пугачевского. Он писал, что последний из-за неопытности подчинённых ему командиров «принуждён был кидаться от одного отряда к другому и мало уделять внимания общему командованию группой»⁵¹. Кроме того, Пугачевский в показаниях признался, что он чисто физически оказался неготовым к последним дням обороны города, в результате чего во время преследования на пароходе отступавших из Симбирска частей упал в обморок⁵². О нездоровом состоянии командующего и его усталости также сообщали Д. Самарский⁵³ и В.Н. Фрейман⁵⁴. Тем не менее, критикуя С.М. Пугачевского,

неоднократно цитируемые участники событий накануне падения города согласились с решением сосредоточить в его руках управление всеми вооружёнными силами гарнизона и руководство обороной Симбирска, хотя могли выступить против этого⁵⁵.

Объяснив свои неудачи приведёнными выше причинами, С.М. Пугачевский по сложившейся традиции стал искать виновников дезорганизации в городе среди местного руководства. Одним из них являлся чрезвычайный комендант Я.М. Звирбуль, который, по словам командующего Симбирской группой войск, довольно часто игнорировал его приказы и рекомендации по созданию оборонительных укреплений⁵⁶. Вполне возможно, претензии Пугачевского не являлись попыткой отвести обвинения в сдаче города от себя, так как согласно Известиям Симбирского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов от 19 июля вместо Звирбуля комендантом был назначен председатель Симбирского губкома РКП(б) Варейкис⁵⁷. Причина данной кадровой перестановки в документе не приводилась. Вероятно, она была обусловлена либо неспо-

собностью Звирбуля решать поставленные задачи, либо необходимостью постановки во главе дела обороны Симбирска высокопоставленного партийного работника, каким являлся Варейкис. Свою отставку Звирбуль в воспоминаниях никак не комментировал, хотя информацию о назначении Варейкиса комендантом приводил⁵⁸. Впоследствии о его деятельности на указанной должности подробно писал Б.Н. Чистов, который хоть и отмечал энергичную работу И.М. Варейкиса, но в то же время обращал внимание на запоздалость многих мер, к которым, например, относились поиск и расстановка артиллерийских орудий⁵⁹.

Очевидно, что Я.М. Звирбуль не был согласен с обвинениями С.М. Пугачевского, о чём свидетельствуют его воспоминания. Прежде всего он посчитал необходимым нивелировать собственную роль в организации защиты города во время наступления противника. В мемуарах Звирбуль сообщал, что он являлся лишь членом созданного 14 июля штаба обороны Симбирска, выполняя одновременно обязанности начальника укрепленного района⁶⁰.

Однако в приказе № 2 РВС Восточного фронта о формировании штаба Я.М. Звирбуль указан в качестве начальника обороны и чрезвычайного коменданта города⁶¹. Львиную долю ответственности он перекладывал на эсера-максималиста М.Б. Гольмана, который якобы из-за партийной принадлежности саботировал процесс организации обороны. Например, работники комиссариата отказывались отправлять на фронт целые части, направляя небольшие сводные отряды. Кроме того, Гольман критиковался за самовольную и неудачную попытку взять в свои руки управление частями и подразделениями Симбирской группы войск, что из-за отсутствия у него необходимого опыта ни к чему положительному не привело, а также за паникёрство при появлении в городе первых отрядов противника⁶². С.М. Пугачевский писал, что именно М.Б. Гольман отдал приказ находившейся в Симбирске единственной свежей и боеспособной части — 1-му латышскому полку — немедленно покинуть город, который якобы был окружён чехами, и вскоре сам поспе-

А.В. Полупанов

шил скрыться⁶³. Аналогичное мнение приводил в воспоминаниях Б.Н. Чистов⁶⁴. Г.И. Благоданов также отмечал, что «члены Совдепа вообще не считали Гольмана надёжным человеком, он был даже отозван с позиций»⁶⁵. Несмотря на то что многие участники событий активно критиковали М.Б. Гольмана, который даже был замешан в антибольшевистском выступ-

лении командующего Восточным фронтом М.А. Муравьёва 10—11 июля, именно он был назначен последним начальником штаба обороны города, «хотя он никогда военным не был и в военном искусстве ничего не понимал»⁶⁶. Вполне возможно, это было обусловлено отсутствием других специалистов.

Тем не менее попытка проконтролировать действия М.Б. Гольмана всё же была предпринята путём назначения вторым губвоенкомом упоминавшегося выше В.Н. Фреймана. Однако из-за «неповоротливости и политической дряблости» он не оказывал на него какого-либо влияния⁶⁷. Кроме того, у некоторых участников событий были и другие претензии к Фрейману. Например, Звирбуль писал, что на заседаниях штаба обороны Фрейман якобы ошибочно отстаивал необходимость возведения укреплений на восточном бу-гульминском направлении. В то же время сам Звирбуль считал, что нужно уделить внимание и южным рубежам, т.е. сенгилеевскому направлению. В итоге под воздействием Фреймана его точка зрения

Здание, где в 1918 г. располагался Симбирский губисполком
Современное фото

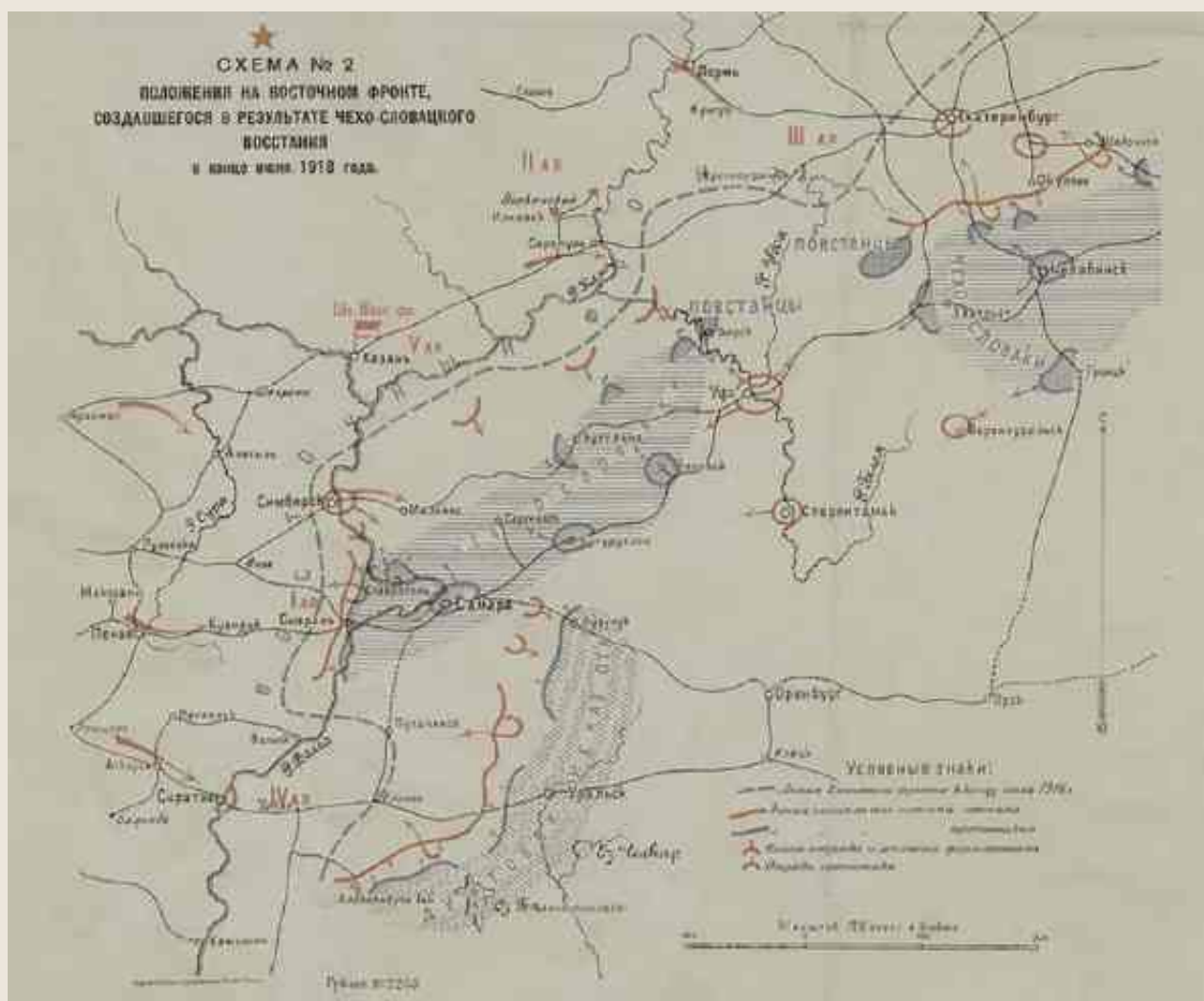
была отвергнута⁶⁸. Так или иначе из-за неорганизованности наладить оборону ни на одном из указанных участков в полной мере не удалось.

Одним из немногих виновников трагедии под Симбирском, на которого указывали буквально все участники событий, являлся командир бронепоезда № 4 «Свобода или смерть» А.В. Полупанов⁶⁹. Несмотря на то что данное подразделение, находившееся на бугульминском фронте, являлось одним из самых боеспособных в Симбирской группе войск, его действия сыграли важную роль в падении Симбирска. Так, по словам Г.И. Благонравова, за несколько дней до захвата города бронепоезд практически не участвовал в его обороне, отступая в западном направ-

лении. Более того, оказавшись в Симбирске вечером 21 июля, А.В. Полупанов своим несдержанным поведением способствовал возникновению паники среди красноармейцев, а также угрожал расстрелом командующему Симбирской группой войск С.М. Пугачевскому⁷⁰. При этом задержать Полупанова было невозможно, т.к. у него, как выразился Г.И. Благонравов, «была колоссальная шайка, которая шла за ним». На основе полученных сведений члены следственной комиссии даже выдвинули версию о том, что Полупанов сознательно наводил панику. Однако Благонравов поспешил опровергнуть эту догадку⁷¹.

Здесь нужно добавить, что действия командира бронепоезда оправдывали многие

современники. Например, Г.И. Благонравов сообщал, что «сильная расхлябанность» поезда была вызвана авантюристическим выступлением М.А. Муравьева, с которым А.В. Полупанов и бойцы отряда были лично знакомы, а также его последующим убийством⁷². Аналогичную информацию приводили другие участники событий⁷³. Кроме того, широко была известна привязанность Полупанова к своему бронепоезду, с которым он воевал на Украине в первой половине 1918 года. Поэтому его уничтожение в результате неравных боёв под Симбирском вызвало неконтролируемое паническое поведение командира. Так, Г.И. Благонравов сообщал: «Он (А.В. Полупанов. — Прим. авт.) был бледен, кричал — “погибает

Карта. Гражданская война в Поволжье летом 1918 г.

мой поезд” — его поезд стоял за мостом в сторону Мелекесс»⁷⁴. Похожие сведения приводили Я.М. Звирбуль⁷⁵, В.Н. Фрейман⁷⁶ и Б.Н. Чистов⁷⁷.

Таким образом, проанализировав свидетельства участников обороны Симбирска, определённо точно ответить на вопрос о виновниках падения города достаточно сложно. Прежде всего стоит отметить, что версия ЦК РКП(б), который всю ответственность за захват Симбирска противником 22 июля возложил на политических комиссаров и работников местных властей, на фоне многочисленных оправдательных и достаточно убедительных заявлений указанных лиц выглядит слишком

поспешной. Однозначно лишь то, что все из представленных в статье прямых и косвенных фигурантов расследования, начиная с центральных властей и заканчивая командами частей и подразделений, внесли свой вклад в поражение Красной армии под Симбирском. Можно считать, что основной причиной катастрофы стало отсутствие единого централизованного руководства, а также чётких субординационных взаимоотношений между основными звеньями организационной структуры на фронте. Особое внимание привлекает поведение большинства военных и гражданских руководителей, которые как непосредственно после ха-

рактеризуемых событий, так и спустя много лет, придерживались похожей тактики во время описания обороны города — сообщить о своих заслугах, переложив часть ответственности на других лиц. При этом особенно выделяется стремление губернского начальства обвинить в поражениях военное командование, которое также в долгу не оставалось. Тем не менее без разногласий среди местного руководства также не обошлось. Отметим, что подобные претензии фактически являлись отражением реального положения дел во взаимоотношениях между участниками событий, что также стало одной из причин падения города.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий: Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 10; Согласно воспоминаниям А.П. Розенгольца И.И. Юренев в работе комиссии не участвовал, т.к. не успел вовремя приехать в Казань (См.: Розенгольц А. Из воспоминаний о борьбе за Казань // Борьба за Урал и Сибирь: воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией. М.: Гос. изд-во, 1926. С. 19). Вместо него в допросах участвовал член Революционного военного совета Восточного фронта Ф.Ф. Раскольников. Работа данного органа, находившегося в Казани при штабе Восточного фронта, была прервана из-за взятия города Народной армией 7 августа (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 66. Л. 84). Поэтому определить и наказать основных виновников поражения под Симбирском по горячим следам не удалось (Военная переписка Л.Д. Троцкого (июнь—декабрь 1918 г.). Как создавалась Красная армия: документы и материалы. М.: Мость Видео; Политическая энциклопедия, 2024. С. 334). Впоследствии данный вопрос с разной степенью успешности поднимался участниками событий. Однако они имели весьма субъективный взгляд на характеризующие события (наибольшее количество воспоминаний, посвящённых падению Симбирска

22 июля 1918 г., было опубликовано в 1936 г. в сборнике материалов «1918 год на родине Ленина»). Исследователи, затрагивавшие рассматриваемый вопрос, не занимались его разрешением целенаправленно, привлекая крайне ограниченную источниковую базу, давно введённую в научный оборот (См., например: Бринюк Н.Ю. Владислав Каппель. Биография эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 252—267; Копылов Н.А. Гражданская война в Поволжье летом 1918 года. Взятие Симбирска глазами противоборствующих сторон // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2021. № 4(73). С. 43—53; Кузнецов В.Н. В огне Гражданской войны (политические партии в Симбирской губернии в 1918 г.). Ульяновск: УлГУ, 2021. С. 169—194). В данной статье представлен более широкий круг источников, среди которых особый интерес вызывают показания организаторов обороны Симбирска (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 79. Оп. 1. Д. 130. Л. 1—2; РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 86. Л. 32—36; Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 6—8 об., 13; Д. 9. Л. 1—13).

² Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922) в 4 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1971. С. 411—413.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 11. Л. 213; Чистов Б.Н. Посланец партии: очерк военно-политической деятельности П.А. Кобозева на Вос-

точном фронте (1918—1919 гг.). М.: Воениздат, 1980. С. 81.

⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 1; Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 — март 1919 гг.). Т. 1. Ульяновск: Ульян. кн. изд-во, 1958. С. 93.

⁵ М.А. Муравьёв, чьи действия и распоряжения до и во время антибольшевистского выступления в Симбирске 10—11 июля 1918 г. нанесли определённый ущерб боеспособности Восточного фронта, Красной армии, также считался одним из главных виновников симбирской катастрофы. Об этом сообщали практически все участники событий.

⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 123.

⁷ Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 13. Л. 236.

⁸ Симбирская губерния в годы Гражданской войны. С. 93.

⁹ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 15.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 8; Оп. 7. Д. 7. Л. 13. В другом месте Г.И. Благонравов обращал внимание на то, что С.М. Пугачевский «был назначен мною и [К.А.] Мехоношиным», тем самым, вероятно, разделяя ответственность за выбранную кандидатуру с другим членом РВС. См.: РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 13.

¹¹ Звирбуль Я. Падение Симбирска // 1918 год на родине Ленина: сборник воспоминаний о революции в Симбирской губернии. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1936. С. 223.

¹² Подробнее о данной мобилизации см.: Наумов Е.О. «Кадры ре-

шают всё»: комплектование 1-й армии Восточного фронта военными и гражданскими специалистами во второй половине 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2(29). С. 26—86.

¹³ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 5—6.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 223, 224, 231; РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 86. Л. 33; Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 6, 7, 7 об., 13; Чистов Б.Н. Парторганизация в дни гражданской войны // 1918 год на родине Ленина. С. 77, 78.

¹⁷ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 3. Л. 22—23; Д. 9. Л. 12.

¹⁸ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 12.

¹⁹ Там же. Л. 9.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 130. Л. 1 об.

²¹ Директивы командования фронтов Красной армии. С. 406, 413; РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 11. Л. 213, 234.

²² Цит. по: Чистов Б.Н. Посланец партии. С. 81.

²³ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 155.

²⁴ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 7 об.; Д. 9. Л. 5, 7—8.

²⁵ Там же. Д. 7. Л. 13.

²⁶ Там же. Д. 9. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 11.

²⁸ Там же. Д. 7. Л. 13; Д. 9. Л. 4.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 130. Л. 1 об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 2.

³² РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 12.

³³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 155.

³⁴ Там же. Оп. 3. Д. 86. Л. 34.

³⁵ Симбирская губерния в годы Гражданской войны. С. 372, 373.

³⁶ Чистов Б.Н. Парторганизация в дни гражданской войны. С. 89.

³⁷ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 230—233.

³⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 155.

³⁹ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 13.

⁴⁰ Директивы командования фронтов Красной армии. С. 406, 407.

⁴¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 13.

⁴² Симбирская губерния в годы Гражданской войны. С. 93.

⁴³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 86. Л. 33.

⁴⁴ Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 — февраль 1921 гг.: сборник документов и материалов. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 31—33.

⁴⁵ Гай Г.Д. В боях за Симбирск (краткий очерк гражданской войны в губернии). Ульяновск: Истпаротдел Ульяновского окружкома РКП(б), 1928. С. 10.

⁴⁶ Чистов Б.Н. Указ. соч. С. 77, 81, 82, 84, 87.

⁴⁷ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 223, 224, 226, 229.

⁴⁸ Гимельштейн Н. С бронепоездом «Свобода или смерть» // 1918 год на родине Ленина. С. 214—215, 217.

⁴⁹ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 231—232; РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 6 об.—7; Д. 9. Л. 4.

⁵⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 6.

⁵¹ Куйбышев В.В. Первая революционная армия // Годовщина Первой революционной армии. М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. С. 11.

⁵² РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 8.

⁵³ Самарский Д. Партизаны Волги // Годовщина Первой революционной армии. С. 121.

⁵⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 86. Л. 33.

⁵⁵ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 229; Чистов Б.Н. Указ. соч. С. 87.

⁵⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 6 об.

⁵⁷ Известия Симбирского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 июля. № 141.

⁵⁸ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 227.

⁵⁹ Чистов Б.Н. Указ. соч. С. 77—78.

⁶⁰ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 224, 225; 231—234; РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 7 об.

⁶¹ Симбирская губерния в годы Гражданской войны. С. 92.

⁶² Звирбуль Я. Указ. соч. С. 224, 231—234.

⁶³ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 7 об. В беседе с членами следственной комиссии от 5 августа Г.И. Благоднаров также сообщал о своей неудачной попытке отправить отступавших латышей на оборону Симбирска. См.: РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 4.

⁶⁴ Чистов Б.Н. Указ. соч. С. 77.

⁶⁵ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 11.

⁶⁶ Симбирская губерния в годы Гражданской войны. С. 372.

⁶⁷ Чистов Б.Н. Указ. соч. С. 77;

Звирбуль Я. Указ. соч. С. 225, 226.

⁶⁸ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 226.

⁶⁹ Подробнее о нём см.: Наумов Е.О. Тупик бронепоезда «Свобода или смерть» // Родина. 2024. № 2. С. 114—117.

⁷⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 7. Л. 6 об.—7, 13; Д. 9. Л. 1—2, 4.

⁷¹ Там же. Л. 10—11.

⁷² Там же. Д. 7. Л. 13; Д. 9. Л. 1—2.

⁷³ Гимельштейн Н. Указ. соч. С. 212, 213; Певзнер В. Под Ставрополем и Мелекесом // 1918 год на родине Ленина. С. 207; Перкин Д.Е. Коммунистический отряд на фронте // Там же. С. 121, 122; РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 86. Л. 32, 33; Чистов Б.Н. Указ. соч. С. 78.

⁷⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 9. Л. 11.

⁷⁵ Звирбуль Я. Указ. соч. С. 231.

⁷⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 86. Л. 34.

⁷⁷ Чистов Б.Н. Указ. соч. С. 87.

Ye.O. Naumov

«I BELIEVE THAT MY EXPLANATIONS CANNOT OBJECTIVELY SERVE AS JUSTIFICATION...»

Disputes about the responsibility of the capture of Simbirsk by the People's Army of Komuch on July 22, 1918

Information about author. Yevgeniy Naumov — senior researcher at the department of history, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Cand. Sc. (Hist.) (city of Saransk. E-mail: naumoveo@mail.ru).

Summary. This paper seeks to understand the factors that led to the capture of Simbirsk by the anti-Bolshevik People's Army of the Komuch on July 22, 1918. This event was a major setback for the Red Army in the early stages of the Russian Civil War. The analysis is based on primary sources, including little-known materials from a commission investigating the circumstances surrounding the fall of Simbirsk, which are stored in the Russian State Military Archive and the Russian State Archive of Socio-Political History. Additionally, published memoirs from participants in the events have been consulted. It has been confirmed that the primary cause of the enemy's successful capture of the city was the absence of a unified command structure to coordinate the defense of Simbirsk. Consequently, the authority for military operations was divided among military and civilian authorities, as well as political commissars, who frequently clashed over a multitude of issues. These disagreements were later documented in the records of the investigative commission and in the memoirs of those who survived the events and who continued to seek accountability for the fall of Simbirsk.

Keywords: Civil War in Russia; capture of Simbirsk; defense of the city; Red Army; Middle Volga region; Simbirsk province; Eastern Front; 1st Army; Simbirsk group of forces; armored train Freedom or Death; military experts; treason; centralization of leadership; L.D. Trotskiy; I.I. Vatsetis; M.N. Tukhachevskiy; V.V. Kuibyshev; G.I. Blagonravov; S.M. Pugachevskiy; Ya.M. Zvirbul'; M.B. Gol'man; A.V. Polupanov.

«ИСТИННО-ОФИЦЕРСКАЯ ЛОШАДЬ ОБЯЗАНА УДОВЛЕТВОРЯТЬ НЕ ТОЛЬКО ТРЕБОВАНИЯМ ЕЗДЫ МАНЕЖНОЙ И ФРОНТОВОЙ...»

Офицерские скачки в Российской империи
(вторая половина XIX — начало XX в.)

Сведения об авторах. Мельникова Дарья Андреевна — доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Санкт-Петербургского аграрного университета, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: darya.a.melnikova@yandex.ru);

Трегубова Марина Сергеевна — ассистент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: marina_tregubova@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения офицерских конных испытаний, организованных Военным министерством и скаковыми обществами при непосредственной поддержке Главного управления государственного коннозаводства, на рубеже XIX—XX столетий. Благодаря им конный спорт в тот период приобрёл особую популярность в России. Для офицеров участие в скачках, конных пробегах, выездах и конкурсах было не только неотъемлемым элементом профессиональной подготовки, но и популярным способом проведения мужского досуга.

Ключевые слова: Русская Императорская армия; кавалерия; офицерские скачки; Красносельские скачки; скаковые лошади; Главное управление государственного коннозаводства; конный спорт; скаковые общества; верховая езда; кавалерийская подготовка; конногвардейцы; великий князь Николай Николаевич старший; М.А. Бер; Я.Ф. Гилленимидт; В.С. Грубецкой.

К концу XIX века конный спорт достиг пика своей популярности в Российской империи. Зародившиеся в последней четверти XVIII столетия конные испытания прошли долгий путь развития, доказав свою необходимость для совершенство-

вания частного коннозаводства и коневодства России в целом. В военной сфере эти испытания давали возможность офицерам показать своё мастерство в верховой езде и подтвердить необходимые для строевой лошади показатели.

В отечественной историографии работ по истории офицерских конных скачек не так много. До 1917 года исследователи лишь фрагментарно обращались к данной теме в рамках рассмотрения проблем обеспечения армии лошадьми¹, в очерках и учебниках по военной подготовке будущих офицеров и непосредственно лошадей², в работах по иппологии³. Отражается этот вопрос и в дореволюционных программах скачек и бегов⁴, а также в трудах по методикам коннозаводства и проблеме тотализатора⁵.

Советская историография в основном представлена работами по истории конного спорта, особенностям разведения лошадей и коннозаводскому хозяйству. Среди советских авторов можно выделить спортивного организатора, заслуженного мастера спорта СССР М.Ф. Моисеева-Черкасского (1896—1982)⁶, литературоведа Д.М. Урнова (1936—2022)⁷, организатора конного спорта в Москве М.С. Иванова (1904—1985)⁸, авторский коллектив в составе А.Б. Фомина, И.И. Сорокиной и Ю.Н. Барминцева⁹. Современные пу-

бликации в большей степени отражают вопросы испытания лошадей гражданских лиц¹⁰ и организации работы обществ поощрения коннозаводства¹¹. В этом ряду отдельного внимания заслуживает публикация О.В. Фаллер и О.Л. Мальцевой о создании военно-скаковых обществ¹².

До образования в 1843 году Главного управления государственного коннозаводства (ГУГК) казённые конные заводы выполняли чисто военную функцию путём разведения лошадей для ремонта армии. С момента учреждения

нового ведомства роль государства была постепенно сужена до разведения лошадей, пригодных и необходимых для развития коневодческой отрасли, в первую очередь — увеличения конского поголовья и улучшения его качества для экономики страны¹³. Однако полностью работа с кавалерийскими лошадьми не заканчивалась: совместно с Военным министерством ГУГК активно участвовало в разработке правил поставки лошадей частных лиц в войска в соответствии с военно-конской повинностью, поощряло развитие офицерского конного спорта, что являлось стимулом для кавалериста более внимательно относиться к выбору, воспитанию и содержанию своей лошади.

В 1857 году великий князь Николай Николаевич старший, бывший в то время генерал-инспектором кавалерии, издал приказ об учреждении в Красном Селе скачек для офицеров всей кавалерии и конной артиллерии. Офицерские скачки проводились один раз в году в присутствии императора, который заранее лично назначал день и час состязаний. Отличительной особенностью Красносельских офицерских скачек было отсутствие ставок и тотализатора. Сами скачки по сложности и призам под-

М.А. Бер

разделялись на три разряда¹⁴ и представляли собой первые в России планомерные конно-спортивные соревнования, в основу которых были положены определённая система и соблюдение целого ряда правил и условий¹⁵.

Самой сложной была большая четырёхвёрстная скачка с препятствиями на призы императора и членов императорской фамилии (первый разряд). На дистанции участник должен был преодолеть десять препятствий: реку Дудергофку, дощатый забор, во-

дяной ров, бруствер со рвом, вал, живую изгородь, вал с живой изгородью и водяным рвом, барьер из соломы, сухой ров, соломенный двойной барьер. Ко второму разряду относились высшая манежная езда и трёхвёрстная скачка с препятствиями на приз Военного министерства, в которой участвовали строевые офицеры кавалерийских полков, конной артиллерии, офицерской школы на лошадях всех пород не старше 8 лет. Относившаяся к третьему разряду двухвёрстная частная гладкая скачка на призы по добровольной подписке между офицерами допускала участие представителей всех родов войск, а также лошадей без ограничения возраста, не исключая рождённых за границей.

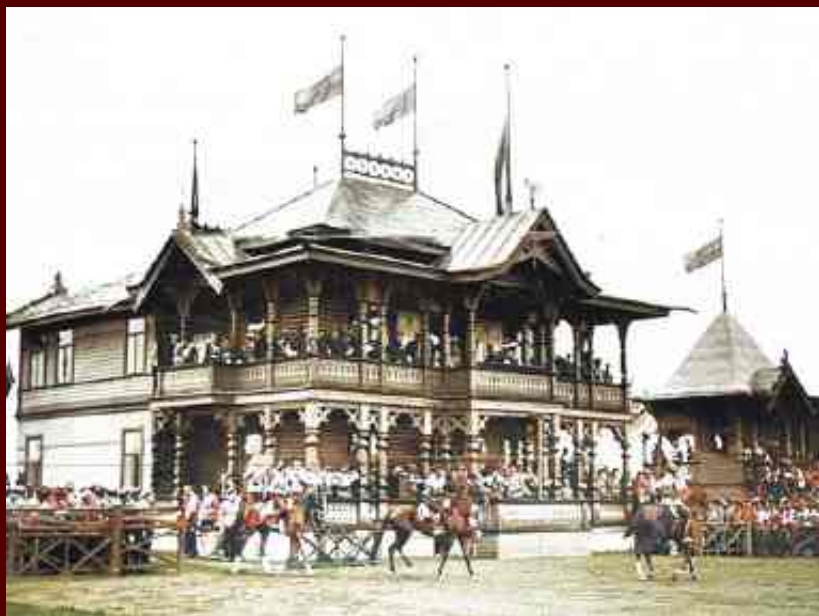
В 1890-х годах окружная и большая четырёхвёрстная Красносельская скачки предполагали, что участвовавшие в них офицеры должны были находиться в сёдлах с полным вьюком, в мундире (в погонах, при боевой амуниции и в барашковой шапочке, т.е. в лагерной парадной форме). Затем регламент был изменён, и офицеры уже скакали в защитных кителях и боевой амуниции, но с походной седловкой¹⁶.

В комитет Красносельских скачек входили судья, четыре распорядителя и секретарь. Пе-

Скачка на приз Государственного коннозаводства для офицеров на лошадях всякого происхождения. 24 августа 1852 г.

Художник В.Ф. Тимм

Участники офицерских скачек выезжают на старт
Красное Село, 1906 г.

Группа конных офицеров на линии старта
Начало XX в.

Иллюстрация из журнала «Русский спорт»
1903 г.

ред стартом лошади подвергались следующим испытаниям на выездке в манеже: езда шагом и боковые движения, езда рысью, езда галопом с переменной ног, прыжки через барьер и рвы, а затем следовала «езда в карьере на скаковом кругу»¹⁷. Призы от коннозаводского ведомства распределялись по следующим категориям: для лучшей выездженной под верх лошади — 500 и 250 руб.; скаковой приз для лошадей тяжёлой кавалерии, которые могли быть годными для фронта, — 300 и 100 руб.; скаковой приз для таких же лошадей лёгкой кавалерии, конной артиллерии и конно-пионеров — 300 и 100 руб.; приз для адъютантских, казачьих и всех других лошадей на скачках с препятствиями — 200 и 150 руб.¹⁸

В 1874 году испытания в манежной езде не производились, так как «Его императорское Величество генерал-инспектор кавалерии (Великий князь Николай Николаевич старший. — Прим. авт.) изволил выразить мысль, что истинно-офицерская лошадь обязана удовлетворять не только требованиям езды манежной и фронтовой, но должна быть в то же время приучена и к быстрой продолжительной скачке, ибо в военное время строевой офицер, после усиленного перехода или после горячего и утомительного дела, нередко может быть послан с экстренным поручением в какой-либо пункт по совершенно неизвестной ему дороге, причем обязан исполнить данное поручение как можно быстрее»¹⁹. Великий князь лично выбрал в Красном Селе местность для скачки «от 4-й версты гатчинского шоссе вокруг Дудерговской горы до деревни Горской, пространством в четыре версты и девяносто сажен, где на пути встречается много самых разнообразных естественных препятствий, как пример: крутые спуски и подъемы, узкие тропинки, полотно железной дороги, крутые и неожиданные

повороты, леса, кустарники, рытвины, кочки, болотистые и довольно топкие луга, рвы, проросшие высокой травой»²⁰.

Царскосельские конные испытания сезона 1892 года состояли из таких дисциплин, как барьерная и гладкая скачки, большой и малый стипль-чез, в которых участвовали офицеры из разных воинских частей. Дистанции скачек были различными — от одной до трёх вёрст. Заранее фиксировались породы лошадей, их внешние данные и имена владельцев. За победу устанавливались денежные призы в размере от 200 до 1500 руб.²¹

Офицерские скачки устраивались не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в других крупных городах империи. К примеру, в скаковых испытаниях, организованных офицерами конной артиллерии Варшавского военного округа в 1913 году, участвовали 22 лошади (17 особей чистокровных пород, остальные полукровки), принадлежавшие 19 разным владельцам, и 15 наездников-кавалеристов²². В малом стипль-чезе (скачки с препятствиями) на 2 версты, в котором участвовали восемь лошадей не моложе 4 лет, разыгрывался приз в размере 200 руб. Пришедший первым гнедой конь по кличке Жирофля поручика Г.А. Матова преодолел эту дистанцию за 2 мин 47 сек. В большом стипль-чезе с призом 300 руб. участвовали шесть лошадей, а победу одержал конь по кличке Базет штабс-капитана 22-й конной бригады В.Г. Порохина. Барьерную скачку на 2 версты (приз 150 руб.) выиграла гнедая кобыла Лупина, принадлежавшая поручику 20-й конной бригады П.А. Богданову. На старт гладкой скачки для лошадей не моложе 4 лет (приз 150 руб.) вышли 3 лошади, и опять верх одержала Лупина с результатом 2 мин 35 сек.²³

Помимо офицерских скачек в Российской империи организовывались конные пробеги,

В.С. Трубецкой

такие, к примеру, как пробег из Петербурга в Павловск 1896 года. Согласно его регламенту офицеры выпускались от Московских ворот по жребию каждые 5 или 10 минут, начиная с 9 утра. Далее их маршрут пролегал через Пулковое, Царское Село, Павловск до конца Солдатской улицы к казармам 5-й бригады. Первым тогда пришёл Я.Ф. Гилленшмидт на Юрвире, преодолев дистанцию в 32 версты за 1 ч 9 мин.²⁴

Пробег Царское Село — Гатчина и обратно 1896 года включал в себя основную дистанцию в 50 вёрст, а через четверть часа после финиша — гладкую скачку на 2 версты на Царскосельском ипподроме. Фаворитами здесь числились представитель конной артиллерии Я.Ф. Гилленшмидт на рыжем коне Дервише, купленном для скачек в Петербурге, и Э.Э. Геринг на жеребце Фра-Диаволо, но на правом повороте последний упал, и скачку выиграл ротмистр А.А. Павлов на Гребенке Новоалексеевского казённого завода. Этот известный спортсмен стал организатором пробега Царское Село — Гатчина 1898 года, о котором оставил подробный рассказ ещё один большой

любитель конного спорта, капитан конноартиллерийской бригады М.А. Бер: «Недалеко от Гатчины я увел аллюр и пошел в главе участвовавших. Широким галопом прошел всю Гатчину и вышел на шоссе, увидев финиш, нужно было пройти через мост, и вот здесь “Юрвир” закинулся и перейти через мост не пожелал, пришлось пропустить всех участников. Через год скакал на нем Яша Гилленшмидт, сначала проскакал благополучно, но в двух верстах до финиша лошадь круто закинулась вправо, и он не выиграл»²⁵.

О Михаиле Алексеевиче Бера (1875—1953) стоит сказать особо. С детства тяготел он ко всему, что было связано с лошадьми, и буквально загорелся конным спортом. Его кумиром тогда стал офицер лейб-гвардии конноартиллерийской бригады М.К. Кауфман, признанный одним из лучших ездовых-охотников последней четверти XIX столетия²⁶. Личное знакомство с лошадьми у Михаила Алексеевича произошло благодаря ежегодному пребыванию летом в имении его дяди Виктора Николаевича Бера в Пензенской губернии. У того был небольшой рысистый завод, а у соседних помещиков — прекрасные лошади. Как вспоминал будущий кавалерист и спортсмен, «я страстно привязался ко всему, что касалось лошадей, и главным образом бегов и скачек. Постоянная выездка лошадей при приезде какого-либо из конских охотников, разговоры о секундах, подготовка лошадей к бегам живо меня увлекли, но странно, что в дальнейшем я интересовался исключительно скачками и довольно далеко отошел от рысистых бегов»²⁷. Поэтому неудивительно, что после окончания Пажеского корпуса М.А. Бер был зачислен в лейб-гвардии конноартиллерийскую бригаду.

С 1895 года Михаил Алексеевич начал принимать участие в обязательных для конно-

Император Николай II перед строем участников скачек
(на заднем плане — трибуны ипподрома)
Конец XIX — начало XX в.

Жокеи готовят лошадь к заезду
Начало XX в.

Зрители на трибунах Красносельского ипподрома перед началом скачек (на балконе император Николай II и члены императорской фамилии)
1906 г.

гвардейцев скачках. Проходили они во время специального кавалерийского сбора в конце лагерей, обыкновенно в последних числах июля на военном поле на двухвёрстную дистанцию, обозначенную специальными знаками. Скачки организовывались по конным бригадам, участвовали в них кавалерийский и лейб-гвардейский конные полки, а также кирасиры. На старт выходили многие известные военные деятели и спортсмены, к примеру, генерал-лейтенант Яков Фёдорович фон Гилленшмидт (1870—1918). Одну из гонок он с лёгкостью выиграл на скакуне Юрвире, принадлежавшем подпоручику полка²⁸. Другой представитель этой семьи и сослуживец М.А. Бера генерал-лейтенант Александр Фёдорович Гилленшмидт (1867—1942) также активно увлекался конным спортом и завоевал множество призов. Он стал победителем пробег, состоявшегося в 1897 году, на всё том же Юрвире. По оценкам Бера, это была феноменальная лошадь, тёмно-краковая, довольно короткая: «Когда я ее трогал, было впечатление, что трогаешь кусок стали, один недостаток — ноги. Пробег ей даром не давался, после них приходилось втирать ей красную мазь, и она стояла 5—6 месяцев. Характера она была очень трудного, иногда закидывалась, и не было возможности ее идти в желанном направлении. В дальнейшем я ее приобрел у Гилленшмидта»²⁹.

Ещё одним страстным поклонником конного спорта был командир взвода гатчинских Синих кирасир корнет, впоследствии известный писатель князь Владимир Сергеевич Трубецкой (1892—1937). Его знакомство с лошадьми также произошло в юные годы, что впоследствии определило выбор службы в лейб-гвардии Кирасирском Его Императорского Величества полку: «Учитывая предстоящую службу,

летом я ежедневно понемногу ездил верхом на лошади, купленной у казака. Это был некрупный, но очень ладный гнедой конек, которому я из мальчишества и фасону ради собственноручно отрезал хвост и остриг гриву, придав лошади дурацкий англазированный вид и к тому же назвав ее “Пиф-паф”. На этом мустанге я ужасно лихачествовал и проделывал довольно глупые выкрутасы и всякие фокусы, серьезно воображая, что постигаю высшую кавалерийскую премудрость. Прыгал почем зря, но с таким увлечением и сердцем, что довел несчастную скотину до изнурения и чуть не до полной разбитости передних конечностей. Так я готовился к службе в коннице. В семье меня, конечно, начали считать уже замечательным кавалеристом. Я дружил со старым кучером Егором, прослужившим в нашей семье около 40 лет, и постоянно бывал на конюшне. Он рассказывал мне про моего дедушку, который питал совсем особое уважение и любовь к лошадям»³⁰.

Вспоминая первые годы своей службы в полку, Владимир

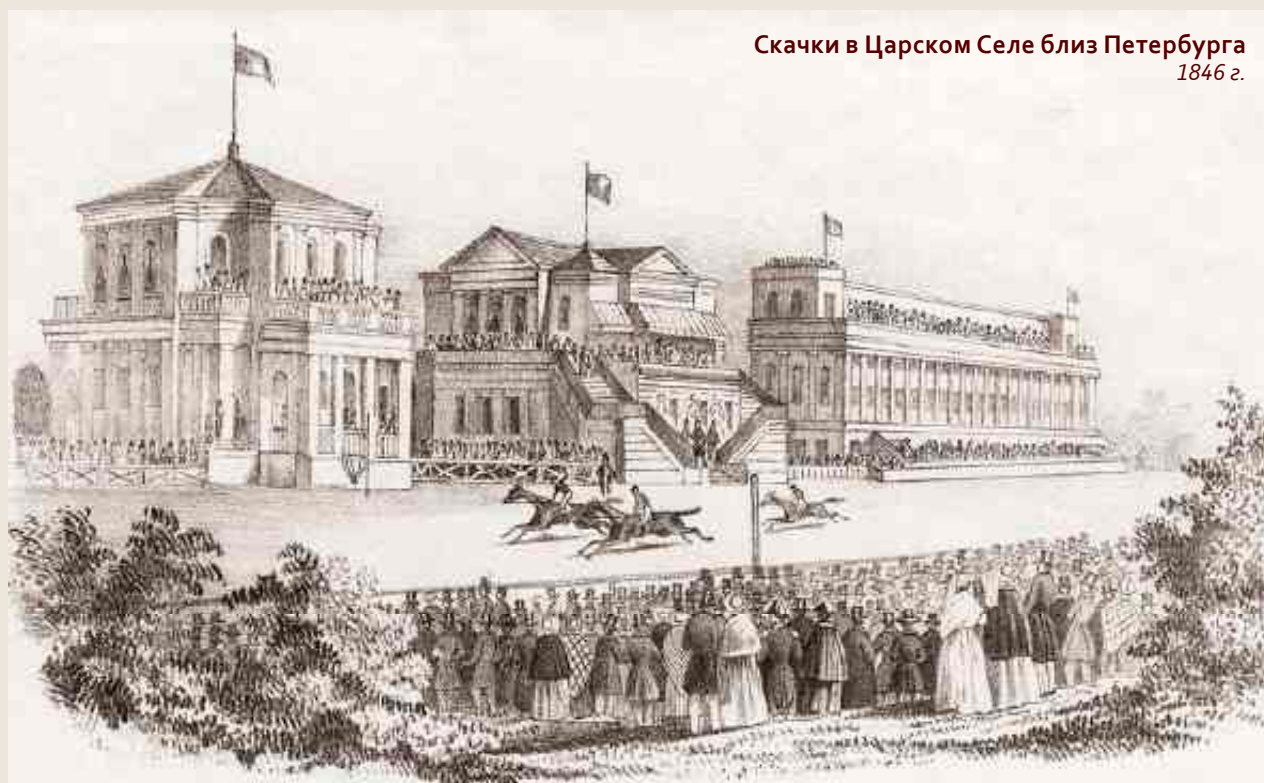
**Великий князь
Николай Николаевич
старший**
*Художник Н.Г. Шильдер,
1870-е гг.*

Сергеевич отмечал, что многие его сослуживцы увлекались верховой ездой и скачками: «Разговоры о достоинствах какой-то выгодной кобылы, только что купленной кем-то из корнетов, о летнем скаковом сезоне на коломяжском иппо-

дроме и о предстоящих конноспортивных состязаниях в Красном. Разговоры эти были для меня совершенно новы и звучали чарующе»³¹.

Мужчины в то время больше склонялись к спорту и к разведению тех животных, которыми можно было щегольнуть в обществе. Главной же ценностью для обеспеченного горожанина были как раз лошади. XIX век — время огромной популярности скачек и бегов, ставок, специализированных журналов, коневодства³². Вместе с тем у кавалерийских офицеров было и понимание важности контакта с животным, что значительно повышало эффективность военной службы³³.

Особое отношение к лошадям можно увидеть в описании В.С. Трубецким церемониальных мероприятий в кирасирском полку: «Под штандарт назначался особый, надежный и сильный конь. В нашем полку конь этот имел кличку “Воротило” и был гордостью 3-го эскадрона. Это была самая высокая лошадь во всем полку. Настоящий богатырский конь исполинских размеров, мощ-

**Скачки в Царском Селе близ Петербурга
1846 г.**

ный и статный, как монумент, с замечательно красивой шеей и благородной головой, а его бурая окраска с бронзовыми подпалинами как бы усиливала сходство с монументом. Воротило был доброго и покойного нрава»³⁴.

А вот как он описывал сложности в общении с лошадью при уходе за её внешним видом: «В особенности трудновато было с горячими и нервными экземплярами, не переносившими прикосновения жесткой щетки, при одном виде которой они начинали фыркать, дрожать, бить копытами, лягаться в узких стойлах и всячески пытались укусить. Неопытного человека такая лошадь легко может покалечить. Тут нужна особая сноровка — нужно, чтобы конь боялся тебя и уважал. Наш начальник, поручик Палицын, приказывал вахмистру давать вольнооперам зачищать самых строгих коней, что было довольно-таки неприятно. В особенности пугал конь Еврей завода Енишерлова — нервный, буйный и злой — настоящий зверь, причинявший в конюшне немало хлопот. Наоборот, чистить ласковую кобылу Вдову — большую умницу — было одно удовольствие»³⁵.

Как утверждал М.А. Бер, в 90-е годы XIX века появились и вошли в моду в гвардейской кавалерии выводные гунтера из Англии с коротко остриженными хвостами: «Импорт этих лошадей занимался некий Шиллинг. Депо лошадей находилось в Ревеле. Гилленшмидт ездил в Ревель с нашим берейтором Симаковым и привез серую кобылу “Нелли”, это была исключительно нарядная лошадь с удивительно элегантными аллюрами. Купил он ее специально для “Concours Hippique”. В этом же году в первый день открытия “Concours Hippique” в Михайловском манеже была произведена премировка лошадей, все занятые лошади были разделены на 2 группы: 1) тя-

желого типа и 2) легкого типа. В тяжелой группе приз получила “Нелли”, а вторая была рыжая лошадь легкого типа, прекрасная по движениям и формам, принадлежавшая улану Е.В. Арсеньеву»³⁶.

Разведением собственных пород лошадей, как и организацией их испытаний, активно занимались появившиеся по примеру европейских стран на территории Российской империи в 1830-х годах скаковые, рысистые и другие профильные общества. С 1843 года они, как правило, состояли под покровительством Главного управления государственного коннозаводства. Создание таких организаций проводилось с целью развития кровного коннозаводства путём улучшения конских пород. Стоит отметить, что под понятием «скаковая» тогда подразумевалась лошадь, выведенная в Англии в XVIII веке специально для скачек³⁷. В первую очередь общества учреждались в тех губерниях, где было зарегистрировано достаточное количество лошадей той или иной породы в частных конных заводах для того, чтобы было возможно проводить конные испытания, которые являлись основным стимулом к улучшению консостава. К 1911 году в России существовали 40 обществ рысистого коннозаводства, 45 обществ поощрения коннозаводства и 35 скаковых обществ³⁸.

Скаковые конные испытания при каждом обществе проводились по единому алгоритму, но вопросы вознаграждения и призов решались индивидуально. Для проведения скачек было обязательным наличие скакового круга. Каждое общество выбирало место для его организации, и в дальнейшем круг становился его собственностью. По правилам скаковых испытаний обязательно учитывался возраст лошади. Преимущество отдавалось особям не моложе 4 лет, как, например, в Московском ска-

ковом обществе. Использование лошадей более раннего возраста не приветствовалось, так как участие в скачках могло навредить их дальнейшему физическому развитию. Вторым критерием, по которому определяли годных для испытаний лошадей, был вес. Лёгкое животное быстрее и свободнее преодолеvalo дистанцию³⁹.

Помимо скачек и бегов устраивались состязания на ипподромах. Так, один из забегов на Петроградском ипподроме наблюдал М.А. Бер. Среди участников были его сослуживцы и приятели: Я.Ф. Гилленшмидт, поручик Б.П. Лазарев, А.Н. Линевиц. Линевиц выиграл стипль-чез на Ягнёнке (в то время принадлежавшем Беру). В последнем заезде первенствовал поручик Ю.С. Гершельзон на рыжем жеребце Гарадане⁴⁰.

Таким образом, рассмотрев основные формы офицерских скачек в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века, можно сделать вывод, что конный спорт тогда не носил массового характера. Он был либо чисто военным занятием, когда офицеры выступали на собственных скакунах, подтверждая свою кавалерийскую сноровку и физические качества верховых лошадей, необходимые для службы, либо делом настоятельных штатских любителей и коннозаводчиков. При этом конные испытания являлись как важным элементом профессиональной подготовки, так и новой популярной формой мужского досуга. Офицеры занимались скачками, выездкой, конкурами, конными пробегами, парфорсными охотами, а рядовой состав — джигитовкой, отработкой приёмов владения холодным оружием и вольтижировкой. Для придания стимула офицерам совершенствоваться в верховой езде и подготовке лошадей государственные

ведомства, в частности Военное министерство и Главное управление государственного коннозаводства, выделяли денежные призы, распреде-

ление которых происходило ежегодно по каждому пункту проведения испытаний. Посредниками между офицерами-наездниками и ведомства-

ми были специализированные поощрительные общества, на руководство которых полностью ложилась организация скачек.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кавалерия: учебник для унтер-офицера: печатано с разрешения Главного штаба / Сост. Особой комиссией. СПб.: Экономическая тип. и лит., 1900. С. 84.

² Овсяннико-Куликовский К.Н. Учебник для рядовых кавалерии: по перечню знаний, обязательных для рядовых кавалерии, объявленных положением 1902 г. 7-е изд. СПб.: В. Березовский, 1914. С. 40.

³ Бобинский И.Ф. Краткая иппология: о правилах содержания лошади в здоровом состоянии. 2-е изд. М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 2012. С. 5.

⁴ Ефремовское беговое о-во (Тульская губ). Бега и скачки 1880 г. в Ефремове, Тульской губернии: происходили шесть дней, с 3 по 17 авг. включительно. Тула: Типография И.И. Соколова, 1881. С. 8.

⁵ Сартасов Н.И. Тотализатор — необходимая книжка для лиц, посещающих бега и скачки: (Взято из газ. «Русский листок»). М.: Типо-лит. А.В. Муратова, 1899. С. 12.

⁶ Моисеев-Черкасский М.Ф. Руководство по конному спорту: учебное пособие для конно-спортивных организаций Осоавиахима и добровольных спортивных обществ. Ростов-н/Д: Изд-во Азово-Черноморск. краев. совета Осоавиахима, 1937. С. 93.

⁷ Урнов Д.М. По словам лошади: (конники и конный спорт). М.: Молодая гвардия, 1969. С. 72.

⁸ Иванов М.С. Возникновение и развитие конного спорта. М.: Профиздат, 1960. С. 63.

⁹ Фомин А.Б., Сорокина И.И., Барминцев Ю.Н. Коннозаводство и конный спорт. М.: Колос, 1972. С. 165.

¹⁰ Мельникова Д.А. Система испытаний лошадей при Главном управлении государственного коннозаводства (1843—1917 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2019. № 3(31). С. 150.

¹¹ Она же. Общества поощрения коневодства Российской империи во второй четверти XIX — начале XX в. // История повседневности. 2018. № 3(8). С. 76.

¹² Фаллер О.В., Мальцева О.Л. «На мои деньги он купил конюшню скаковых лошадей...». Военно-скаковые состязания и их венценосные покровительницы в Российской империи // Военно-исторический журнал. 2022. № 3. С. 49.

¹³ Мельникова Д.А. Хозяйственное и техническое обеспечение государственных конских заводов Российской империи во второй четверти XIX — начале XX в. // История повседневности. 2019. № 2(10). С. 70.

¹⁴ Пежемский В.Г. Красное Село: страницы истории: [летняя столица российской гвардии]. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2016. С. 321.

¹⁵ Ильина А.В. Конный спорт в России в конце XIX — начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Вып. 6. 2014. С. 142.

¹⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 9. Д. 18. Л. 115.

¹⁷ Журнал коннозаводства. 1857. № 4. С. 418.

¹⁸ Там же. С. 414.

¹⁹ Там же. 1875. № 2. С. 92.

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Царскосельские скачки: (результаты): Сезон 1892 г. СПб., 1892. С. 1—7.

²² Отчет скакового общества «Конный спорт» офицеров конной артиллерии В.В.О. ... за 1911—1912 гг. Варшава: Типография Т. Янковского, 1913. С. 19.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 18. Л. 254.

²⁵ Там же. Л. 148.

²⁶ Там же. Л. 101.

²⁷ Там же. Л. 98.

²⁸ Там же. Л. 103.

²⁹ Там же. Л. 110.

³⁰ Трубецкой В.С. Записки кирасира. М.: Россия, 1991. С. 33.

³¹ Там же. С. 30.

³² Локтева А.А. Животные и человек: особенности взаимодействия в российской культуре XIX в. // Corpus Mundi. 2022. № 2. С. 101.

³³ Там же. С. 108.

³⁴ Трубецкой В.С. Указ. соч. С. 144.

³⁵ Там же. С. 40, 41.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 18. Л. 154.

³⁷ Мельникова Д.А. Общества поощрения коневодства Российской империи во второй четверти XIX — начале XX в. С. 81.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 82.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 18. Л. 254.

D.A. Melnikova, M.S. Tregubova

«A TRUE OFFICER'S HORSE SHOULD MEET MORE THAN THE DEMANDS OF THE ARENA AND FRONTLINE RIDING...»

Officer's races in the Russian Empire during the second half of the 19th and early 20th centuries

Information about authors. Darya Melnikova — Assistant professor of the department of philosophy and social sciences and humanities, St. Petersburg Agrarian University, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: darya.a.melnikova@yandex.ru);

Marina Tregubova — Assistant at the Department of History, Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: marina_tregubova@mail.ru).

Summary. This article examines the specifics of officer equestrian trials organized by the War Ministry and racing societies with the direct support of the Main Directorate of State Stud Farming at the turn of the 20th century. Thanks to these trials, equestrian sport gained particular popularity in Russia during that period. For officers, participation in horse races, endurance riding, dressage, and show jumping was not only an integral part of professional training but also a popular way to spend men's leisure time.

Keywords: Russian Imperial Army; cavalry; officer's races; Krasnoselsky Races; racehorses; Main Directorate of State Stud Farming; equestrian sport; racing societies; horse riding; cavalry training; Horse Guards; Grand Duke Nikolai Nikolaevich the Elder; M.A. Ber; Ya.F. Gillenshmidt; V.S. Trubetskoy.

«ИМЕЮ ГЛУПОСТЬ НЕ ВЕРИТЬ, ЧТО ДЕЛА ДОБРЫЕ ТРЕБУЮТ ТАЙНЫ»

Участие генерала А.П. Ермолова в Смоленском (Несвижском) кружке

Сведения об авторе. Садов Юрий Валентинович — доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного института (железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: vodas_spb@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается малоизвестный эпизод жизни молодого офицера А.П. Ермолова — впоследствии прославленного генерала, героя Отечественной войны 1812 года и участника Заграничных походов, связанный с его возможной принадлежностью к крамольному Смоленскому (Несвижскому) кружку в 1796—1797 гг. Особое внимание уделяется причинам ареста Ермолова, его отношениям с будущими декабристами и восприятию им декабристского движения в целом. На основе вводимых в научный оборот документов автор доказывает непричастность военачальника к антиправительственному заговору первой четверти XIX столетия.

Ключевые слова: движение декабристов; Смоленский (Несвижский) кружок; эпоха Павла I; А.П. Ермолов; общественные движения конца XVIII века; Смоленский заговор.

Личность Алексея Петровича Ермолова, прославленного русского генерала, героя Отечественной войны 1812 года и участника Заграничных походов, командующего Отдельным Кавказским корпусом, во многом противоречива, однако весьма колоритна и замечательна по целому ряду параметров. Современники отмечали и своенравный характер блестящего офицера, и его неуёмное остроумие, вольнолюбивый и гордый нрав, беспредельную преданность своему делу, истинный патриотизм и несомненный воинский талант полководца. Его окружение составляли многие знаменитые люди того времени: он был родственником поэта, гусара, «отчаянного вояки» Д.В. Давыдова, по роду службы судьба свела его с А.С. Грибоедовым, он вёл оживлённую переписку с Н.Н. Муравьевым-Карским, П.П. Шан-Гиреем, А.М. Каховским и многими будущими декабристами.

В вопросе об участии или неучастии генерала в декабристском движении в науке до сих пор нет однозначного мнения. Действительно, на заре декабризма (предположительно в 1796—1797 гг.) А.П. Ермолов,

как полагают некоторые учёные, входил в так называемый Смоленский (Несвижский) кружок, о котором академик М.В. Нечкина, крупнейший исследователь декабристского движения, писала: «Особенно замечателен в предыстории декабризма Смоленский кружок офицера Суворовского штаба А. Каховского и будущего “проконсула Кавказа” Алексея Ермолова. Кружок являлся конспиративной и довольно многочисленной организацией»¹.

Этот кружок первоначально объединял офицеров Несвижского гарнизона, располагавшегося близ Смоленска, а потому и его деятельность получила в истории название Несвижского (или Смоленского) заговора. Таким образом, уже в 50-е годы XX века в советской науке, кажется, было доподлинно установлено, что А.П. Ермолов являлся активным сторонником будущих декабристов и принимал участие в их антиправительственных деяниях. В середине 1990-х годов интерес к этому вопросу значительно возрос: вышел в свет целый ряд работ, в которых заново рассматривается роль в «Смоленском заговоре» будущего героя Бородина, командующего гвардией союзных стран в войне

против Наполеона, участника штурма Парижа и, наконец, покорителя Кавказа. Так, исследователи М.М. Сафонов (в 1995 г.)² и К.Л. Козюренко (в 1998 г.)³ ставят под сомнение утверждение о безусловном участии будущего «проконсула Кавказа» А.П. Ермолова в антиправительственном заговоре, не указывая его фамилию среди активных членов кружка Дехтярёва — Каховского. Это сомнение поддерживает Я.А. Гордин в биографическом труде «Ермолов»⁴.

Отчего же современные исследователи вновь возвратились к этой теме, опровергая уже ставшую традиционной позицию М.В. Нечкиной? На то, как нам кажется, есть три причины. Первая из них заключается в отсутствии прямых доказательств причастности А.П. Ермолова к заговору. Вторая касается отсутствия в науке единого мнения о роли Смоленского кружка в дальнейшем развитии декабристского движения в России. Третья, и, на наш взгляд, самая важная, заключается в следующем: большинство членов этого кружка станут впоследствии активнейшими участниками декабристского восстания. Поэтому роль Ермолова в событиях

1825 года, рассмотренная сквозь призму Смоленского заговора, возможно, поможет объяснить причины его отставки с поста командующего Отдельным Кавказским корпусом в 1827 году. Недавно обнаруженные в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) новые документальные свидетельства и письма, опубликованные в журнале «Русский Архив», помогут разобраться в этих вопросах.

Но вернёмся к уже опубликованным материалам расследования по делу Смоленского кружка, согласно которым его руководителем был сводный брат А.П. Ермолова А.М. Каховский⁵. «В кружке читали запрещённые книги, восхваляли французскую республику, переписывали сатирические стихи на Павла I»⁶, — говорится в предисловии В.А. Федотова к «Запискам А.П. Ермолова». После ареста заговорщиков окончательным расследованием по делу занимался генерал-прокурор П.В. Лопухин. Его донесения Павлу I свидетельствуют о том, что показаний на участие в заговоре Ермолова и компрометирующих его материалов обнаружено не было.

Официальный биограф А.П. Ермолова известный публицист М.П. Погодин причиной ареста в конце ноября 1798 года будущего правителя Грузии и Кавказа называет «какие-то выражения, которые не понравились, и тот был выслан в Кострому»⁷. Крупный кавказовед В.А. Потто, работая над биографией военачальника, об этом периоде жизни генерала писал так: «Между офицерами армейских полков, квартировавших в Смоленской губернии, было назначено следствие <...> и между скомпрометированными офицерами был родной брат Ермолова А. Каховский, а письма, найденные у него, замешали в дело также и Ермолова»⁸.

О принадлежащих А.П. Ермолову и отправленных смоленскому губернатору П.П. Долгорукому письмах и Журнале военных действий в Приморских Альпах

Портрет
Алексея Петровича Ермолова
Художник Дж. Доу,
1821—1825 гг.

1795 года упоминает в своём труде «Генерал Ермолов» и известный военный историк А.Г. Кавтарадзе⁹. Сам Алексей Петрович в своих автобиографических «Записках» пишет: «Мне следствие личные бумаги возвратило за исключением Журнала и нескольких чертежей, которые государь изволил рассмотреть <...>» и далее: «<...> Был призван фельдъегерь принять меня и отправиться в означенный путь <...>»¹⁰.

Более откровенно об обстоятельствах и самом аресте А.П. Ермолов сообщает в недавно обнаруженном письме А.В. Казадаеву от 9 июля 1799 года, посланном из Костромы (публикуется впервые): «Так, любезный друг, пал на меня жребий судьбы, и в моей воле осталось лишь только терпеливо сносить ее жестокости. <...> А тебе скажу причины несчастья моего. Ты знаешь брата моего, он впал в какое-то преступление, трудно верить мне, как брату его, но я самим Богом свидетельствую, что о преступлении его мне неизвестно. Бумаги его были взяты и в том числе найдено и мое одно письмо, два года назад писанное. Признаюсь,

что дерзкое несколько, но злоумышлений и коварства в себе не скрывающее. Я был взят и отвезен в Калугу <...>»¹¹.

Таким образом, причиной ареста А.П. Ермолова в то время явились какие-то письма или одно письмо, «дерзкие», но без «злоумышлений». О существовании этих писем, находящихся в следственном деле, на основе которых могло быть построено обвинительное заключение против Алексея Петровича как участника заговора, указывали и В.А. Потто, и (косвенно) А.Г. Кавтарадзе. Некоторые письма А.П. Ермолова, относящиеся к Несвижскому периоду, были опубликованы, но без привязки к следственной папке. Какие именно письма послужили поводом для ареста и ссылки в Кострому будущего героя Отечественной войны 1812 года, непонятно.

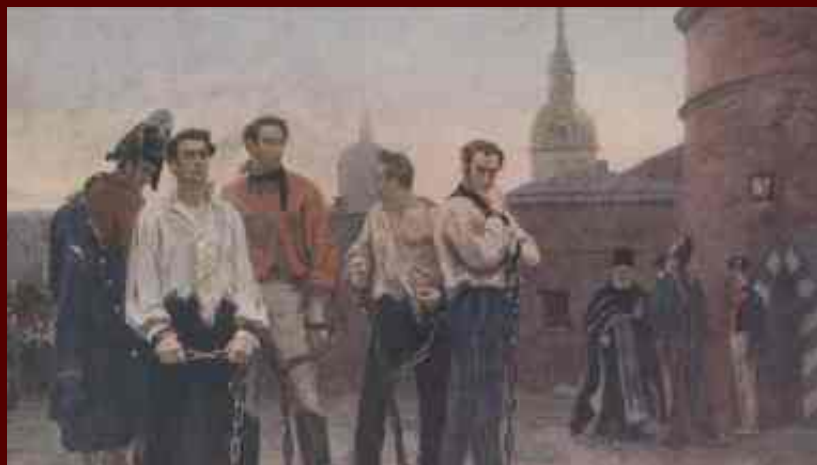
В ходе проведённых исследований автору данной статьи удалось обнаружить недостающие письма из следственного дела. Часть из них была воспроизведена в журнале «Русский Архив» за 1878 год, другая часть хранилась в фонде А.В. Казадаева № 325 (РНБ). Первое найденное послание от 13 мая 1797 года было адресовано А.М. Каховскому. «Дерзость» этого письма заключалась в том, что Ермолов своего шефа генерал-лейтенанта Боборыкина (в других источниках — Бобарыкин) называет «Прусской лошастью», на которую «государь, будучи проездом, надел Орден Анны 2-го класса». «Нужно быть дураком, — пишет Ермолов, — чтобы радоваться». Ниже он продолжает: «<...> батальон целый день учится, но до сих пор ничего в голову вбить не могли: каков шеф, таков и батальон. Несколько дней назад проездом здесь общий наш знакомый г. капитан Бутов»¹². «Бутовым» в переписке офицеры называли Павла I. Проводивший следствие по «Смоленскому делу» генерал Ф.И. Линденер собственноручно сделал в этом месте приписку: «дерзкая критика в отношении Его Величества». Это письмо заканчивается

Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года
Художник К.И. Кольман, 1830-е гг.

Вид Смоленска
1816 г.

Декабристы
Художник С.И. Левенков, 1950 г.

очень эмоционально, истинно по-ермоловски: «Проклятый Несвиж, резиденция дураков!»¹³. Линденер вновь делает приписку: «О городе Несвиж дерзновенное злословье»¹⁴.

Другое, бытовое письмо без даты адресовано П.С. Дегтярёву, но никакой дерзости и крамолы в нём нет вовсе. В деле Ермолова также имеются письма к нему от А.В. Казадаева, в которых пишется об отъезде А.В. Суворова в деревню и указывается причина ареста сводного брата А.П. Ермолова А.М. Каховского: «Некоторые слова, сказанные им против Линденера, которому их донесли. Вот каково, друг мой!»¹⁵.

Теперь становится понятен смысл донесения П.В. Лопухина Павлу I об отсутствии улик против А.П. Ермолова. Ознакомившись с его письмами и не найдя в них государственного преступления, в докладе на имя государя генерал-прокурор предложил прекратить заведённое дело.

Через две недели после своего первого ареста Алексей Петрович был освобождён по личному указанию императора. Казалось бы, инцидент исчерпан, но здесь опять проявился «ермоловский характер». Офицер обратился к объявившему ему о «царской милости» председателю следственной комиссии Ф.И. Линденеру с дерзким вопросом «...за что он был взят, и почему теперь прощен»¹⁶. Результатом такого «любопытства» стали повторный арест и заключение под стражу в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Там А.П. Ермолов провёл более двух месяцев, пока Павел I на его деле не наложил резолюцию: «Исключить из службы и отослать на вечное жительство в Кострому, где губернатору за поведением его иметь наистрожайшее наблюдение»¹⁷.

Тем не менее уже в зрелые годы Алексей Петрович подтвердил своё неприятие всякого рода тайных обществ. Так, в письме к А.А. Закревскому Ермолов пишет: «Мысль о свободе крестьян, смею сказать, невпопад.

Если она и по моде, то сообразить нужно, приличествуют ли обстоятельства и время. Мне не нравится и самый способ “секретного общества”, ибо я имею глупость не верить, что дела добрые требуют тайны»¹⁸.

На известного генерала делали ставку многие руководители декабристского движения, но он их надежд не оправдал. Видный деятель декабризма Н.Р. Цебриков с досадой вспоминал: «Ермолов мог предупредить арестование стольких лиц <...> мог бы дать России Конституцию, взять с Кавказа дивизию пехоты, два батальона артиллерии и две тысячи казаков, пойти прямо на Петербург <...> но ничего не сделал, был всегда интриганом и никогда не был патриотом»¹⁹.

Да, генерал А.П. Ермолов был остёр на язык. Он действительно мог интриговать против своих врагов и чванливых чиновников,

высмеивать и выставлять напоказ своё мнение о них. Но Ермолов никогда не был участником тайных обществ и антигосударственных движений. Однажды в молодости он обжёгся и был сослан в Кострому. Впоследствии, став опытным царедворцем, вхожим в высшие круги общества, имея от судьбы всё — славу полководца, безграничную власть на Кавказе, любовь армии и народа, — он, естественно, не хотел участвовать ни в каких антиправительственных заговорах. Но в силу обширнейших знакомств и связей, а также дружеских отношений со многими декабристами Алексей Петрович не мог уклониться от посильной им помощи: продвигал их по службе, устраивал в престижные полки, защищал от недоброжелателей.

Генерал не поощрял развитие тайных организаций и на Кавказе. Из материалов расследования

декабристского восстания 1825 года видно, что в Отдельном Кавказском корпусе декабристского движения обнаружено не было. Николай I тайно назначил следствие и по Ермолову, но, как и в Несвижском деле, улики против него не нашлось. Однако новый император не решился оставить такую крупную политическую и военную фигуру на высоком посту. В 1826 году в Москве торжественно прошла коронация российского монарха, но без участия правителя важнейшего южного региона империи (Кавказа и Грузии) генерала А.П. Ермолова, а в 1827 году его в этой должности сменил фаворит императора И.И. Паскевич.

Таким образом, становится совершенно очевидным неучастие А.П. Ермолова в декабристском движении. Однако карьера генерала пострадала именно в связи с этими трагическими для России событиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. С. 89.

² Сафронов М.М. Загадка опалы Суворова // Час-Пик. 1995. № 18. С. 14.

³ Козюренко К.Л. К вопросу о причинах опалы А.В. Суворова 1800 г. // Новый часовой. 1998. № 6—7. С. 164—171.

⁴ Гордин Я.А. Ермолов. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 57.

⁵ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 89.

⁶ Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова, 1798—1826. М.: Высшая школа, 1991. С. 5.

⁷ Погодин М.П. Алексей Петрович Ермолов: материалы для его

биографии. М.: Катков и К°, 1864. С. 14.

⁸ Потто В.А. Кавказская война в 5 т. Т. 2. Ставрополь: Кавказский край, 1994. С. 8.

⁹ Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула: Приокское книжное изд-во, 1977. С. 17.

¹⁰ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 27.

¹¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Фонд А.В. Казадаева. № 325.

¹² Русский архив, издаваемый Петром Бартевым: [историко-литературный журнал]. 1878. Т. II. С. 478, 479.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Погодин М.П. Историко-критические отрывки [по русской истории]. Кн. 2. М.: Синодская типография, 1867. С. 450.

¹⁷ Зарубин Е.П. «Костромской» период в военной биографии А.П. Ермолова // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 2(55). С. 106.

¹⁸ Эйдельман Н.Я. Быть может, за хребтом Кавказа (Русская литературная и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990. С. 52.

¹⁹ Там же. С. 53.

Yu.V. Sadov

«I’M FOOLISH ENOUGH NOT TO BELIEVE THAT GOOD DEEDS NEED TO BE KEPT SECRET»

General Alexey P. Yermolov’s involvement in the Smolensk (Nesvizh) group

Information about author. Yuriy Sadov — assistant professor of the department of military-political work in the troops (forces) of the Military Institute (railway troops and military communications) at the Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulyov, Cand. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: vodas_spb@mail.ru).

Summary. This paper explores a lesser-known chapter in the life of Alexey P. Yermolov, a young officer who would later become a celebrated general and hero of the Patriotic War of 1812 and participate in foreign campaigns. The paper discusses his possible involvement with the Smolensk (Nesvizh) Group in 1796—1797 and the reasons for his arrest. It also focuses on his relationship with future Decembrists and his understanding of the Decembrist Movement in general. Using newly discovered documents, the author argues that Yermolov was not part of the anti-government conspiracy of the early 19th century.

Keywords: Decembrist movement; Smolensk (Nesvizh) group; the era of Paul I; A.P. Yermolov; social movements of the late 18th century; Smolensk conspiracy.

НА ЗАЩИТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

К 60-летию Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации

Сведения об авторах. Соклаков Александр Юрьевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук, доцент (Москва. E-mail: al-sokl@yandex.ru);

Трубицина Людмила Викторовна — младший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва. E-mail: mlakisele@yandex.ru).

Аннотация. В статье авторы кратко изложили путь становления отечественной военно-исторической работы в дореволюционный и предвоенный советский периоды истории Отечества. Указаны основные причины начала холодной войны против нашей страны вчерашними союзниками и роста деструктивного информационно-идеологического воздействия на советских граждан. Оценка возникшей угрозы и понимание важности дальнейшего развития военной истории со стороны советского руководства привели к созданию Института военной истории Министерства обороны СССР. Авторы статьи показали роль головного научно-исследовательского учреждения страны в области военной истории, противодействи фальсификациям событий Великой Отечественной войны и защите исторической памяти населения. Показаны эволюция Института военной истории и динамика расширения круга решаемых его сотрудниками научных задач и фундаментальных исследований.

Ключевые слова: Институт военной истории; военная история; историческая память; П.А. Жилин; информационное противодействие.

С конца XIX века оформление военной истории как научной дисциплины в России начало приобретать институциональные характер и формы. В марте 1879 года император Александр II издал указ о создании при Главном штабе особой Военно-исторической комиссии по обобщению опыта прошедшей Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Проведённое комиссией фундаментальное исследование истории войны увенчалось изданием десятков книг, описывавших события войны, а также публикацией документов и других материалов. Деятельность Военно-исторической комиссии дала старт открытию различных общественных организаций по распространению военно-исторических знаний: «Общество ревнителей военных знаний» (1899—1914 гг.), Русское военно-историческое общество (1907—1914 гг.)¹.

Первая мировая война и другие драматические события начала XX столетия оказали существенное влияние на характер вооружённого противоборства и военно-научные взгляды.

А начавшийся советский период развития нашего Отечества predetermined господство марксистско-ленинской теории и в области военной истории. Бурные события, тяжесть их последствий и острая потребность в динамичном наращивании усилий по защите первого в мире социалистического государства предъявляли особые требования к изучению истории войн и военного искусства.

В межвоенный период осуществлялся активный поиск новых форм организации военно-исторической работы. Создавались секции и общества, занимавшиеся вопросами теории и практики военного дела, развития военно-исторической мысли и военной науки в целом в соответствии с требованиями времени. В этой связи можно упомянуть учреждение Военно-научного общества (1920 г.)², формирование его центрального совета (1925 г.), утверждение бюро Президиума Коммунистической академии Секции по изучению военных проблем (1929 г.).

Однако, несмотря на очевидные успехи в развитии военной

истории, зрело понимание необходимости консолидации и более продуманной институционализации прилагавшихся усилий. Так, 23 января 1931 года Секция по изучению военных проблем была реорганизована в научно-исследовательский институт (в составе Комакадемии) с задачами исследования проблем войны и военного дела, истории войн и вооружённых восстаний, военной экономики и подготовки военно-научных кадров³. С марта 1944 года открывшийся во исполнение указаний И.В. Сталина Сектор военно-исторических дисциплин при Институте истории АН СССР начал активную исследовательскую работу по двум основным направлениям — истории армии и истории флота⁴. А в апреле 1953 года сотрудники Академии наук СССР А.Г. Катасонов и Е.Г. Бор-Раменский обратились к министру обороны СССР Маршалу Советского Союза Н.А. Булганину с ходатайством о создании Института военной истории, способного объединить гражданских и военных историков.

Убедительные победы Советского Союза над европейским

нацизмом и фашизмом, японским милитаризмом и первые успехи в возрождении народного хозяйства, а также послевоенная помощь ряду пострадавших в войне государств повысили популярность коммунистических идей в мире. Вот почему после окончания Второй мировой войны бывшие западные союзники СССР, вынужденно ставшие таковыми, развернули против нашей страны холодную войну. При этом США постарались максимально увязать идеологемы развёрнутого в стране маккартизма с кредитованием Западной Европы. В этот период одним из важных инструментов послевоенного политического курса Запада, по сути, нелетальным оружием, стало информационно-идеологическое воздействие на противника.

В этой связи была востребована фальсификация событий только что окончившейся мировой войны. Нуждаясь в конце 1940-х годов в соответствующей информации для ведения войны против Советского Союза, американцы создали Исторический отряд (Historical Division) и привлекли сотни офицеров и генералов вермахта к написанию аналитических работ и мемуаров. В итоге за последовавшее десятилетие побеждённые авторы и их кураторы и редакторы из лагеря победителей написали десятки томов не просто субъективной, но фальсифицированной военной истории. С этого момента вал откровенной лжи о степени участия и роли СССР во Второй мировой войне в западном мире стал только нарастать.

Данная угроза была оценена советским руководством, и в апреле 1965 года совместными усилиями АН СССР и Главного военно-политического управления Минобороны СССР была проведена международная научная конференция в ознаменование 20-й годовщины победы над фашистской Германией⁵. Важнейшими вопросами в работе конференции явились: причины, характер Второй мировой войны, её уроки и последствия;

П.А. Жилин

решающая роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии; происхождение и сущность фашизма; фальсификация хода и результатов Великой Отечественной и Второй мировой войн⁶. Итогом конференции стало постановление ЦК КПСС от 27 августа 1966 года о создании Института военной истории Министерства обороны СССР. Уже 5 ноября 1966 года начальник Генерального штаба ВС СССР — первый заместитель министра обороны

СССР Маршал Советского Союза М.В. Захаров подписал соответствующую директиву, в которой утвердил временный штат института⁷.

Получив статус головного научно-исследовательского учреждения страны в области военной истории, институт практически сразу превратился в основной центр отечественной военно-исторической мысли. И это не просто форма речи. С 1968 года при институте действовал Научный совет по координации исследований в области военной истории. Основными направлениями его научной деятельности стали общие проблемы военной истории, а также развитие отечественной и зарубежной военной истории. Первый штат института был утверждён министром обороны СССР Маршалом Советского Союза А.А. Гречко. Он был укомплектован известными в среде научной и военной общественности учёными и военнослужащими, прошедшими через горнило Великой Отечественной войны, с именами которых были связаны основополагающие моменты в развитии военно-исторической науки. На долгие годы институт возглавил крупный специалист в области военной истории, лауреат Ленинской и Государственной премий, член-корреспондент

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А.А. Гречко и генерал-лейтенант П.А. Жилин (крайний справа в первом ряду) принимают здание Института военной истории МО СССР у генерал-полковника-инженера А.Н. Комаровского

1973 г.

АН СССР генерал-лейтенант (с 1968 г.) П.А. Жилин.

На первом этапе своей плодотворной деятельности на ниве защиты исторической правды коллектив института подготовил и издал не менее 100 научных трудов общим объёмом более 3000 печатных листов. Из них более 30 являлись фундаментальными, в т.ч. многотомные энциклопедии Гражданской и Великой Отечественной войн, «Вторая мировая война. Итоги и уроки», «Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил», «Военная история Отечества с древних времён до наших дней», «Стратегические решения и Вооружённые Силы», «Генеральный штаб Российской армии: история и современность» и др.

Ряд трудов разрабатывался совместно с ведущими научными центрами страны: Институтом истории СССР, Институтом всеобщей истории АН СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и др. Коллектив института активно сотрудничал с видными военачальниками, партийными, советскими и дипломатическими деятелями. В частности, в состав Главной редакционной комиссии многотомного труда «История Второй мировой войны 1939—1945» входили академики и член-корреспонденты Академии наук СССР Г.А. Арбатов, В.А. Виноградов, П.А. Жилин, Н.Н. Иноземцев, А.Л. Нарочницкий и др. В числе военных консультан-

тов в этом проекте участвовали военачальники С.Ф. Ахромеев, И.Х. Баграмян, В.И. Варенников, А.М. Василевский, М.А. Гареев, М.И. Казаков, И.С. Конев, Т.Ф. Толубко, В.И. Чуйков и др.

Круг решавшихся сотрудниками института научных задач неуклонно расширялся. С их участием создавались Музей обороны Москвы, Музей-панорама «Сталинградская битва», Музей истории Генерального штаба, Кабинет-музей Г.К. Жукова, музеи Корсунь-Шевченковской операции и Курской битвы, Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе и пр. С первых дней своего создания институт организовывал проведение научных конференций международного и государственного уровней по важным аспектам военной истории, уделял должное внимание повышению квалификации военных историков и подготовке научных кадров высшей квалификации. В советские годы планомерно укреплялись научные контакты с военно-историческими учреждениями ряда зарубежных стран.

Вместе с тем коллектив Института последовательно действовал в рамках развивавшейся парадигмы отечественной науки, поставленных перед ним государством задач и принимавшихся военно-политических решений. В 1970-е годы запрос в органах власти, научной и армейской сре-

де к повышению эффективности основных направлений борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны был высок. Поэтому вопросы защиты и сохранения исторической памяти советского народа неизменно оставались в поле зрения военных историков⁸.

К середине 1980-х годов их насущной потребностью стали освобождение от чрезмерно сковывавшего научную мысль догматизма и обогащение методологического потенциала военно-исторической науки ранее не востребуемыми положениями, принципами и приёмами исследования⁹. В это время сотрудники института оперативно реагировали на резко возросшее число деструктивных выпадов против армии, советского общества и государства в целом. Так, в 1988 году были проведены научно-практические конференции в четырёх военных гарнизонах (в Таллине, Москве, Батуми, Тбилиси) на тему «Формирование здоровых взаимоотношений в многонациональном воинском коллективе»¹⁰.

Четвёртое десятилетие деятельности института также было насыщено новыми комплексными исследованиями. Совместными усилиями военных историков и учёных РАН завершилась разработка труда «Великая Отечественная война. 1941—1945: военно-исторические очерки». В заключительной, четвёртой, книге этого труда — «Народ и война» — были даны ответы на многие злободневные вопросы, в т.ч. «о цене и последствиях войны, её итогах и уроках»¹¹. Самое активное участие коллектив института принял в реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации».

Вместе с тем в эти годы продолжало нарастать информационно-идеологическое воздействие Запада на историческую память народов постсоветского пространства. Это обстоятельство вкупе с общей тенденцией по сокращению Вооружённых сил Российской Федерации стало поводом к возникновению вопроса о целесообразности даль-

Награждение Института военной истории МО СССР орденом Красной Звезды 6 мая 1983 г.

нейшего сохранения института в существовавшем статусе. Итогом последовавшего сокращения финансирования и развернувшихся в научной среде дискуссий¹² стало включение Института военной истории Министерства обороны в состав Военной академии Генерального штаба ВС РФ в июне 2010 года.

Это решение в совокупности с ростом числа военных конфликтов и динамики враждебной информационно-идеологической и фальсификационной атаки на россиян обусловило наращивание усилий по защите исторической памяти молодого поколения и привело к расширению круга задач, стоящих перед коллективом Института военной истории. В настоящее время продолжаютс:

— масштабное изучение опыта различных войн и военных конфликтов, выпуск разноплановых энциклопедических и справочных изданий¹³;

— научная и учебно-методическая поддержка музеев и музейного сообщества¹⁴;

— разработка учебников и иных учебных изданий по военной истории, а также научно-методическое обеспечение всероссийского и международного этапов военно-исторической олимпиады среди курсантов военных вузов;

— подготовка научных кадров высшей квалификации по ряду научных специальностей, в т.ч. в интересах дружественных России государств;

— экспертно-консультативная помощь теле- и радиоккомпаниям

в производстве документальных и художественных фильмов, разработке сюжетов теле- и радиопередач военно-исторической направленности;

— развитие научного взаимодействия с военными историками других государств;

— разоблачение ревизионистов военной истории России, раскрытие теоретических и иных основ фальсификации истории.

Продолжает расширяться и география деятельности Института военной истории. За шестьдесят лет он прошёл непростой, но славный путь развития, всегда действуя во имя защиты исторической памяти народов, защиты мира и интересов Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Институт военной истории. Вчера, сегодня, завтра (к 50-летию создания) / Ред. коллегия И.И. Басик, Д.Ю. Козлов, Ю.Н. Лещенко и др. М., 2016. С. 8, 9.

² Дорохов Н.И. Военно-историческая мысль в СССР (1920—30 гг.). Проблемы, противоречия, пути развития // Постигая военную историю (Вып. 5). М.: ИВИ МО РФ, 1997. С. 138.

³ Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 18. Д. 20. Л. 42—43.

⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 15. Оп. 801907. Д. 31. Л. 36.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 4. Оп. 17. Ед. хр. 171. Л. 5—6.

⁶ Там же.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 947120сс. Д. 285. Л. 4.

⁸ Военная история — фронт идеологической борьбы. М.: Воениздат, 1972. 110 с.

⁹ Институт военной истории МО РФ (1966—1996 гг.): исторический очерк. М., 1996. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 39, 40.

¹¹ Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации 1966—2006: исторический очерк. М.: Военное изд-во, 2006. С. 47.

¹² Коллективное обращение директоров институтов РАН и директора Росвоенцентра при Правительстве РФ в адрес Председателя Правительства РФ С.В. Степашина и министра обо-

роны РФ Маршала Российской Федерации И.Д. Сергеева // Документы и материалы НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ. Текущий архив. Л. 51—55; Обращение заместителя руководителя Администрации Президента РФ В.В. Макарова к руководителю Администрации Президента РФ А.С. Волошину // Документы и материалы НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ. Текущий архив. Л. 57.

¹³ Например: Великая Отечественная: Комбриги. Военный биографический словарь в 3 т. 2016—2020.

¹⁴ Обращение руководителя Федерального агентства по культуре и кинематографии М.Е. Швыдкого от 19 апреля 2007 г. № 1-07.1173 // Документы и материалы НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ. Текущий архив. Л. 59.

A.Yu. Soklakov, L.V. Trubitsina

IN DEFENSE OF HISTORICAL MEMORY

Celebrating the 60th anniversary of the Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia

Information about authors. Aleksandr Soklakov — senior researcher at the Research Institute for Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) associate professor (Moscow. E-mail: al-sokl@yandex.ru); Lyudmila Trubitsina — junior researcher at the Research Institute for Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Moscow. E-mail: milakise@yandex.ru).

Summary. In this paper, the author briefly outlines the development of domestic military history research in pre-revolutionary and pre-war periods of Soviet history. They identify the main reasons for the Cold War with former allies and the rise of destructive information and ideological influence on Soviet citizens. The assessment of the Soviet leadership of the emerging threat led to the creation of the Institute of Military History under the Ministry of Defense of the USSR. The authors demonstrate the role of this leading military history institution in counteracting the falsification of events during the Great Patriotic War and preserving the historical memory of the people. They also describe the evolution of the Institute of Military History and the dynamic expansion of the range of scientific problems addressed by its staff, as well as fundamental research.

Keywords: Institute of Military History; military history; historical memory; P.A. Zhilin; information counteraction.

«РАССКАЗ О НАДЕЖДЕ, БОРЬБЕ И ЕЖЕДНЕВНОМ ПОДВИГЕ»

Фотоальбом о трудовом и человеческом подвиге рязанцев
в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторе. Кикнадзе Владимир Георгиевич — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», профессор Московского педагогического государственного университета, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (Москва. E-mail: KiknadzeVG@mail.ru).

Аннотация. Представлена рецензия на фотоальбом «Рязань в лицах и событиях: 1941—1945. Народный фотоальбом» (2026), подготовленный и изданный в рамках реализации проекта «Народный фотоальбом: Рязань в лицах и событиях (1941—1945) — связь поколений». Раскрыты идея и особенности воплощения проекта в формате сетевого сообщества, выставки и печатного издания. Подчеркивается вовлечение в проект школьников и молодежи Рязани и Рязанской области, с помощью которых были собраны бесценные семейные реликвии — любительские снимки, солдатские треугольники, наградные документы и дневниковые записи. В соответствии со структурным построением книги, которое отвечает проблемно-хронологическому принципу, показано содержание фотоальбома. Сформулированы выводы о реализации рязанцами проекта «Народный фотоальбом» и предложения по перспективам его внедрения, развития и масштабирования на федеральном уровне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Рязань; Рязанская область; город трудовой доблести; народный фотоальбом; военное фото; трудовой подвиг; Рязанское пехотное училище им. К.Е. Ворошилова; 149-я стрелковая дивизия; движение скорострельщиков; госпитали Рязани; военные училища Рязани; 1-я польская пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко; единство фронта и тыла; дети войны; движение «Девушки, на трактор!»; «Окна ТАСС»; тракторная бригада Д.М. Гармаш; токарь Казаков; А.В. Сыров; В.Н. Саввов; 9 мая 1945 года.

В Рязани в Год единства народов России получила успешную реализацию масштабная инициатива рязанцев по созданию документальной фотолетописи города и области в годы Великой Отечественной войны — вышел в свет альбом*, подготовленный в рамках

проекта «Народный фотоальбом: Рязань в лицах и событиях (1941—1945) — связь поколений». Организатор проекта — Рязанское областное отделение Общероссийского общественного благотворительного фонда «Российский детский фонд».

Идея проекта родилась из стремления восполнить давний пробел в изучении военной истории Рязанского края. Десятилетиями кропотливо исследовались боевые подвиги земляков на фронте, увековечивались их имена. Однако жизнь и труд рязанцев в тылу долгое время оставались в тени беспрецедентного героизма советских воинов. Как объяснили авторы-составители (Д.В. и П.Д. Бочаровы), в 2024 году они «поставили перед собой задачу воссоздать полную картину жизни города накануне испытаний и в военное лихолетье — не как хронику выживания, а как рассказ о надежде, борьбе и ежедневном

подвиге». Альбом призван показать Рязань обороняющуюся, трудовую, госпитальную, но несломленную. Название «народный» было выбрано не случайно: инициаторы проекта хотели, чтобы в сборе исторических материалов приняли участие как можно больше людей, чтобы восстановление исторической правды стало общим делом жителей Рязани и области.

Инициаторами проекта и составителями альбома выступили Дмитрий и Павел Бочаровы — руководители издательства «Региональное информационное агентство», которое занимается выпуском книг по истории Рязанского края и исторической фото-

графией. Также они объединяют инициативную группу деятелей культуры, истории и краеведения. Но издание «Народного фотоальбома» было бы невозможным без командной работы большого числа организаторов и соавторов, среди которых известные рязанские искусствоведы, историки, краеведы, работники архивов, музеев и библиотек.

История создания книги — это история поиска, длившаяся почти два года. Инициаторы проекта столкнулись с объективными трудностями: не существовало единого хранилища военных фотографий, а самих снимков 1941—1945 гг. сохранилось несопоставимо меньше,

* Рязань в лицах и событиях: 1941—1945: народный фотоальбом. Рязань: РИА, 2026. 240 с.

чем за предвоенное и послевоенное время. Фотосъёмка на улицах города была запрещена, негативы областной газеты «Сталинское знамя» оказались утрачены. Тогда авторы-составители фотоальбома максимально расширили географию поиска: обратились в государственные и ведомственные архивы, музеи — от областных до школьных, в музеи театров, изучали частные собрания коллекционеров. Неоценимую помощь им оказали рязанские краеведы, а также сотрудники Государственного архива Рязанской области, Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника и Рязанского художественного музея им. И.П. Пожалостина, которые горячо поддержали идею земляков.

При подготовке материалов авторы книги стремились к строгой атрибуции каждого снимка: сверяли даты, локации, имена и сведения. В этом им помогли сотрудники архивов и экспертное сообщество.

В 2025 году, в год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, проект получил грантовую поддержку Фонда президентских грантов. Содействие в развитии проекта оказала и администрация города Рязани. В итоге в издание вошли более 300 документов военной поры: фотографии, аэрофотосъёмка, агитплакаты, зарисовки рязанских художников. Многие из них опубликованы впервые.

Структурно альбом состоит из девяти глав: «Завтра была война»; Рубежи обороны; Защитим Рязань; Город милосердия; Учились сражаться и побеждать; В труде как в бою; Село — фронту; Плакаты, зовущие в бой; Долгожданный День Победы. Авторами вступительных статей к главам стали Е.В. Дворникова, Д.Ю. Володин, А.В. Бабурин, А.В. Кузнецов, Г.В. Ларин, С.В. Филимонов, Е.А. Баранцев, И.Н. Протопова и А.И. Чувакин.

Важное значение в наши дни имеет демонстрация запечатлённого единства советского общества: в одном ряду на занятиях по строевой подготовке преподаватели и студенты Рязанского педагогического института; рязанские женщины-зенитчицы, заменившие мужчин; сандружинницы-рязанки, входившие в санитарную дружину при штабе МПВО; партизаны и бойцы Спасского истребительного батальона; руководство городского комитета обороны; отправка на фронт в феврале 1942 года, уже после освобождения города, сфор-

мированной в Рязани 149-й стрелковой дивизии.

Особый интерес представляют фото, связанные с одним из значимых эпизодов контрнаступления советских войск в Битве под Москвой — освобождением города Михайлова. Альбом даёт возможность достоверного погружения в обстановку зимы 1941 года: общие виды разрушенных улиц города, состояние отдельных объектов (зданий, мостов), разбитая немецкая техника, первые минуты в городе после освобождения от нацистов. В качестве источников выступают фото, показывающие как преступный характер немецкой оккупации, так и подвиг советских женщин, которые скрывали у себя раненых красноармейцев, тушили устроенные немцами пожары и даже брали в плен фашистов (д. Мишкино Рязанской обл.).

За годы войны в Рязанской области было развёрнуто более 100 госпиталей, из которых 24 находились непосредственно в Рязани. Через них прошли около 170 тыс. человек. В альбоме последовательно представлены основные этапы лечения раненых: разгрузка военно-санитарного поезда; приём в санпропускник; операции в приёмно-сортировочном отделении; первичный врачебный осмотр и перевязка; переливание крови; работа лаборатории, кабинетов физиотерапии и лечебной физкультуры, пищеблока и вещевого склада; трудотерапия среди выздоравливающих и их весьма разнообразный и полезный досуг; заседание военно-врачебной комиссии и проводы демобилизованных. Подвиг рязанских врачей, медсестёр, санитарок и простых жителей города, ставших шефами раненых, — это неотъемлемая часть нашей Великой Победы. Госпитали Рязани были не просто этапом на

пути с передовой в тыл — они стали зримым доказательством того, что милосердие и профессионализм способны одержать верх даже над смертью.

На территории Рязанской области в военные годы дислоцировалось 11 военно-учебных заведений. Семь училищ готовили офицеров (Рязанское пехотное (будущее Воздушно-десантное), Рязанское артиллерийское, передислоцированные Телавское пехотное и Орджоникидзеградское автомобильно-мотоциклетное, Военно-политическое училище Западного фронта, 1-е Московское и Рязанское пулемётные училища); четыре школы — младших специалистов (высшая школа дальней авиации в Дягилеве, школа санинструкторов, авиационная школа пилотов в Сасове и школа танкистов для Польской армии). Особой страницей стала интернациональная миссия — подготовка кадров для польских, чехословацких и румынских национальных формирований, боевое братство с которыми вело к общей Победе над фашизмом. В альбоме мы видим сосредоточенные лица курсантов на теоретических занятиях, строевую подготовку на плацу, круглогодичное и всепогодное оттачивание боевых навыков на полигонах и аэродромах. Внимание специалистов наверняка привлекут фото о движении скорострельщиков и практических занятиях девушек-курсанток Рязанского пехотного училища им. К.Е. Ворошилова (включая стрельбу из крупнокалиберного миномёта), а также о присяге, параде и отправке на фронт 1-й польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» отметили в Рязанской области больше 250 тыс. человек —

Лицевая и оборотная стороны обложки книги

рабочих, машинистов, инженеров. Для них война тоже была фронтом, только трудовым. Они выстояли, выдержали, сделали невозможное. Рязанские производственники освоили около 200 наименований изделий для фронта. Главной проблемой стала острая нехватка кадров: мужчины уходили на фронт. Их место у станков заняли женщины и подростки. Нормы выработки перекрывались в разы. Токари и слесари выполняли задания на 500, 700 и даже 1000 проц. Так, бригадир комсомольско-молодёжной бригады на моторемонтном заводе токарь Казаков, начав работать на двух станках, в ночь на 27 января 1944 года выполнил дневные нормы на 1120 проц. На Рязанской швейной фабрике работницы выполняли норму на 400—500 проц. На «Рязсельмаше» бригады стабильно давали 300—400 проц. нормы. В Касимовских судоремонтных мастерских семь бригад получили звание фронтовых. Фотографии в альбоме наглядно подтверждают единство фронта и тыла, особый вклад детей, молодёжи и женщин, их жертвенное служению Отечеству. Каждый на своём месте, включая частушечник, группы художественной самодеятельности и артистов, приближал Победу. При этом большинство фотографий относится к 1941—1942 гг. — наиболее сложному периоду войны, что повышает их ценность как исторических источников.

Глава «Село — фронту» — портрет подвига сельских жителей Рязанской области. Весна и лето, осень и зима мелькают на кадрах давно минувших дней. На этот раз в основном 1943 и 1944 гг. Разные районы и такие разные лица... Сосредоточенность, суровость, внимательность и детские улыбки. Многие из снимков публикуются впервые. Это уникальная возможность, например, представить себя в составе легендарной тракторной бригады Д.М. Гармаш Рыбновского района, о подвиге которой знала вся страна. Именно по инициативе Дарьи Матвеевны на селе развернулось движение «Девушки, на трактор!», получившее всесоюзную поддержку. Благодаря фотоальбому уже не затеряются фамилии и лица Н. Винокуровой — лучшего специалиста по овцеводству колхоза «Путь Ленина» Шелуховского р-на (ныне Шиловский р-н), Е. Бузиной — передовика колхоза «Красная звезда» Можарского р-на (ныне Сараевский р-н), П. Зоткиной — до-

ярки-стахановки колхоза «Смычка», других работников колхозов, МТС и школьников. По-особому трогательны фото с детьми-сиротами, взятыми на воспитание колхозом им. Сталина Больше-Коровинского района (1943 г.), а также с детьми фронтовиков за обедом в столовой Федякинской неполной средней школы (1942 г.). Представляет интерес фотолетопись школьных будней и успехов на селе: выпуск очередного номера стенгазеты кружка юннатов, урок для бригадиров полеводческих бригад, вручение знамени победителя Всесоюзного социалистического соревнования школьников.

В Архиве научной библиотеки Рязанского областного художественного музея им. И.П. Пожалостина хранится бесценный документ, донёсший до нас имена художников, которые создавали в годы войны плакаты и «Окна ТАСС». «Н-ская часть» — так называлась эта творческая группа — находилась на военном положении. В неё помимо А.В. Сырова (первый председатель Рязанского союза художников, директор Рязанского художественного училища) входили Л.И. Егорова, П.В. Клочкова, М.А. Младова, Л.В. Сабина, З.Г. Гнаткова. Художники выпускали серии плакатов и карикатур, которые обновлялись каждую неделю; 22 из них представлены в фотоальбоме. Они изображают зверства фашистов, обостряя чувство ненависти к врагу, ложь нацистской пропаганды, поражения вермахта и мощь Красной армии, мобилизуют советское общество на борьбу за Победу.

«И вот настал день, когда... все матери узнали о победе своих славных сыновей-богатырей. Скоро они встретят у порога родного дома своих сыновей и дочерей, внуков и внучек, которые прошли все дороги войны, честно исполнили материнский наказ, растоптали змея Горыныча, выбили из него дух. Поэтому снова над нашей землёй сияет солнце счастья, труда и радости», — так описал 9 мая 1945 года на Рязанской земле А. Чувашкин в статье «Праздник Победы в Рязани» (газета «Сталинское знамя» от 12 мая 1945 г.). Фото-репортаж о торжествах в Рязани, которые начались ранним утром, представлен в книге восьмью работами фотографа В.Н. Савова. Здесь и митинг на братской могиле, и выступления художественной самодеятельности, и танцы.

Д.В. и П.Д. Бочаровы в своём обращении к читателям от составителей справедливо обращают внимание на то, что «героический, порой изнурительный труд» тех, кто вступал в отряды ополчения, когда враг стоял на подступах к родному городу, участвовал в строительстве оборонительных сооружений, заменял ушедших на фронт мужчин у заводских станков, работал в поле, трудился в госпиталях, на железнодорожном транспорте, занимался подготовкой военных кадров, «не отмечен боевыми наградами, но он был необходимым условием для обеспечения фронта, а значит, и для Победы». История их повседневности в военное время — неотъемлемая часть истории Рязанщины и важная страница российской военной истории.

Все, кто отображён на этих фотографиях, обороняли родную Рязань и трудились, не щадя себя, ради общей Победы. Вглядываясь в лица рязанцев, остановивших войну, видно, что в них отразилась целая эпоха, полная боли, мужества и надежды. Каждый портрет, каждый кадр военной поры — это история семьи, история города, история страны, застывшая во времени.

Особого внимания заслуживает вовлечение в проект школьников и молодёжи. Авторы-составители обратились к рязанцам с призывом искать в семейных архивах фотографии и документы предвоенной и военной поры. Отклик превзошёл все ожидания: школьники, студенты, их родители, бабушки и дедушки присылали бесценные семейные реликвии — любительские снимки, солдатские треугольники, наградные документы, дневниковые записи. Каждый такой документ не остался без внимания; часто команде проекта приходилось восстанавливать изображения, которые, казалось, уже утрачены навсегда.

Для систематизации этого потока материалов была создана единая точка входа — сообщество проекта в социальной сети «ВКонтакте». В данный момент это уже полноценная платформа для общения, где публикуются и обсуждаются материалы по теме проекта «Народный фотоальбом Рязани 1941—1945 гг.».

Из всего массива собранных материалов для публикации отбирались те, что наилучшим образом отвечали задачам проекта:

— историческая значимость (отдавалось предпочтение документам,

имеющим отношение к истории Рязанской области);

— содержательная ценность (снимки и материалы должны были ярко и эмоционально отражать реалии и события военного времени);

— художественные и технические качества (учитывались как художественные достоинства, так и техническое качество фотографий).

Проект с самого начала жил не только в формате книги. В год 80-летия Великой Победы накануне 9 Мая на Почтовой — главной пешеходной улице Рязани — была открыта выставка, составленная из фотографий и документов, вошедших в издание. В 2026 году в праздничные дни авторы книги вновь организовали уличную выставку, основу которой составили материалы из семейных архивов рязанцев, а также фотографии из газет военного времени, восстановленные с помощью цифровых технологий и искусственного интеллекта. «Видеть, как прохожие останавливаются, всматриваются в лица своих земляков, как родители объясняют детям, что пережил наш город, стало для нас лучшей наградой», — отмечает в обращении к читателям представитель инициативной группы проекта Л.А. Крохалева, заслуженный учитель Российской Федерации, кандидат педагогических наук, директор Центральной городской библиотеки имени С.А. Есенина.

Важно отметить, что проект не носит коммерческого характера. Книга была бесплатно разослана по библиотекам, школам и музеям Рязанской области. Также создана электронная версия фотоальбома,

которая находится в свободном доступе на сайте проекта: народныйфотоальбом.рф.

Издание получило высокую оценку экспертного сообщества. Все сошлись во мнении, что работу над проектом необходимо продолжать. Перспективы развития проекта Дмитрий и Павел Бочаровы видят в создании новых томов. Поток писем и снимков из семейных архивов оказался настолько мощным, что стало понятно: одно издание не в силах вместить все собранные свидетельства народной памяти. Поэтому этот фотоальбом — лишь первая книга задуманной серии. Авторы уже приступили к работе над второй книгой — «Народный фотоальбом. Рязань: 1941—1945. Из семейных архивов». Кроме того, в планах том с реконструкциями фотографий из газет военных лет, что позволит восстановить уникальные кадры, которые долгое время считались утраченными. Рабочее название этой книги — «Народный фотоальбом. Рязань: 1941—1945. Возвращённые снимки».

Параллельно Д.В. и П.Д. Бочаровы создают и постоянно пополняют цифровую базу данных — это большое количество документов, фотографий, биографий и свидетельств, многие из которых не вошли в печатное издание. Живой диалог с подписчиками сообщества также даёт новые документы. В результате сформировался значительный объём визуальных и текстовых материалов, который открывает возможности для создания новых цифровых и медийных продуктов.

На наш взгляд, инициатива и качество реализации рязанцами

проекта «Народный фотоальбом. 1941—1945» заслуживают самой высокой оценки и всесторонней поддержки. Он в полной мере соответствует стремлению российского общества и государства сохранить правду о военном лихолетье для будущих поколений.

Материалы альбома могут найти достойное применение как в рамках исторического просвещения и военно-патриотического воспитания граждан России, так и в качестве исторических источников при разработке научных работ по истории Великой Отечественной войны, в т.ч. нового издания фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.». Они также способны пополнить коллекции фотодокументов федеральных баз данных, таких как проект Российского военно-исторического общества «Образы войны» (образывойны.рф) и Комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов «Вторая мировая война в архивных документах», размещённый на портале Президентской библиотеки (<https://www.prilib.ru/project/1298142>).

В перспективе целесообразно рассмотреть возможность запуска тематического портала, который объединит все собранные материалы и сделает их доступными для исследователей и широкой аудитории.

Уверены, что оправданно будет и масштабирование проекта на другие регионы России, чтобы подобные народные фотоальбомы появились в каждом городе, носящем звание «Город трудовой доблести» или имеющем богатую военную историю.

V.G. Kiknadze

«A STORY OF HOPE, STRUGGLE, AND EVERYDAY HEROISM»

A photo album about the labor and incredible courage of the people of Ryazan during the Great Patriotic War

Information about author. Vladimir Kiknadze — deputy editor-in-chief of the Military History Journal, professor at Moscow State Pedagogical University, corresponding member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, colonel (res.), D. Sc. (Hist.), associate professor (Moscow. E-mail: KiknadzeVG@mail.ru).

Summary. This paper presents a review of the photo album *Ryazan in Faces and Events: 1941—1945. A People's Photo Album*, which was prepared and published as part of the *People's Photo album: Ryazan in Faces and Events (1941—1946) — Connecting Generations project*. It explores the ideas, initiatives, and implementation of this project through an online community, an exhibition, and a printed publication. The paper highlights the involvement of schoolchildren and young people from Ryazan and the Ryazan region, who helped to gather priceless family relics: amateur photos, soldiers' letters, award certificates, and diary entries. The book's structure, which follows a chronological, problem-based approach, presents the contents of the photo book. Conclusions are drawn on the implementation of the People's photo album project by residents of Ryazan, as well as suggestions for its future development and expansion to the federal level.

Keywords: Great Patriotic War; Ryazan; Ryazan region; City of Labor Valor; people's photo album; war photo; labor feat; Ryazan Infantry School named after K.Ye. Voroshilov; 149th Rifle Division; rapid-fire movement; Ryazan hospitals; Ryazan military schools; 1st Polish Infantry Division named after Tadeusz Kosciuszko; unity of front and rear; children of war; Girls, to the Tractor! movement; TASS Windows; D.M. Garmash's tractor brigade; turner Kazakov; A.V. Syrov; V.N. Savvov; May 9, 1945.

ОКТАБРЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 октября – День Сухопутных войск.

7 октября 1911 года, 115 лет назад, родился С.С. Маряхин, генерал армии (1968). Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. начал командиром танкового батальона, завершил командиром 68-й гвардейской танковой бригады 1-го Украинского фронта. После войны занимал различные командные и штабные должности, в том числе командующего Северной группой войск на территории Польши и командующего войсками Белорусского военного округа. В 1968–1972 гг. – начальник Тыла Вооружённых сил – заместитель министра обороны СССР. Умер 15 июля 1972 года.

11 октября 1961 года, 65 лет назад, на Семипалатинском полигоне был осуществлён первый подземный ядерный взрыв.

12 октября 1771 года, 255 лет назад, родился М.А. Милорадович, военный деятель, генерал от инфантерии (1809). Отличился в сражениях кампании 1805 года, в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Бородинском сражении 1812 года, Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. С 1818 года – военный губернатор Санкт-Петербурга. Был смертельно ранен на Сенатской площади во время восстания декабристов 25 декабря 1825 года и на следующий день скончался.

18 октября 1951 года, 75 лет назад, на Семипалатинском полигоне был осуществлён первый воздушный ядерный взрыв в результате сброса бомбы РДС-3 с самолёта Ту-4.

19 октября 1786 года, 240 лет назад, родился А.Ф. Орлов, генерал от кавалерии (1833), дипломат. Участник походов русской армии против Наполеона, возглавлял русскую делегацию при заключении Адрианопольского мирного договора с Турцией. В 1844–1856 гг. – шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения, в 1856 году был главой русской делегации на Парижском конгрессе, завершившем Крымскую войну. С 1856 года занимал должности председателя Госсовета и комитета министров. Умер 21 мая 1861 года.

20 октября 1906 года, 120 лет назад, родился Ф.П. Полынин, генерал-полковник авиации

М.А. Милорадович

(1946). В Красной армии – с 1928 года. Окончил школу лётчиков и летнабов (1931), Курсы усовершенствования начсостава при Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского (1935), Военную академию Генштаба (1955). За отличие в боях против японских захватчиков в Китае (1937–1938) удостоен звания Героя Советского Союза. В Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. командовал ВВС 13-й армии. С августа 1940 года – командир 13-й бомбардировочной авиадивизии. В ходе войны – командир авиадивизии, командующий ВВС Брянского фронта, заместитель командующего и командующий воздушными армиями. С ноября 1944 до 1947 года командовал ВВС Войска Польского. С 1947 года – на командных должностях в ВВС

Вооружённых сил СССР, в 1959–1971 гг. – начальник тыла ВВС. Умер 21 ноября 1981 года.

20 октября – День военного связиста.

22 октября 1896 года, 130 лет назад, родился Я.Н. Федоренко, маршал бронетанковых войск (1944). Участник Гражданской войны. В 1940–1942 гг. начальник Главного автобронетанкового управления, в 1942–1947 гг. командующий бронетанковыми и механизированными войсками Советской армии. Умер 26 марта 1947 года.

24 октября – День подразделений специального назначения Вооружённых сил РФ.

24 октября – День памяти ракетчиков.

27 октября 1961 года, 65 лет назад, с полигона Капустин Яр в ракетном пуске был осуществлён первый высотный (космический) ядерный взрыв.

30 октября – День рождения Российского флота.

30 октября 1961 года, 65 лет назад, на Новоземельском полигоне было произведено испытание самой мощной в мире термоядерной бомбы («Кузькина мать»). С наружной подвески самолёта Ту-95-202 было сброшено изделие массой 26 т (длина – 8 м, диаметр – 2 м) мощностью свыше 50 Мт в тротиловом эквиваленте.

Публикация Н.Л. Крыловой